

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Касьянов год

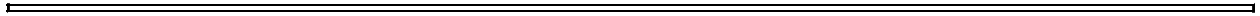
Annotation

Действие книги разворачивается в 1900-м году. Год високосный, в народе его не любят; считается, что он приносит несчастья. По святцам 29 февраля день святого Кассиана — по нему весь год называют Касьяновым. Лыков по просьбе министра финансов Витте едет в Киев. Там зять Витте Михаил Меринг ударился в рискованные аферы. Он занимается жилищным строительством и набрал множество кредитов. Но в строительстве кризис, и Меринга ждет банкротство. Стараясь обмануть кредиторов, он жульничает с залогами. Оценщик банка узнал об этом и написал тестю афериста. Встревоженный Витте просит Лыкова разобраться, что там происходит. Сыщик явился в Киев и узнал, что оценщик бесследно исчез...

- [Николай Свечин](#)
 - [Глава 1. Зять любит взять](#)
 - [Глава 2. Ах, Киев!](#)
 - [Глава 3. Находка в реке](#)
 - [Глава 4. Киевские банки и все, что вокруг них](#)
 - [Глава 5. О кризисах, онкольных кредитах и прочей ерунде](#)
 - [Глава 6. Тайны Никольской слободы](#)
 - [Глава 7. Красовский](#)
 - [Глава 8. Гибель свидетелей](#)
 - [Глава 9. В потемках](#)
 - [Глава 10. Армия приходит на помощь](#)
 - [Глава 11. Братья Корба](#)
 - [Глава 12. Происшествие в Зверинце](#)
 - [Глава 13. Ангел смерти](#)
 - [Глава 14. Конец дознания](#)
 - [Глава 15. Охота на чиновника особых поручений](#)
 - [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

Николай Свечин
Касьянов год

Глава 1. Зять любит взять

Министр внутренних дел Сипягин вызвал к себе директора Департамента полиции Зволянского. Тот пришел с красными глазами: опять до трех часов утра вводил начальство в курс дел. Отношения двух сановников не складывались. Зволянский считал, что должность «затыкателя вулкана» (его выражение) нужно поручать человеку ответственному и способному к серьезной работе. Время суровое: того и гляди, шархнет... А Сипягин — ленивый барин, добродушный, даже чувствительный. Хороший семьянин, верующий человек и монархист, государь его любит. Но к труду не способен. Охотиться с ним хорошо или в винт играть, а вот служить трудно. Пока славный малый возглавлял Комиссию прошений, это было терпимо. Служба непыльная, устоев не обрушит. Но министр внутренних дел! в тысяча девятисотом году! Зволянский в душе негодовал. Сейчас ему приходилось ездить к министру каждый вечер и посвящать его в узкоспециальные полицейские вопросы, а именно в самые важные дела карательного ведомства. Главного охранительного, от которого будущее империи зависит. После ночных бдений, окончательно одуревшие, собеседники расставались недовольные друг другом. Вот только обижаться на начальство — занятие бессмысленное и опасное. И Зволянский втайне начал подыскивать себе другое место. Обычно директоров департамента после отставки производили в сенаторы, с сохранением прежнего, весьма достойного жалования. Плохо ли?

— Слушаю вас, Дмитрий Сергеевич, — почтительно произнес Зволянский, заходя в кабинет. — Что-то срочное?

— Как сказать, Сергей Эрастович, — пробурчал Сипягин, теребя седую бороду. — Вот, ознакомьтесь. Черт знает что происходит в Киеве... Совсем жида распустились! Мне передал эту бумагу Витте.

Директор департамента взял протянутое письмо и пробежал его глазами. Некий Афонасопуло, оценщик Киевского частного коммерческого банка, сообщал следующее. В банке творится аферизм. Директор Михаил Меринг бездумно и необоснованно ссужает большими суммами Киевское акционерное домостроительное общество. Общество строит дома в центре города, на лучших участках. Руководит им все тот же Меринг. И получается, жулик кредитует сам себя. Он заставляет Афонасопуло кривить душой и завышать цену залога. В сговоре с Мерингом состоит архитектор

Шлейфер. Он председатель правления в Городском кредитном обществе, тоже занимающемся ипотекой. И одновременно партнер Меринга по строительству. Из двух банков деньги бесконтрольно утекают в авантурные прожекты. Это все плохо кончится! В жилищном деле кризис, вновь выстроенные квартиры никто не купит. Вот-вот банки ждет банкротство. Афонасопуло писал губернатору и даже министру юстиции, но ни от кого не получил ответа.

— Дмитрий Сергеевич, а мы тут при чем? — возмутился действительный статский советник. — Пусть киевская сыскная разбирается. Дело мелкое, не нашего калибра. Еще Департаменту полиции не хватало дознавать аферы в Киеве!

Сипягин поморщился:

— И я бы так считал, Сергей Эрастович, если бы не одно обстоятельство. До Шлейфера нам дела нет. Но министр финансов не просто так обратился ко мне. Упомянутый здесь Меринг — его зять. Женат на приемной дочери Витте Софье, от первого брака покойной жены Сергея Юльевича. Хотя и приемная, а все-таки дочь! Он дал ей свою фамилию. А теперь, возможно, на нее — я имею в виду фамилию — ляжет пятно. Сергей Юльевич просит навести справки. Очень и очень осторожно.

Зволянский подобрался. Вот оно что... Тогда действительно, от поручения не отвертеться. Министр финансов Витте — первый среди равных, самый влиятельный в правительстве человек. А Сипягин — директор это знал — был его приятелем.

— Теперь понятно, ваше высокопревосходительство. Но почему мы, сыщики? Проще было бы Витте послать в Киев одного из своих доверенных лиц. Финансовые вопросы для полиции темный лес...

— Он сначала так и сделал, — пояснил Сипягин. — Как только получил сигнал, телеграфировал своему приятелю, действительному статскому советнику Немешаеву...

— Финансисту?

— Нет. Клавдий Семенович Немешаев — управляющий Юго-Западными железными дорогами. Человек в Киеве всесильный, эдакий тамошний князек.

— И что приятель? Встретился с автором письма?

— А он не нашел Афонасопуло. Тот вдруг куда-то исчез, сразу после того как Немешаев захотел с ним повидаться.

Зволянский насупился:

— Сбежал с перепугу, когда понял, что за клевету могут и спросить?

— Кто знает, — насупился в ответ министр. — Не было бы чего

похуже...

— Что вы имеете в виду, Дмитрий Сергеевич? Надеюсь, не преступление?

— Меня смущает одно место. — Сипягин ткнул пальцем в бумагу: — Вот, обратите внимание. «А недавно Меринг заставил меня сделать такое, что тянет на каторжные работы». Представляете? И далее: «Доказательства у меня на руках, и я охотно предоставлю их вашему высокопревосходительству».

— Мало ли что скажешь для красного словца, — возразил Зволянский. — Хотел заинтриговать Витте, вот и сболтнул. Что-то не помню случая, чтобы за строительные аферы кому-нибудь в империи давали каторгу.

— Как хотите, Сергей Эрастович, а надо разобраться. Витте попросил, я не могу ему отказать. Теперь, когда финансисту не с кем стало разговаривать, нужен сыщик. А это уже по нашему ведомству.

— Зять любит взять?

— Запросто! Разузнайте, что там в Киеве происходит, только осторожно.

— Осторожно — это как? — снова начал заводиться директор департамента.

— Ну так, чтобы не порочить имя Меринга раньше времени. Соберите сведения и передайте их через меня Сергею Юльевичу. А тот решит. В конце концов, денежные махинации относятся до Министерства финансов, ведь так?

— Да. Но дознание будут вести чины полиции, то есть ваши подчиненные.

Сипягин пожевал губами, подумал, потом решил:

— Пошлите туда верного человека. Пусть откроет секретное дознание по этому письму, от моего имени.

— Секретное от кого? — окончательно раздухарился Зволянский. — От Меринга с этим... как его? Шлейфером? Или от киевского губернатора и местной полиции? Без помощи тамошних сил дознание невозможно. А как только им придется рассказать о секретном поручении, оно тут же станет общеизвестным. Там наверняка, как и повсюду в провинции, спайка. Любая тайна через день будет сплетней.

Министр крякнул в досаде:

— Это так. А тут еще скандальный Драгомиров. Если он узнает о секретном дознании, такой шум поднимет. Государю не задумаясь напишет!

Генерал-адъютант Драгомиров занимал сразу две высших должности в Юго-Западном крае. Он был командующим войсками Киевского военного округа и одновременно Киевским, Волынским и Подольским генерал-губернатором. Человек самобытный, герой русско-турецкой войны и новатор военного дела. Сидит там, как эфиопский негус, карает и милует. Без его согласия тайные дела не начнешь. Вот рядовое дознание можно. Получил министр сигнал с места и послал человека разобраться.

— Согласен с вами, Сергей Эрастович. Пусть ваш чиновник едет с официальным поручением, и местные силы ему в помощь. Думаю, Афонасопуло все-таки сгустил краски. Умный ревизор быстро все поймет. Ну а если оценщик прав и там афера... Тогда и решим, вместе с Витте. Кого хотите послать?

— Надворного советника Лыкова, — не задумываясь, ответил Зволянский.

— Я еще плохо знаю кадр вашего департамента. Лыков — это тот, что поймал убийц читинского полицмейстера Сомова?

— Точно так, Дмитрий Сергеевич. Мой чиновник особых поручений. Согласно вашего распоряжения, он был послан дознавать возмутительное злодеяние. Дорога в оба конца заняла у Лыкова больше месяца, а само преступление он раскрыл в три дня! И вообще, надворный советник всегда находит виновных. До сих пор у него не было ни одной неудачи.

— Вот и хорошо, — поднялся министр. — Посылайте туда Лыкова и держите меня в курсе его дел. Сами понимаете, с Витте надо ладить. От него сметы нашего министерства зависят.

Зволянский вернулся к себе на Фонтанку, 16 и велел немедленно пригласить надворного советника. Тот явился.

— А скажи мне, Алексей Николаевич, бывал ли ты в Киеве?

— Дважды проездом, а что?

— И как находишь город?

— Сам город так себе, а окрестности выше всяких похвал. Красиво!

— Ну вот и славно. Собирайся, поедешь туда.

И директор рассказал о новом задании министра.

Лыков прочитал письмо неведомого оценщика и сказал:

— Странный сигнал. Афонасопуло написал банальности, а самое важное скрыл. Почему, как думаешь?

Наедине оба полицейских чиновника были на «ты».

— Хочет лично повидаться с министром финансов, — предположил Зволянский. — Каторга! Насчет каторги он, конечно, загнул, но, видать, там что-то серьезное. Вот наш главный казначей и забеспокоился. Боится

сплетен, ясное дело.

— Согласен, — кивнул сыщик. — Про Витте и так всякое говорят. Ему приходится быть святее папы римского. Но наш-то каков!

Директор скривился:

— Да уж. Ходит на помочах и рад, не знай как. И все будто бы для пользы дела.

Лыков знал от директора, что их министр находится под сильным влиянием Витте. Того не любил государь, и хитрый делец использовал простодушного Сипягина в своих целях. В противовес Сергею Юльевичу император очень хорошо относился к Дмитрию Сергеевичу. И все благодаря его женитьбе. Будучи сорока одного года от роду, Сипягин обвенчался с сорокатрехлетней перезревшей девицей, княжной Вяземской. Ее сестра в свою очередь стала женой Шереметева, того самого, знаменитого Сергея Дмитриевича. Этот человек был другом детства покойного государя и наставником нынешнего. Такое свойство быстро вывело заурядного бюрократа наверх. Из московских губернаторов он скакнул в товарищи министра и егермейстеры. Потом стал главноуправляющим Комиссии по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых. А это уже должность, когда ты на глазах у монарха. И через четыре года Сипягин возглавил важнейшее в системе управления империей министерство. Притом остался добрым малым с хитрецей, любителем вкусно поесть и поохотиться. Государственным мышлением не обладал, зато был настоящий московский барин.

— Наш... — Зволянский хотел сказать «дурак», но не решился и продолжил иначе: — ...патрон желает услужить Витте. Хотя при своих отношениях с Его Величеством сам бы мог вить из казначея веревки. Так что езжай и разберись. Разыщи писателя и тряхни как следует. Кажется, это заурядный донос. Или рядовая афера, которая Департамента полиции никак не касается. Но замешаны такие люди... Киев — столица Юго-Западного края и вотчина Драгомирова, второго государева любимца. Будь осторожен, не наступи там на ногу кому не следует. Сипягин из-за мелкой шушеры, как мы с тобой, ни с кем ссориться не будет. Особенно если противник с титулом или хорошим поместьем.

— Я сам с хорошим поместьем! — обиделся Лыков.

Но действительный статский советник лишь крикнул и сказал сдержанно:

— Ну ты же понял, что я имею в виду...

— Как не понять.

— Тогда ступай. И не присылай мне, пожалуйста, оттуда плохих

вестей. И без того грустно.

— Очень донимал? — сочувственно спросил надворный советник.

— Еловая голова у нашего патрона, — не сдержался Зволянский. Он знал, что дальше Лыкова не уйдет. — В третьем часу ночи сегодня отпустил! Про Особый отдел так и не понял, придется заново разжевывать. Нет, уходить пора, уходить...

Алексей Николаевич впал в минорное настроение. Судьба чиновника его уровня зависела от служебных дрызг и интриг. С прежним министром Горемыкиным Зволянский жил душа в душу, и надворный советник тянул лямку спокойно. Знал, что директор всегда прикроет. Но в декабре прошлого года Горемыкина задвинули в Государственный совет. Сыщик Лыков сразу почувствовал изменения. Его начальник стал нервным и неуверенным. Конечно, такое случалось уже не раз. Лыков много повидал директоров Департамента полиции, Зволянский не первый и не последний. Но, поднимаясь в Табели о рангах, все труднее оставаться в стороне. Бывший нижегородец засиделся в надворных советниках. Документы на его производство в следующий чин были уже заготовлены. И тут неприятное поручение — вскрыть аферу, которую устроил зять всемогущего Витте. Самому бы уцелеть после такого дознания...

Подумав как следует, Лыков телефонирует в Военное министерство. Он решил перед отъездом повидаться с бароном Таубе. Пусть расскажет другу, кто такой Драгомиров. «Хозяин» Киева может стать союзником или противником в опасном деле. Лучше бы союзником...

Виктор Рейнгольдович принял старого товарища после девяти. Он занимал теперь должность, в которой раньше состоял покойный Енгальчев — директор канцелярии ВУК^[1]. Должность была генеральская, но Таубе по-прежнему держали в полковниках. Дали казенную квартиру, и на том спасибо. И «на гуся»^[2] выписывают, как генерал-майору... В их последнюю встречу на Пасху барон был не весел. Жаловался на Куропаткина, что загонял всех в министерстве пустяковыми поручениями. Полгода отсутствует на месте, ездит по стране ради двойных прогонов. Берется за все сам, а потом бросает и не может отличить главного от второстепенного. Ну эдак-то по всей империи... Таубе жаловался устало и механически и намекал, что уйдет в строй. Знакомая песня. Если бы нашему брату да волю выбирать начальство...

— Что расскажешь? — спросил полковник, пожимая товарищу руку.

Тот сразу взял быка за рога:

— Меня посылают в Киев. С неприятным поручением. Даже,

возможно, опасным.

— И что?

— Скажи, в какой мере я могу рассчитывать на помощь Драгомирова? В случае, ежели не дай Бог...

— А что за поручение?

— Некто Меринг, председатель правления домостроительного общества, якобы заигрался. Растащил деньги из банка, отдать не может, а лезет во все новые аферы...

— Обычная история, — прервал гостя Таубе. — Таких мильён, что же тут опасного?

— Этот Меринг женат на дочери Витте. Приемной, но тем не менее...

Барон присвистнул.

— Витте? Убийца русской армии? Тут Михаил Иванович ему спуску не даст, за все отыграется.

— Погоди, Виктор. Давай сначала про Драгомирова, а потом про убийство армии.

— Давай. Итак, генерал-адъютант, генерал от инфантерии Михаил Иванович Драгомиров. В этом году ему исполнится семьдесят лет. Человек очень больной и оттого капризный.

— Он действительно с зайчиком в голове? — уточнил Лыков.

— Со странностями, это верно. Однако у талантливых людей такое бывает часто, а Драгомиров талантливый.

— Говорят, он постоянно выпимши.

— Нет, — возмутился Таубе. — Эти сплетни о нем распускает генерал Новицкий, начальник Киевского ГЖУ^[3]. Старый дурак и дармоед, кстати сказать. Драгомиров имеет большие заслуги перед Россией. Его дивизия в русско-турецкой войне первой форсировала Дунай и обеспечила успех всей переправы. Он же вовремя поддержал Радецкого на Шипке. Но получил там тяжелую рану, ему едва не ампутировали ногу. Пришлось покинуть строй. Михаил Иванович долго командовал Николаевской академией^[4], написал учебник по тактике, потом принял Киевский округ, а затем и начальство над всем краем. Что еще добавить? Ругался с Толстым, написал издевательский разбор «Войны и мира» с точки зрения военного человека. Родил девять детей; один, правда, умер. Евреев очень не любит и преследует. Изучает философскую литературу, особенно уважает французских классиков... Считает, что скорострельное магазинное оружие не нужно, главное — это воля солдата; тут он, конечно, не прав.

— Ясно. Теперь давай про Витте, как он убивает русскую армию.

— Конечно, убивает! — начал горячиться полковник. — Своей чертовой экономией буквально гробит. Мы даже чайное довольствие на солдат не можем выпросить. Тех денег, которые дает нам Министерство финансов, едва-едва хватает на текущие нужды. А новое вооружение? А повышение содержания нищих офицеров? А казармы для войск? Стоим же по крестьянским избам до сих пор.

— Но Витте собирал деньги для укрепления рубля. Видишь, перевел его на золотой стандарт. Это потребовало большой экономии, зато, как говорят, оздоровило все наше хозяйство.

— Золотой стандарт уже давно введен. И превышение доходов над расходами значительное, особенно после появления винной монополии. Но армия до сей поры этого не почувствовала. Германцы перевооружаются семимильными шагами, а мы едва можем заменить винтовки. О пушках и говорить не приходится. Знаешь, сколько кайзер расходует на вооруженные силы? Пять рублей восемьдесят копеек из расчета на душу населения. А мы — всего два с полтиной.

— Значит, у Драгомирова на Витте зуб? — спросил Лыков.

— Конечно, как у каждого военного. И если ты прищепишь хвост родственнику финансиста, Михаил Иванович тебя поддержит. Но нужен кто-то из ближайшего окружения Драгомирова, кому он доверяет и кто тебя ему представит в нужный час.

— Есть у тебя такой в Киеве?

— А то! — обрадовал приятеля Таубе. — Я дам тебе письмо к Дикой Мавре.

— Это женщина? А почему дикая?

— Не надейся, старый юбочник. Дикая Мавра — это дежурный генерал штаба округа Алексей Алексеевич Маврин. Мой хороший товарищ и славный человек. А прозвище свое получил за характер, как у юной гимназистки. Застенчив, угловат, трудно сходится с людьми — словом, дичится. Драгомиров его любит, и при необходимости ты сможешь быстро встретиться с генерал-губернатором через него. Кстати, Маврин окончил Аракчеевскую военную гимназию в Нижнем Новгороде. Так что вам будет о чем поговорить, хе-хе.

— Пиши письмо. Как-то спокойнее ехать в Киев, когда знаешь, что армия тебя защитит.

— Если, конечно, защитит, — ухмыльнулся Таубе и обмакнул перо в чернильницу. Но вдруг отложил его:

— А Меринга этого как зовут? Михаил Федорович?

— Михаил, а отчества не знаю.

— Он, стервец! Знакомая нам личность, как говорит мой денщик.

— Где встречались?

— Меринг был вице-директором Кредитной канцелярии Министерства финансов. А я ходил к нему защищать наш предельный бюджет^[5]. Скользкий персонаж. Хороший математик, учился за границей на астронома, но стал чиновником. А как выгодно женился, сразу вышел в отставку. В Киеве у него, говорят, большое имение, досталось по наследству от отца. Жук еще тот.

— И служил под Витте до того, как породнился? Ловкач. М-да...

Придя домой, Алексей Николаевич сообщил жене о предстоящем отъезде. Варвара Александровна не обрадовалась. Середина мая, скоро каникулы. Последнее лето, когда они с детьми могут пожить все вместе: через год сыновья будут юнкеры. Лыков собирался днями отправиться в Нефедьевку, проверить, все ли там готово к их приезду. А тут Киев. От супруги не укрылась и озабоченность мужа. Он коротко пояснил, что поручение начальства ему не нравится, но деваться некуда. В случае чего поселимся в деревне... Он всегда так говорил, когда над головой сгущались тучи. Варвара Александровна знала, что это только слова. Муж не сможет быть лесопромышленником, без службы он зачахнет, уже проверено. Супруга Лыкова лишь вздохнула и пошла собирать его вещи.

Утром перед отъездом Алексей Николаевич заехал в департамент. Зволянский показал ему текст телеграммы, которую МВД направило киевскому губернатору Трепову. В ней поручалось оказать содействие командированному чиновнику в дознании о возможном аферизме. Подписал телеграмму сам Сипягин. Сергей Эрастович открыл также важное обстоятельство. По словам министра, Витте приезжал к нему вчера вечером и просил только одного — «честного взгляда». Обещал принять любую правду. Якобы он не доверяет своему зятю и никогда не поощрял его деловых операций. И боится, что тот в Киеве козыряет именем тестя. А потом претензии обманутых партнеров будут обращены на главного финансиста империи. Сергей Юльевич просил довести до него результаты дознания без прикрас. И будто бы заранее готовился к плохим новостям.

Лыков повеселел. Теперь можно ехать. Дело представлялось ему нетрудным. Оценщик Афонасопуло, судя по всему, имеет на руках доказательства аферы. С порученцем самого Сипягина никто спорить не посмеет. В случае чего с неофициальными источниками поможет Дикая Мавра — дежурный генерал штаба округа и близкий к начальнику края человек. Через него можно проверить слова оценщика. Делов на неделю. Но на всякий случай Алексей Николаевич вытребовал себе открытый

лист^[6] за подписью министра. Чтобы было чем пугать киевлян.

Спустя двое суток Лыков сошел с поезда на дебаркадер Киевского вокзала. Было восемь часов утра. Носильщик дотащил чемодан до биржи, на которой стояло множество задрипанных извозчиков. Приезжий сразу обратился к омнибусам. Таковых насчитывалось пять, от лучших городских гостиниц. Еще в вагоне сыщик выяснил, что самая новая и фешенебельная из них — это «Континенталь». И экипаж был под стать: роскошная карета, запряженная парой гнедых лошадей, с электрическими лампами на дугах. Возница в шляпе с пером живо загрузил багаж и отправился в путь.

Карета пересекла мост через какой-то ничтожный ручей^[7] и оказалась в городской окраине. Лыков узнал Верхнюю Соломенку. Сразу ему прилетел привет из прошлого: они ехали по Безаковской улице. Ее называли в честь бывшего генерал-губернатора Безака, а Лыков много лет назад служил в Нижнем Новгороде под командой его сына. Добравшись до поворота, экипаж выехал на прямой, как стрела, и бесконечно длинный Бибиковский бульвар. Скучно, но чистенько. А главное — пирамидальные тополя по обеим сторонам. Киев богат садами, но городской зелени на улицах почти нет, вся она за оградами. Поэтому по бульвару охотно гуляют любители променада.

Долетев с ветерком до запущенной Бессарабки, карета вывернула на Крещатик. Алексей Николаевич смотрел теперь во все глаза. Он не был здесь пять лет, и за это время улица весьма похорошела. Старые постройки все снесли, а на их месте выросли доходные дома с шикарными магазинами внизу. Множество извозчиков и прохожих, вывески, киоски с лимонадом — столица, да и только! Вагоны городской железной дороги пронзительно дренкали электрическими звонками, кричали уличные торговцы и разносчики газет. Шумно по-южному, не как в Москве или Питере, подумал Лыков. Известно, что в Киеве лучше всего весной или осенью. А теперь как раз май. Не ходить, что ли, сегодня к губернатору, а погулять? Ведь потом может и не найтись времени. Солнце светило мягко и приветливо, знаменитая киевская грязь уже подсохла. Деревья покрылись зеленой дымкой молодой листвы. Эх, служба...

«Континенталь» и правда был достоин похвал. Четырехэтажное красивое здание подпирало гору. Шикарное место на Николаевской улице, которой в прежний приезд сыщика еще не существовало. Интересно, кто выстроил гостиницу? Пароконные экипажи стояли вдоль всего фасада в ожидании седоков. Выбежал швейцар с галунами, как у гвардейского барабанщика, и втащил лыковский чемодан внутрь.

Там оказалось еще наряднее, чем снаружи. Мраморный пол, бронзовые с хрусталем люстры, из ресторана доносились дивные ароматы. Надворный советник взял номер на верхнем этаже. Восемь рублей в сутки! Хорошо, что он богач, а то бы никаких прогонов не хватило. Номер тоже порадовал. Вид из окна, правда, подкачал: никакой панорамы, сплошная зелень Липок. Ну да ладно.

Взяв ванну и позавтракав, он решил все же начать с визита к губернатору. Уж сделать дело, а потом гулять... Всяко перед отъездом время отыщется, зато налегке, без забот. Алексей Николаевич надел мундирный сюртук со старшими орденами и спустился вниз. С извозчиками в «Континентале» оказалось строго: никакой драки, клиентов разбирали в очередь.

Надворный советник поехал на Екатерининскую улицу, в дом номер десять. И опоздал. По словам дежурного чиновника, Трепов только что отбыл в Васильковский уезд и вернуться должен был лишь завтра. По счастью, в приемной задержался правитель канцелярии Гудим-Левкович. Он не без развязности поинтересовался, что за дело у приезжего к губернатору. Лыков нахмурился:

— Я хотел сообщить об этом его превосходительству, а впрочем... Почему бы нет? Это касается заявления некоего Афонасопуло, оценщика из банка. Насчет аферизма.

— С обвинением в адрес Михаила Федоровича Меринга? — в свою очередь нахмурился чиновник.

— Да.

— Ну понятно. В столице решили, что раз зять, то любит взять? Как бы не так!

Надворный советник молча ждал пояснений. Гудим-Левкович не замедлил с ними:

— Это гнусный донос. Совершенно беспочвенный. И мы тут все возмущены, что уважаемого человека, так много сделавшего для украшения Киева, вдруг начали пятнать. Учтите, господин Лыков, мы его в обиду не дадим.

— А это как покажет мое дознание, — не удержался сыщик.

— Вы так полагаете? — усмехнулся правитель канцелярии. — Ну-ну...

Повернулся и ушел, не прощаясь. Вот наглец!

Алексей Николаевич задумался над таким поведением чиновника. Кажется, люди, близкие к губернатору, собираются защищать Меринга. Что ж, примем к сведению. Возможно, еще не раз ему в лицо скажут подобные

слова. Начало плохое, что будет дальше? Пока же у сыщика неожиданно освободился почти целый день, и он решил посмотреть город.

Глава 2. Ах, Киев!

Все туристы ходят по Киеву одним маршрутом. Сперва непременно Лавра, потом Владимирская горка, а оттуда в Старый город. Завершается все Софийским собором и выходом на Крещатик. Обязательно ужин в ресторане с видом на Днепр... Но у Лыкова в Киеве было намечено два личных дела. Поэтому и маршрут он выбрал свой, отличающийся от обычного. Первое дело касалось его жены: сыщик собирался поклониться мощам святой великомученицы Варвары и поставить свечу за здоровье супруги. Здоровье Варвары Александровны вызывало его беспокойство, и он хотел попросить небесной защиты. Мощи, как известно, хранятся в Михайловском Златоверхом соборе. Идти дотуда от Царской площади было недалеко. Лыков переоделся в партикулярное платье, разменял у конторщика сотенный билет и отправился гулять.

Собор и одноименный монастырь надолго погрузили приезжего петербуржца в благоговейное состояние. Красота неопишная, никаким пером ее не передать. Храм назван так потому, что его купола были вызолочены — первыми на Руси. Древнее обветшавшее сооружение перестроили при Елизавете Петровне, и получился удивительный семикупольный храм в стиле барокко. Лыков уже бывал здесь раньше, но снова залюбовался и собором, и высоченной колокольной, и золотым двуглавым орлом на кресте главного купола. Есть легенда, что орла этого приказал поставить Богдан Хмельницкий, когда отдал Малороссию из польского владычества под русский скипетр. А серебряную раку для мощей святой Варвары подарил храму гетман Мазепа. Впоследствии ее заменили на более значительную, в которой было двадцать пять пудов серебра! Еще славится икона, поднесенная собору Александром Первым. Она посвящена покровителю Киева архистратигу Михаилу, повергающему дьявола. Написан образ на золотой пластине и украшен тремя тысячами бриллиантов. Сыщик не стал прикладываться к нему — в душе он считал, что сила образа не должна искажаться земными ценностями. А вот великомученице помолился от всей души. Пожертвовал как следует храму и купил супруге кипарисовый складень тонкой работы. Дай Бог пожить им вместе в любви и согласии подольше...

Выйдя из ограды монастыря, Лыков задумался. Куда пойти теперь? Второй его обязательной целью было увидеть самую старую икону на Руси — Успенья Божьей Матери. Образ известен с 1073 года и хранится в

Великой соборной церкви в Лавре. Висит там под куполом на шелковых шнурах, и дважды в день монахи спускают его вниз, чтобы верующие могли приложиться. Но подвернувшаяся кстати старушка сообщила, что храм закрыт на ремонт. Икону на время спрятали, и увидеть ее сейчас нельзя.

Алексей Николаевич кручинился недолго. Он стоял в таком месте, что, куда ни пойдешь, везде хорошо! Чуть выше — Владимирская горка с памятником князю-крестителю, чуть ниже — Старый город с киевскими древностями, а еще дивное творение Растрелли — Андреевская церковь, а еще Крещатик под ногами, и Липки над ним... А из-за Липок сияет на солнце купол Лаврской колокольни... И надворный советник отправился в поход.

Он гулял по городу до самой ночи и выбился из сил. Киев необычайно горист, что крайне утомительно и для пешеходов, и для лошадей. Горбатый город! Даже пароконные повозки еле ползут по крутым спускам. Спусков всего четыре: Вознесенский от Житнего базара на Львовскую площадь, Андреевский с храмом над ним, Александровский с выходом на Царскую площадь и Николаевский, уходящий под Лавру, к мосту. Они соединяют верхний город с нижним, приднепровским.

Царская площадь является главным узлом для линий трамвая. От нее начинается Крещатик, постепенно дурнея и тускнея. За Бессарабкой он переходит в Большую Васильковскую, которая тянется аж до реки Лыбедь. Все новые красивые дома появились в последние пять лет, когда началась строительная горячка. Они сложены из местного светло-желтого кирпича, который так хорош, что его не надо ни штукатурить, ни красить. По киевской моде только обводят каждый кирпич серой краской по контуру — получается живописно. Фасады густо покрыты мелкими гирляндами и веночками, часто посеребренными. И почти над каждым домом шатер или купол, в духе киевского барокко. Васильковская — это чисто торговая улица, уставленная магазинами для невзыскательной публики. Тут есть все то, что и на Крещатике, но цены значительно ниже. Окраина от Верхней Соломенки и до городской скотобойни называется Новое строение. Границей ее является железная дорога, по которой утром ехал Лыков.

Думская площадь, вторая после Царской, обставлена капитальными зданиями. Тут гостиница «Россия», городская Дума и знаменитая кондитерская Семадени. Сверху нависают Липки — аристократический район, самый зеленый в городе. Несколько тихих улочек с особняками, не различимыми из-за садов, составляют особый мир. В нем живет здешняя знать. Липки — место обитания последних оставшихся в Юго-Западном

крае богатых помещиков. Они держатся сообща и формируют консервативную партию землевладельцев. Тут же дома генерал-губернатора, губернатора и командующего войсками округа.

В Липки врезаются и несколько настоящих улиц. Самая главная из них — Николаевская, она красивее всех в Киеве по изяществу строений. Отсюда пошла та горячка, которая дала городу за пять лет тысячу новых каменных домов. Николаевскую начало застраивать то самое общество, которым управлял Меринг и которое Лыкову предстояло изучить. Пока же он полюбовался великолепными доходными домами и театром Соловцова. Неподалеку уходил в небо настоящий небоскреб высотой то ли в пять, то ли в шесть этажей. Он был еще в лесах, каменщики заканчивали выкладывать фасад. Другие важные улицы — Институтская и Банковая. На первой располагается Институт благородных девиц, контора Госбанка и официальная биржа (неофициальная квартирует в кондитерской Семадени). На второй — штаб Киевского военного округа.

Между Липками и Днепром уютно поместился небольшой Мариинский дворец с парком. Заложила его еще Елизавета Петровна, а перестроил Александр Николаевич. Когда в город приезжает государь, то останавливается здесь.

За Липками, ниже по Днепру, тянется Печерск. Это место облюбовали военные. Киевская цитадель уже потеряла оборонное значение, но еще оставалась монументальной. В полдень с ее вала стреляла сигнальная пушка — горожане могли сверять свои часы. Вот, пожалуй, и вся польза от крепости... Рядом расположены Арсенал с коллекцией старинного оружия и госпиталь на две тысячи коек, один из самых больших в России. На склоне горы Лыков обнаружил россыпь каких-то бутафорских домиков. Он с удивлением узнал некоторые из них — встречал в Нижнем Новгороде, на Всероссийской промышленной и художественной выставке четыре года назад. Не сразу, но сыщик разгадал тайну. Через год после нижегородской большую выставку провели и в Киеве. Видимо, из экономии устроители купили в Нижнем часть стоявших без дела павильонов, и теперь они догнивали здесь...

Печерск не весь захвачен армией. Так, на плацу мирное население завело ипподром. Неподалеку разбили виноградный сад монахи Лавры. Тут стоят Малый Николай — Пустынно-Никольский мужской монастырь — и Большой Николай — военный Никольский собор с высокой колокольней. От них идут дорожки к Аскольдовой могиле. Вокруг кладбище для местной элиты, и отсюда лучший вид на Днепр. На склоне древней Кловской горы — городская больница имени цесаревича Александра со скромным храмом.

Есть большое частное садовое хозяйство. Но военный элемент преобладает. Даже сад здесь называется Комендантским! Армейские склады, артиллерийская мастерская, юнкерское училище и огромное хозяйство 3-й саперной бригады занимают большую часть предместья.

Угрюмые стены цитадели прорезаны трамвайными путями. Сразу за валами начинается Киево-Печерская Успенская Лавра. Еще одно легендарное место, где каждый квадратный вершок дышит древней историей. Лыков, стесненный временем, буквально обежал ее. Не удержался, залез на колокольню — и долго не хотел спускаться. Высота — сорок три сажени и два аршина, плюс крест — всего выходит сорок шесть саженей^[8], на восемь выше Ивана Великого в Москве. «Братский» колокол весит 1638 пудов, часы играют каждые пятнадцать минут. Вид сверху такой, что захватывает дух. Алексей Николаевич разглядел даже Переяславль, до которого было девяносто верст!

Великая церковь действительно оказалась закрыта на ремонт. В пещеры сыщик не пошел, экономя время, ни в Антониевы, ни в Федосиевы. Его раздражало, что военные зачем-то обнесли их крепостной стеной... Притом всюду толкались богомольцы, создавали давку и мешали любоваться. В странноприимной гостинице Лавры в апреле-мае селится их до десяти тысяч человек. Паломники заполняют город, ночуют во всех садах и на вокзале, мусорят. Надворный советник поспешил убежать от серой неопрятной толпы. Заглянул лишь в один из древнейших храмов Киева, стоявший особняком за стенами Лавры — Спас на Берестове. По преданию, здесь был похоронен Юрий Долгорукий. Но оказалось, что его могила никак не обозначена, и питерец ушел разочарованный.

Той же железной дорогой Лыков вернулся обратно на Крещатик. И направился в Старый город. От Думской площади туда ведут рассыпавшиеся веером три улицы. Турист двинулся по Софийской и скоро оказался на одноименной площади. Вот оно, сердце древнего Киева! В центре высился несуразный памятник Богдану Хмельницкому. Надворный советник помнил, что изначально, по проекту Микешина, он выглядел иначе. Конь гетмана попирает тела еврея, поляка и иезуита... Лишь по приказу государя Александра Второго скульптор убрал эти фигуры. Еще долго не могли решить, куда направить хвост скотины. С одной стороны София, с другой — Михайловский собор, а с третьей — присутственные места: как ни поставь, все плохо. Еле управились.

Присутственные места сыщик оставил на потом: ему не миновать их по делам службы. Он загодя сдернул фуражку и отправился в Софийский собор. И застрял там надолго. Любовался «Нерушимой стеной» —

запрестольным образом Богоматери, единственным не тронутым переделками с момента основания храма. В Софии низкий иконостас, и древняя девятисотлетняя кладка была хорошо видна. Лыков осмотрел все знаменитые мозаики: и Богоматерь, и Тайную Вечерю, поклонился праху Ярослава Мудрого. Только не полез на хоры, к древнейшей иконе Николы Мокрого — ноги уже и так гудели.

Выйдя на улицу, он снова задумался. Куда пойти теперь? Золотые ворота его не соблазнили еще с прошлого раза: скучные руины, обложенные современным кирпичом, торчат из-под земли... Вот Десятинную надо увидеть. И сыщик отправился к началу Андреевского спуска. От первого киевского храма остались лишь основания фундаментов. Нынешняя церковь возведена на них в 1842 году, но могилы князя Владимира, его матери княгини Ольги и жены княгини Анны не тронуты и находятся под полом. Рядом поставили шкаф с найденными при раскопках древностями. Лыков всегда интересовался археологией и надолго задержался возле экспонатов.

В стоящую через улицу Андреевскую церковь он не пошел, поскольку ту обезобразили строительными лесами. Но любовался видом на Подол. Сколько кораблей прилипло к днепровским пристаням! Почти как в Нижнем Новгороде в разгар ярмарки. Затем гость поймал извозчика и велел отвезти его на другой конец Старого города. На Бибиковском бульваре напротив Ботанического сада недавно возвели Владимирский собор. Алексей Николаевич обычно не ходил в новые храмы, он любил старые. Но тут особый случай. Собор расписали старший Васнецов, Нестеров и Врубель. Те, кто видел их работы, говорили о них с восторгом. Супруга наказала сыщику лично посмотреть и потом рассказать. Вот он и старался. Зрелище, увиденное в храме, потрясло простую солдатскую душу Лыкова. Дал ведь людям Бог талант... Долго он бродил, любовался фресками и орнаментами, и только голод заставил его уйти.

Уже смеркалось, когда надворный советник вернулся в гостиницу. Город он знал плохо и не решился обедать где попало. В ресторане «Континенталья» его накормили вкусно и до отвала. Пришлось часик полежать на диване, пока уставшие ноги не отошли. Эх, возраст... В целом от Киева у туриста осталось сложное впечатление. Рассказы о его дивной красоте несколько преувеличены. Не город красив, а картины, открывающиеся с его смотровых площадок. Владимирская горка, Аскольдова могила, вид от Лавры за Днепр — все они восхитительны и не имеют равных в России. Немного это похоже на Нижний Новгород. Еще основатель Нижнего князь Георгий Всеволодович заметил сходство двух

городов. Только на родине Лыкова сливаются Волга с Окой, а здесь за Трухановым островом — два рукава одного Днепра. Почайна тоже есть в Нижнем. И такой же высокий гористый правый берег, и плоский левый.

И все же Киев скорее разочаровал туриста. Грязно и пусто в нем. Кипит жизнью один Крещатик, а все другие улицы безлюдны. Площади, кроме Софийской, заставлены чем ни попадя. На Думской уродливые павильоны с обувью и фруктами и биржа извозчиков с ее руганью и теснотой. На Царской — безобразные будки с газетами и неопрятный вокзал городского трамвая. Другие площади (Бессарабская, Галицкая, Александровская, Львовская) заняты базарами. Хорошо замощены лишь две-три улицы: на них не пожалели средств и выложили гранитными кубиками. Булыжные мостовые сделаны очень дурно, всюду ямы и выбоины, в которых пропадают даже здешние дрожки топорной работы. Электрические фонари только в центре, во всех остальных местах газовые и керосиновые. Казенные строения безвкусны и однообразны, кроме разве что строящегося музея древностей. Подол внизу у Днепра — как заурядный губернский город, без своего лица. Окраины — Лукьяновка, Шулявка, Приорка, Куреневка, Соломенка — глухие и опасные местности, где ночью лучше не гулять. Там сплошь деревянные домики, немощеные улицы, кирпичные заводы да угольные склады. И это столица края, мать городов русских...

Передохнув, Алексей Николаевич решил продолжить прогулку. Когда он вышел на Крещатик, уже стемнело. Электрического освещения оказалось на удивление много. Фонари фонарями, а каждая кофейня и каждый ресторан сияли огнями. Выпив чашку вкуснейшего кофея, сыщик взбодрился и отругал себя. Чего это он накинудся на дивный Киев? Богомольцы, вишь, помешали. Люди пришли поклониться святыням — что в том плохого? Окраины грязны и неудобны? Как будто за Нарвской заставой чище! Зато киевские храмы, зато ощущение тысячелетней истории — это ли не чудо? Он еще раз прошелся по Николаевской, и даже к Мерингу изменил отношение. Отличная улица, будто в Париже побывал. Жулик не жулик, а строит хорошо.

Лыков решил посетить знаменитые киевские сады, гульнуть там как следует и лечь спать. В Петербурге ему хвалили «Шато-де-Флер», увеселительный парк за Купеческим клубом и одноименным садом. Веселые сильфиды, шансонные певички, танцы до упаду, приличный ресторан. Но сначала сыщик поднялся к памятнику святому Владимиру. В столице много говорили о том, как красиво ночью горит крест, который держит в руке князь. Крест украшен лампочками, и благодаря этому его

видно издалека. Гостя ожидало разочарование: лампы не горели. То ли испортились, и их не успели заменить, то ли повредился провод. На горке было темно, как в тюремном каземате, а внизу играла музыка и слышался завлекательный женский смех. И Лыков отправился в «Шато-де-Флер».

Действительно, место оказалось веселое. Не хуже московского «Эрмитажа» времен Лентовского. За вход брали пятнадцать копеек, много дешевле, чем в столицах. Две сцены — Открытый и Закрытый театры, площадка для духового оркестра, пивной и чайный буфеты, ресторан, а еще аллеи с клумбами, маленький прудик, лимонадные киоски. И всюду в огромных массах одинокие женщины на любой вкус. Между ними спокойно фланировали мужья с женами и даже с детьми, лица всех сословий, студенты, военные. Удивительное место, где каждому было весело и покойно.

Лыков присмотрелся и увидел еще одно деревянное здание. Оказалось, что это вокзал^[9]. Сцена с несколькими рядами стульев пустовали, а вот в галерее вокруг кипела жизнь. Перед вокзалом сыщик обнаружил бассейн, в котором плавало около дюжины порядочных стерлядей. Меж ними одиноко скучала черепаха-недомерок. Откуда здесь стерляди? Неужели они водятся в Днепре? Алексей Николаевич уже настроился на легкий ужин, и уха его устраивала.

Он вошел в галерею. Там был общий зал, а вбок уходили кабинеты. Турист уселся с краю, тут же к нему подбежал почтительный официант:

— Чего изволит ваша милость?

— Там у вас в бассейне рыба плавает, мне ее.

— Соблаговолите сами выбрать или как?

Лыков рассмеялся:

— Чего ноги бить? Принеси вершков на десять.

— Слушаюсь! А что вам подать, пока уха готовится?

— Давай водки здешнего разлива. Я приезжий, хочу попробовать вашу.

— Горилка на березовых бруньках подойдет-с?

— Да. Осетринки с хреном еще доставь, соленых огурчиков, чтобы хрустели, и каперсов.

— Слушаюсь. Все-с?

— Что-нибудь малоросское, из здешней кухни. Чего в Петербурге не бывает.

— Налисники с мясом изволите отведать?

— А это что такое?

— Блины такие, вашество. Из тонкого теста, с начинкою. Их заливают сметаной и томят в печи. Пальчики оближешь!

— Неси.

Лыков не спеша ужинал и осматривался. Нет, зря он хаял Киев. Вкусно, весело, люди кругом доброжелательные... Соседние столики заняли компании мужчин и женщин, вполне порядочных на вид. Это друзья пришли отдохнуть семьями. За тонкой перегородкой южная ночь, запахи и звуки весны, где-то внизу Днепр течет... Хорошо!

Перекусив, сыщик отправился гулять дальше. В Закрытом театре шла пьеска «Любовь на кухне», в Открытом выступал венгерский танцевальный дуэт сестер Джельма. Еще обещали еврейского куплетиста Доброва и какую-то женщину-великана Карлей. Находившись и надышавшись свежим воздухом с реки, турист отправился в гостиницу. Только вышел из сада на Царскую площадь, как вдруг разом погасли все фонари. Оказывается, в Киеве уличное освещение поддерживается лишь до полуночи. Из дворов сразу же полезли на бульвар темные фигуры. Сыщик было напрягся, но потом увидел, что это проститутки. Они стояли у каждой подворотни и зазывали гуляк вглубь. А там могли прятаться их коты с финками! Но городской на площади был безмятежен. И криков, как это часто случается в Москве, не доносилось. Во дворах никого не грабили и договаривались полюбовно. Алексей Николаевич успокоился. Отмахиваясь от назойливых этуалей, он вернулся в номер и уснул как убитый.

Глава 3. Находка в реке

Утром следующего дня надворный советник входил в кабинет губернатора. Генерал-майор Трепов был, как и его знаменитый отец, Федором Федоровичем. Лыков по своей службе в столице уже не застал папашу. Но много слышал о нем от чинов петербургской полиции, и плохого, и хорошего. Загадочное состояние, которое градоначальник сумел нажить на государственной службе, не давало покоя недоброжелателям. Махинации с конфискованными польскими имениями — это еще пустяки. Кто тогда в них не замарался? А вот то, что Трепов брал у императрицы ее личные деньги якобы на охрану государя — уже перебор. Но даже и эти суммы не объясняли, откуда у старого служаки на банковском счете накопилось три миллиона... И хотя бывший градоначальник давно умер, шлейф его темных дел тянулся теперь за сыновьями. Поэтому Лыков держал себя настороженно.

Губернатор оказался лысым и седобородым, но очень живым. Из двух Владимиром, что украшали его мундир, петличный был с мечами и бантом.

— Ну-с, зачем пожаловали к нам? — спросил Трепов, пожимая гостью руку. Хорошо так пожал, от души.

— Согласно распоряжения его высокопревосходительства господина министра внутренних дел. Прибыл провести дознание по письму некоего Афонасопуло. Насчет злоупотреблений в Киевском домостроительном обществе.

— Ах, это... — поморщился губернатор. — Никакое там не письмо, а форменный донос. Хочется же вам разбираться с пасквилями?

Командированный пожал плечами: мол, не я же выбираю себе поручения.

— Донос или правдивые сведения, но министр велел разобраться. Прошу оказать содействие в выполнении. Сыскная полиция не проверяла сигнал?

— Там и проверять нечего. Вы по городу успели пройтись?

— Успел, ваше превосходительство.

— Для вас Федор Федорович. Так вот. Если успели, то должны были увидеть. Раньше в Киеве бывали?

— Дважды, последний раз пять лет назад.

— Вот! — оживился губернатор. — Разницу заметили?

— Новые дома? Конечно. Соглашусь, что в последнее время город

сильно похорошел.

— И это все Меринг. Не слышали про усадьбу его отца? С нее-то и началась наша строительная горячка.

— Не доводилось, Федор Федорович. Прошу просветить.

В приемной скопилось два десятка человек. Но губернатор, не принимая это во внимание, стал рассказывать:

— Старый Меринг был знаменитый в Киеве врач, природный немец. Тайный советник, между прочим! И друг великого Пирогова. Так вот. Лечил он, лечил много лет. Имел обширную практику. Но была у немца одна особенность, которая и сделала ему состояние. Жидов он почему-то пользовал бесплатно.

— Всех? — удивился сыщик.

— Нет, только бедных. Однако пользовал на совесть. Сам приезжал к ним в лачуги, если те не могли явиться на прием. Помогал с лекарствами, вел целые семьи от старого до малого. И жида платили ему... сведениями. Насчет купли-продажи городских имений.

— То есть как? Сообщали, кто что продает? Но это в газетах печатают. Какая в том польза?

Трепов оживился:

— Польза была, и немалая. Жида — ловкие факторы, они, как тараканы, пролезут в любую щель. Раньше других узнают, кто уступает, сколько хочет, как его обмишурить. И прежде чем хозяин догадывался дать объявление в газету, к нему уже являлся Меринг и предлагал куш.

— Ага... То есть доктор опережал других спекуляторов?

— Именно. Деньги от практики у него были, и сведения он тоже раньше всех получал. И составил себе, как тут называли, «киевское княжество» — огромную усадьбу в самом центре города, в нижних Липках. Вы спросите, откуда я это так хорошо знаю?

— Спрошу, Федор Федорович, — улыбнулся надворный советник.

— А он у моего отца тоже купил. Покойный батюшка, если не слышали, получил в подарок от государя большой участок. Как раз там, где сейчас улица Николаевская. Выстроил усадьбу с прудиком, а потом продал ее тайному советнику. Тот еще прикупил у соседей, и составилось о-го-го что, притом на Крещатике.

— Теперь понимаю. Эту усадьбу Михаил Меринг получил по наследству?

— Точно так. Старый доктор много накопил богатства. Хватило всем детям. Михаилу Федоровичу досталась как раз земля в городе. Но что с ней делать? Доходы от аренды небольшие, а участок огромный. Куда столько?

И сын решил пустить его под строительство. Нашлись люди с капиталами...

— А кто именно, простите? — перебил губернатора Лыков.

— Главный там — знаменитый Марголин, — охотно пояснил тот. — Директор-распорядитель Объединенного пароходного общества, еще он занимается городскими трамваями, и освещением тоже. Денежный и энергичный человек, хоть и жид. Но из тех, без которых уже не обойтись. Коммерции советник, меценат, одно слово — туз. Еще вложились Петровский, богатый инженер, и Голубев, киевский чиновник. И пошло-поехало. Михаил Федорович предоставил землю, другие дали деньги. И родилась новая киевская архитектура. Кирпичные заводы как грибы полезли, каменщики приехали. Мне, губернатору, приятно это наблюдать, честно скажу. Поэтому и разозлился на доносчика. Люди город украшают, а он... Так вышло, что я хорошо знаю этого Афонасопуло и даже сам устраивал его в банк. Теперь неловко перед учредителями.

— Вы рекомендовали его Мерингу? — удивился Лыков.

— Говорю же: так вышло. Мы с его отцом служили когда-то вместе. Платоша вырос у меня на глазах. Вырос, следует сказать, беспутным. В военную службу не пошел, да и статская у него не задалась из-за склочного характера и нечистоплотности. В последний раз он явился сюда и просил дать хоть какое-нибудь дело. С голоду помирает, то да се... Я пожалел сдуру. Написал Анатолию Викторовичу Гудим-Левковичу, председателю правления двух банков, попросил устроить молодца. И вот благодарность! Теперь Гудима смотрит на меня волком. Черт бы подрал этого Платошу...

— В письме Витте он говорит, что писал вам о злоупотреблениях в банке, но ответа не получил.

— Да, Платоша прислал мне глупое письмо и просил о встрече. Я отказался принять его.

— Почему, Федор Федорович? Неужели вы не допускали мысли о том, что в банке Меринга может быть нечисто? В России где угодно сумеют украсть...

— Зная сына своего сослуживца и видя, как хорошеет Киев... Мне не нужно было присылать туда ревизоров, да и права такого у меня нет. Глупость все его доносы, повторю это еще раз. Не тратьте на них время.

— Но, Федор Федорович, согласитесь, что распоряжение министра я обязан выполнить. Хотя понимаю ваше отношение. Афонасопуло так и не нашли?

— Не нашли, — подтвердил губернатор. — Четыре дня, как он исчез, и ни слуху ни духу.

— А его ищут?

— И весьма старательно, но пока безрезультатно. На службу не явился, дома не ночует.

— Боюсь, тут случилось преступление, — Лыков поднялся с хмурым видом. — Уж не избавились ли от свидетеля?

Трепов фыркнул:

— Вот еще! А по-моему, он сбежал. Нашкодил и спрятался, чтобы не отвечать за свои слова.

— Надо открыть дознание.

— Да вы сядьте, сядьте. Дознание уже открыли, без вас. Я телефонирую сейчас полицмейстеру. Он все расскажет, приказ такой ему отдан. Ничего от вас не скроем, не волнуйтесь.

— А если здесь убийство?

Трепов дернул щекой:

— Экий вы быстрый насчет убийств. Сыщик, сразу видать. Я ведь, Алексей Николаевич, навел уже об вас справки. Знаю вашу манеру.

— У кого вы тут в Киеве могли спросить? — усомнился надворный советник. — И что у меня за манера?

— Спросил я как раз у полицмейстера, у Цихоцкого. Вы служили вместе с ним в Петербурге, так?

— Ну не вместе, — поправил Лыков. — Я чиновник Департамента полиции, а он был участковым приставом Адмиралтейской части, пока не перевелся сюда. Встречались несколько раз, однако близко не знакомы.

Цихоцкий был назначен киевским полицмейстером два года назад. До того он служил в Петербурге, и Лыков по службе имел с ним дело. Ушел Вячеслав Иванович со скандалом и особой памяти о себе не оставил. И вот теперь он командует здесь всей полицией.

— Что же касается вашей манеры, — продолжил Трепов, — то она ясна как день. Вам, чтобы отличиться перед министром, требуется обязательно преступление. Убийство, афера, громкие имена... Мы тут погрязли, а вы приехали и за неделю утерли нам нос. Так, что ли? Предупреждаю: я этого не потерплю! Помогать в честном дознании должен и буду, а вот въехать в рай на моем горбу не дам.

Лыков был уязвлен. Только что у них с губернатором шел нормальный разговор — и вдруг такие слова. Не потерплю, не дам, манера ваша известна... Что случилось? Про этого Трепова ходили слухи, будто он интриган. Мало ли что говорят, думал сыщик по дороге в Киев. И вот при первой же встрече ссора на пустом месте. Причем генерал-майор не выбирает слов и не удосуживается найти веский повод. Кинулся сразу,

нахрапом. Хочет показать, что исход дознания должен его устроить, иначе будет конфликт. Ну-ну, посмотрим. Лыков уже давно служил в полиции, повидал всякое. Идти на поводу у местного князька он не собирался, но и ссор не искал. Пока надо принять к сведению. И перевести разговор в рабочее русло.

— Я думаю, нам пора кончать беседу, — ответил он сдержанно. — Пугать меня не стоит, это бесполезно. Что найду, то и сообщу министру. Если донос ложный, так и будет в рапорте. Манера же моя на самом деле другая... Это чтобы вы знали. Правду я найду обязательно. Если вам она не понравится — не взыщите. Подделывать ее под вас не стану. Телефонуйте полицмейстеру, там у вас в приемной полно людей...

Собеседники холодно расстались, и сыщик отправился к полицмейстеру. Тот встретил гостя смехом:

— Сколько лет, сколько зим, Алексей Николаевич. Зачем же вы нашего генерала напугали?

— Нервный он у вас какой-то. Только я предположил, что ваш свидетель не случайно пропал, тут и началось...

— Не обижайтесь на него. Большую карьеру делает, вот и опасается. Папаша в его возрасте уже имел личный доклад у государя, а сынок в Киеве застрял. Так что...

— Так что?

— Знаю, вы никого не боитесь, а то бы сказал: не ссорьтесь с Треповым.

— Я и не думал ссориться.

— Ну и слава Богу! А теперь давайте перейдем к делу.

— Давайте. Вячеслав Иванович, что же случилось с Афонасопуло?

— Исчез бесследно четыре дня назад. И это после его писем по инстанциям, благодаря одному из которых я сейчас имею удовольствие видеть вас здесь. Одним словом, пропажа подозрительна.

— Это я и сказал вашему генералу. А он сразу на дыбы.

— Треповский характер, Алексей Николаевич. Ничего не попишешь. Федор Федорович очень мнителен. Не удивлюсь, если он думает, что вы не просто так приехали, не по письму оценщика, а с ревизией его деятельности по тайному поручению недоброжелателей.

Надворный советник лишь покачал головой.

— Но давайте о делах, — продолжил полковник. — Мы начали дознание пропажи Афонасопуло. Детали вам расскажет мой помощник, пристав сыскной части коллежский асессор Желязовский.

— Поляк?

— Самый настоящий. Но служит хорошо и дело знает. В Киеве прежде много было поляков. Но после бунта шестьдесят третьего года их повывели. Северин Янович из тех, кто остался. Наши его, понятное дело, за глаза кличут Северьянычем, но побаиваются — требователен. Ну да сами увидите. Я вызвал его, жду с минуты на минуту. Не желаете ли пока чаю? Заодно расскажете, как там в Петербурге...

Два столичных жителя — прошлый и настоящий — успели попить чаю и поговорить о пустяках. Лыков никогда не был дружен с Цихоцким, но здесь, в его городе, держался вежливо и уважительно. Им теперь вместе дознавать. Через десять минут явился наконец начальник сыскного отделения.

Желязовский оказался породистым мужчиной с крашеными, слишком черными волосами и усами цвета «соль с перцем». Элегантный статский сюртук, золотые запонки и гранатовая булавка в галстук, красивый профиль. Жилет так вообще с блестками. Не иначе дамский баловень, подумал неказистый Лыков. Поляк сразу заговорил о деле:

— Мы собрали справки об этом Афонасопуло и вот что выяснили. Игрок он! Винтит по-крупному, иногда в долги залезает. Но всякий раз отдает, поэтому его ссужают.

— А кто ссужает? — уточнил питерец.

— Коллеги по банку.

— Но почему начальство допустило такое? — удивился Лыков. — Как можно держать в штате банка игрока? Мало ли что!

— Начальству оно, конечно, не нравилось, — пояснил пристав. — Но ведь Афонасопуло не с улицы взяли туда, а по рекомендации самого губернатора. Вот и приходилось терпеть... до поры до времени.

— Большими суммами его ссужают?

— До пятисот рублей.

— Ого! А велико ли жалование у оценщика?

— Мы это тоже выяснили, — без запинки ответил Желязовский. — Двести рублей, но еще проскакивают комиссионные, и немалые. Так что на игру у Афонасопуло средства имеются.

— Что за комиссионные?

— Так ведь ипотека. То купить желают, то продать... Афонасопуло имеет сведения, поскольку служит в банке, кредитующем строительные операции. Кроме того... — поляк споткнулся, но продолжил: — Кроме того, он помогает с кредитом.

— Вот как, — насторожился Лыков. — А это законно?

— Так они все грешат на сей счет. В каждом банке. Оценщики,

кассиры, бухгалтеры. Разве что сторожа чисты. Незаконно, конечно. Но этого уж не исправить. Клиент, желающий получить ссуду, дает нужному человеку на лапу. Процент разный, но обычно около трех-пяти. Тот делится с кем надо. Ну и ссуда выдается без промедления...

— Ясно. Губернатор в разговоре сказал мне, что, по его мнению, оценщик сбежал. Испугался бури, которую поднял, и счел за лучшее скрыться. Какого мнения вы, господа? Согласны с его превосходительством?

Коллежский ассессор покосился на начальника. Тот кивнул:

— Говорите как есть, Северин Янович. Чего уж там.

— Мы не согласны, — категорично заявил главный киевский сыщик. — Не с чего было оценщику так пугаться. Никому он не угрожал, и всерьез его писанину никто не принимал. Подумаешь, управляющий банка требует повесить оценку залога... Это у нас сплошь и рядом. Самое большее, что грозило Афонасопуло, — ссора с директорами и увольнение.

— То есть за такое не убивают?

Киевские полицейские дружно прыснули.

— Нет, не убивают.

— Куда же тогда делся наш писатель?

— Вот это загадка, — посерьезнел Желязовский. — Что-то с ним случилось, а что — мы не знаем. Он не запойный, службой не манкирует... Однако пока нет тела, говорить об убийстве преждевременно.

— И все же вы его не исключаете?

— Да, — вступил в разговор полицмейстер. — Но не из-за глупого доноса Афонасопуло. Он мог стать жертвой, так сказать, обычного преступления. Город у нас знаете какой. Случается всякое, в том числе и кровавые дела. Третий год в чемпионах ходим, ети его так...

В 1897 году Министерство юстиции обработало статистику преступлений по пятидесяти пяти крупным городам. И выяснилось, что Киев занимает среди них первое место! 649 преступлений на 10 000 жителей — больше, чем где-нибудь еще. Второе место досталось Ростову-на-Дону (595), а третье — Риге (467 злодеяний). Между тем средняя цифра по стране — 362 преступления на 10 000 населения. Тут скрыто некоторое лукавство, как водится со статистикой. Зловещая слава Киева малость подтасована. Убийств в городе случалось на треть меньше, чем в среднем по России, а краж — столько же, сколько и везде. Портили отчетность нарушения телесной неприкосновенности: грабежи и поножовщина.

— Как же вы так, Вячеслав Иванович? — не удержался командированный. Полицмейстер как будто ждал этого:

— А что делать? По штату пятьсот семьдесят девять городских, а налицо лишь триста девяносто четыре! И околоточных некомплект.

— Почему же люди не идут?

— Денег потому что мало. Грузчик в гавани больше получает.

Желязовский поддакнул полицмейстеру:

— А в сыском отделении? То же самое. Мой годовой оклад — тысяча рублей. И то лишь потому, что я помощник полицмейстера по должности. А ответственность несоизмеримая. Околоточные надзиратели имеют по триста шестьдесят рублей, а городовые и того меньше. Притом рискуют жизнью под ножами уголовных. Ну какой дурак пойдет? Удивляться надо, что не разбежались!

— Неужели нет никакого добавочного содержания? — усомнился Лыков.

— Есть, — ехидно сообщил пристав. — Губернатор ежегодно выписывает пять тысяч шестьсот семьдесят шесть рублей. Их и делим между собой, чтобы получить те жалкие цифры, что я вам назвал. Аж с восьмидесятого года эта сумма не меняется. Двадцать лет подряд. А преступность за это время выросла втрое!

— Почему?

— Потому, Алексей Николаевич, что население города растет. Сами знаете, что в стране делается, особенно на юге. Как на дрожжах! А в Киеве сложились особые условия. Три года назад Дума начала сразу несколько больших проектов. Связаны они были с речным портом и стоили городской казне огромных денег. Тысячи людей пришли сюда на работу. Просторабочие, землекопы, мостовщики. Не видели, что стало с гаванью?

— Нет, а что?

— Приезжему понять трудно, а киевляне знают: большое и важное дело сделали. Углубили дно в Оболонском заливе, вынутый грунт подсыпали и получили незатопляемый порт. С пакгаузами, пристанями, сухим доком для починки и зимовки пароходов. Раньше там все заливало в половодье.

— Северин Янович, — не удержался Лыков. — Сделали порт, я понял. А при чем тут рост преступности?

— А при том, что эти люди — тут их называют заробитчане — никуда не делись. Потребность в них кончилась, и заработки тоже, а они остались. Да еще богомольцы ежегодно являются сюда в огромных количествах.

— Эти-то чем не угодили?

— А то вы не знаете! Там не одни только божьи люди, там бродяги и всякий темный элемент. Каждый год из Киева уходит меньше паломников,

чем пришло. Опять же, кризис в строительстве. Работы нет, пропитания, значит, тоже нет. И все, кто пришел и не ушел, начинают искать другое ремесло. Иногда берутся за нож.

Цихоцкий с другого фланга поддержал обработку приезжего:

— А чайные? Это же беда с ними. Когда городская Дума заметила, что много народа осталось без занятия, решили они устроить на средства благотворителей бесплатные чайные и столовые. Аж десять штук открыли по городу. И что в итоге?

— Что? — удивился Лыков. — Такие есть всюду, хоть в той же Риге.

— Не знаю, как в Риге, а у нас чайные стали рассадником зла. Лентяи и бездельники устроили в них клубы. Места они больше не ищут, а сбиваются в банды и обдумывают свои преступные замыслы. Прислуга с ними в сговоре и всегда готова купить покражу.

— Есть еще пригородные слободы, — опять встрял Желязовский. Питерец понял, что перед ним разыгрывают спектакль и роли заранее распределены. — Город растет не только численно, а еще и вширь. В последние несколько лет к Киеву присоединены Шулявка, Куреневка и Лукьяновка. Вот-вот добавят Демиевку и Соломенку. К городу тяготеют и левобережные слободы. А штаты полиции и размер содержания неизменны со времен Александра Второго.

— Вы бы там, в Петербурге, замолвили слово, Алексей Николаевич, — просительным голосом изрек полицмейстер. — Пропадаем же, вот ей-богу, пропадаем и скоро совсем пропадем.

— А какое сейчас в Киеве население?

— Мы насчитываем триста тысяч человек. А с богомольцами и приехавшими на контракты^[10] — все четыреста. Нас все время сравнивают с Ригой, уж не знаю почему. Там народу меньше, а полиции больше. И оклады жалования у них выше. Мы обратились в Министерство финансов, а от них толку шиш со шкварками. Говорят, пусть ваша Дума вам и помогает. А казна-де пуста.

Алексей Николаевич пояснил:

— Так вышло, что я хорошо знаю рижские дела. Был там пару лет назад^[11]. Их полиция действительно имеет лучшее в сравнении с вами содержание. Ее финансирует городская Дума из собственных доходов. Бюджет полиции — двести восемьдесят тысяч рублей!

— О чем и речь, — оживился полковник. — Там немцы всем заправляют, умные богатые немцы. А у нас евреи. От них не добьешься. Их самих грабят чуть на каждый день, но помочь нам они не хотят. Вот,

взгляните...

Цихоцкий вынул из стола заранее подготовленные бумаги.

— Я дам их вам с собой, в Петербург. Мы тут, простите, за любую возможность цепляемся. Все ж вы, Алексей Николаевич, чиновник особых поручений Департамента полиции. Где-то кому-то словечко да замолвите. Вот. Это цифры, а не просто плач турка. Длина окружности Киева — пятьдесят одна верста. Площадь — сто девятнадцать квадратных верст. И на все это меньше четырехсот городских... Чего же от нас требовать?

— Вы сказали, Витте игнорирует ваши письма? Почему? Неужели указанные цифры его не убеждают?

Полицмейстер ответил с крайним раздражением:

— А у нас и у них значения разные. Представляете? Они оттуда, с берегов Невы, будто бы лучше нас видят, каким стал теперь Киев. Мы числим в городе триста тысяч человек, а они на пятьдесят тысяч меньше. А площадь, по их мнению, и вовсе сорок четыре версты, вдвое меньше Риги. Безумные люди... Киев, Киев! Огромный город, столица края. И будто бы только половина Риги.

— То есть Министерство финансов не включает пригородные слободы в городскую черту?

— Да. Но ведь это глупость! Жители Демиевки или Никольской слободы лишь ночуют у себя дома. А днем все они здесь, среди нас. Как же можно их не учитывать?

— Конечно, глупость, — согласился Лыков. — Давайте ваши бумаги. Приеду в Петербург, попробую дать им ход. У Сипягина личные близкие отношения с Витте. Вдруг да получится убедить... Кроме того, я здесь как раз по просьбе Сергея Юльевича.

Киевляне сразу посерьезнели:

— Даже так?

— Да. Он просил Дмитрия Сергеевича разобраться с шумом вокруг вашего Меринга. Возможно, по итогам моей командировки я сам же и сообщу Витте, что узнал. Мы с ним немного знакомы.

Цихоцкий засуетился и опять полез в стол:

— Вот еще предложения по усилению штата с доказательствами. Вы уж, Алексей Николаевич, там дайте ход. А то как в бездонную пропасть: пишешь, пишешь...

Но Желязовский вдруг заговорил о другом:

— Так значит, министр финансов обеспокоен письмом оценщика? Мы, если честно, придаем ему гораздо меньше значения.

— С тех пор, как Софья Спиридонова стала Витте, его интересует эта

женщина, а значит, и ее муж.

— Но ведь они почти не общаются, — возразил коллежский асессор.

— Это так, — подтвердил Лыков. — Они и раньше не очень ладили. Когда в восьмидесятых годах Витте жил у вас в Киеве, то приемную дочь видеть не хотел, и та воспитывалась в институте. Десять лет назад Сергей Юльевич перебрался в столицу, где и началась его сказочная карьера. Там он обвенчался наконец с Иваненко-Спиридоновой, и они вызвали Софью к себе. Вдруг мать ее внезапно умерла, и приемный отец остался один на один с приемной дочерью. Но, как я понял, отношения не сложились. Барышня Витте невзлюбила. К тому же он быстренько повстречал другую женщину. Витте поступил довольно порядочно: он взял Софью из Киева к себе в Петербург и обещал приданое. Как раз вовремя подвернулся Михаил Меринг и сделал предложение. Он состоит со своей женой в отдаленном родстве: их матери обе урожденные Иваненко. Но церковь брак разрешила, и Михаил увез Софью назад в Киев. Он уволился из Министерства финансов и начал операции с наследством. Для этих операций понадобились сначала акционерное строительное общество, а потом банк. И вот теперь до Витте стали доходить слухи, что Меринг ведет свои дела нечисто. И министр опасается, чтобы зять не втянул тестя-сановника в какие-нибудь аферы. У министра много врагов, и они охотно воспользуются любой сплетней, чтобы навредить ему. Поэтому я здесь.

Киевляне слушали внимательно. Хотя у Лыкова сложилось впечатление, что он не сказал им ничего нового...

— Так что Афонасопуло надо найти, — подвел итог надворный советник.

— Ах да, Афонасопуло, — спохватился полицмейстер. — Северин Янович, сведите нашего гостя с тем, кто занимается у вас дознанием об его пропаже. Я правильно помню, это Асланов?

— Точно так, господин полковник.

— Вот и проводите. Ничего не утаивать, оказать полное содействие. Алексей Николаевич еще, может быть, послужит чаяниям киевской полиции...

Два сыщика вышли из громадного здания присутственных мест. Пристав объяснил, что идти им в соседний подъезд. Сыскное отделение помещалось на третьем этаже Старокиевского полицейского участка, что на углу Большой Владимирской и Большой Житомирской.

Лыков спросил Желязовского:

— Что за фамилия такая — Асланов? Он нерусский?

— Из крымских татар.

— А кто он по должности?

— Тут, Алексей Николаевич, надобно пояснить.

— Так поясните.

— По штатам сыскного отделения, кроме меня, других чиновников не полагается.

— То есть как? — удивился Лыков. — А кто ведет канцелярию, регистрацию и учет?

— Городовые.

— Не понял, простите. — Питерец остановился и прихватил киевлянина за рукав. — Что, и помощника даже нет?

— Нет.

Алексей Николаевич пригляделся к коллежскому асессору, потом отвел его в сторону.

— Пожалуйста, сообщите мне весь ваш штат.

— Двадцать три человека. Из них чиновник один я да еще два околоточных надзирателя. И двадцать городских.

— Простых городских? Это и есть ваши сыщики?

— Точно так. Четверо из них, так сказать, бюрократы. Один заведует столом личного задержания, другой — столом наблюдения и справок, третий — столом происшествий и регистрации, четвертый ведет все делопроизводство.

— Сколько же они жалования получают за такую службу?

— Двадцать пять рублей шестнадцать копеек в месяц.

Лыков некоторое время обдумывал услышанное. Потом потряс головой:

— Этого не может быть.

— У нас может, Алексей Николаевич.

— М-да... А остальные чем заняты?

— Два околоточных руководят дознаниями. И шестнадцать городских у них в прямом подчинении. На этих все: наружное наблюдение, агентурное осведомление, аресты и задержания, розыск похищенного, предупреждение преступлений.

— Асланов — один из двух надзирателей?

— Да. Я разбил сыскных городских на отряды, каждым командует свой околоточный. Дело Афонасопуло ведет Спиридон. Сейчас я вас с ним познакомлю. От себя скажу, что человек он восточный, хотя и крещеный...

— Сменил веру?

— ...и весьма способный к сыскной работе. Держит всех в кулаке. Сведениям Спиридона Федоровича можно доверять.

Сыскное отделение занимало целый этаж, недавно надстроенный. В комнатах еще не выветрился запах краски. Сыщики-городовые почти все были в партикулярном платье. Это чтобы не бросаться в глаза, пояснил Желязовский, сам одетый, как варшавяк-щеголь...

Он вызвал Асланова в кабинет. Это оказался рослый плотный мужчина, смуглый, с вкрадчивым взглядом. Лицо у него было веселое и лихое. Присмотревшись, питерец понял, что веселого там было немного. Скорее внутренняя, тщательно скрываемая свирепость. Надзиратель больше походил на абрека, нежели на слугу закона. Густые, загнутые кверху усы делали его по-своему симпатичным. Что-то киевские сыщики сплошь красавцы...

Желязовский представил гостя и приказал ознакомить его с ходом дознания. Надзиратель сделал короткий толковый доклад. Из него следовало, что Афонасопуло мог стать жертвой грантовщиков ^[12] Никольской слободы. Проведенными мероприятиями установлено, что оценщик по образу жизни игрок. А крупная, разрешенная законом игра в Киеве ведется всего в нескольких местах. Среди них Купеческий клуб и рестораны «Эрмитаж» и «Босфор» на Трухановом острове. Во всех этих заведениях Афонасопуло хорошо знали — и пускали неохотно. Оказалось, он задержал платежи по долгам. И хотя потом отдал, ему рекомендовали больше не приходить. Но маньяк уже не мог, видимо, обходиться без зеленого сукна. И он стал посещать четвертое место, самое нехорошее — клуб-варьете «Венеция» в Никольской слободе.

Заодно Асланов объяснил командированному, что такое эта слобода. Она расположена на левом берегу Днепра, напротив Николаевского цепного моста. Начиналась как предмостное укрепление, а потом стала крупным пригородом с разнородным населением.

— В чем ее соль? — спросил Лыков.

Надзиратель ответил:

— Административно это уже не Киев, а Черниговская губерния. Надеюсь, ваше высокоблагородие понимает...

Надворный советник, разумеется, понял. Уголовные с того берега делают налеты на город, а потом возвращаются к себе в слободу. И киевская полиция теряет их из виду. А черниговская пока получит от соседей запрос, пока сообразит, что ответить... Глядишь, еще кого-нибудь зарежут.

— Весь левый берег напротив Киева относится к Остёрскому уезду упомянутой губернии, — продолжил Асланов. — Слобод несколько: Поварская, Предмостная, Воскресенская и самая криминальная —

Никольская. Силы полиции в уезде, сами знаете, невелики. А населения двадцать тысяч. Сообщение с Киевом обычно пароходами и по мосту. Но сейчас мост перестилают. Он висел на цепях, а теперь будет находиться на новом прочном основании. Пешеходов и экипажи пускать запретили. Теперь лишь по воде. Вот наш герой и шастал туда-сюда чуть не каждый вечер.

— Как вы это выяснили? Нашли перевозчиков?

— Так точно, ваше высокоблагородие.

— Называйте меня Алексей Николаевич. А вы неужели по отчеству Федорович?

Татарин усмехнулся:

— Папашу моего звали Файзула. Но тут переделали по-своему. Я уж привык.

— Понял, Спиридон Федорович. Перевозчики опознали Афонасопуло?

— Да, я предъявил карточку. Билетеры судов в один голос сказали: был такой, часто ездил. Вечером в слободу, а ночью, на последнем пароходе — в Киев. Не любовь же он там крутил. Играл, понятное дело.

— Думаете, его там же в слободе и приткнули?

— Могли там, могли и в другом месте. Надо тело искать.

Надзиратель покосился на Желязовского. Пристав скривился:

— В этой точке мы со Спиридоном не сошлись. Я считаю — и полицмейстер вместе со мной — что рано хоронить Афонасопуло. Вдруг накопил карточных долгов да и ударился в бега? Нет тела, нет и дела.

— Знакомая песня, — мрачно прокомментировал Лыков. — Все время ее слышу. А вы, Спиридон Федорович, готовы спорить с начальством?

И тут татарин его удивил.

— Готов, — ответил он.

— Давайте аргументы.

— Доказательств, верно, нет. Пока труп не найдем, все догадки. Но ожидания у меня самые дурные. Думаю, здесь убийство. А тело надо искать в Днепре.

Коллежский ассессор даже присвистнул.

— Почему именно в Днепре? — спросил он.

— Таков обычай у наших головорезов, — спокойно парировал надзиратель. — Концы в воду. Всегда оно эдак-то делалось.

— Опомнись, Спиридон! — повысил голос Желязовский. — Что приезжий человек об Киеве подумает? В прошлом году было девять убийств, и все наше отделение раскрыло. И правда, два тела в реке отыскивали. Но еще семь — где попало, даже в Лавре жмурика нашли.

— Девять убийств — это по официальной отчетности, — как ни в чем не бывало возразил Асланов. — А сколько людей пропало без вести? Больше пятидесяти. И считаю, все они там, в Днепре.

— Да почему же?! Утопленники имеют привычку всплывать, если ты не знал. Нету в городе полста утопленников!

— В городе нет, потому что их течением вниз сносит.

— Что, прямо до Черного моря? Или только до днепровских порогов? Ну ты чудак, а еще сыскной надзиратель.

Асланов обратился к Лыкову:

— Напротив города Черкасы, это двести верст ниже Киева, тянется полоса из водяных мельниц. Там их множество. Вот под ними все наши пропавшие и покоятся.

— То есть? Их размалывает лопастями?

— Именно так, Алексей Николаевич. Много тел, конечно, всплывает раньше. На быках моста часто их находят, или в паровозных колесах. Еще место, куда часто выбрасывает утопленников, — это Святославов брод. Иначе его называют Рудиново-Стайковские мели, шестьдесят верст ниже Киева у села Витачева. А кто доплыл до Черкас, того уж не ищи. Мельницы там стоят по правому берегу, и течение такое, что выносит тела прямо к ним. Представьте себе больше ста мельниц в одну шеренгу. А тело уж того... раздулось и подгнило. Его рвет на куски, а что остается, падает на дно и съедается рыбами.

Лыкова передернуло:

— Вы очень живо это обрисовали...

— Что ж делать, если так оно и есть?

Пристав желчно прокомментировал:

— У надзирателя Асланова богатое воображение. Полицейское начальство не разделяет его страшилок.

— Мне его версия представляется вполне убедительной, — возразил надворный советник. — Вы осматривали береговую полосу?

— В черте города это ни к чему. Случись утопленник, его сразу заметят. Внизу ежели, там не знаю.

— Предлагаю проверить все сводки о найденных неопознанных телах ниже Киева, вплоть до Черкас.

Желязовский пожал плечами:

— Если вы считаете нужным...

— Считаю, Северин Янович. Распорядитесь, пожалуйста.

Догадка надзирателя неожиданно подтвердилась уже на следующее утро. В колесо парохода «Десна», проплывавшего мимо народных купален,

угодило тело мужчины. Его отвезли в анатомический покой при Александровской больнице. Лыков с Аслановым приехали туда и осмотрели труп в присутствии врача. Околоточный по фотокарточке опознал в утопленнике Афонасопуло. Хотя тело сильно раздулось, характерные черты лица не изменились. Доктор отказался дать определенное заключение о причинах смерти. Тело было сильно помято лопастями колеса, руки и ноги сломаны, голова пробита. Алексей Николаевич потребовал вскрыть легкие, и выяснилось, что воды в них нет. Значит, оценщика в Днепр бросили уже бездыханным!

Полицейские, не откладывая дело в долгий ящик, поехали на Лабораторную. Оказалось, что квартиру Афонасопуло еще не обыскивали. Спиридон Федорович вызвал помощника пристава, взял в понятия дворника с коридорным и произвел досмотр. Ничего интересного обнаружить не удалось, кроме одной расписки. В ней незнакомым почерком было накарябано: «Дано мною, Гершко Кутиком, 200 (двести) рублей Платону Ивановичу Афонасопуло в счет оценки принадлежащего мне на праве собственности здания в Новом строении по улице Полицейской номер три. Указанный Афонасопуло согласен, что, в случае получения мною ссуды в Городском кредитном обществе менее двадцати тысяч рублей, он, Афонасопуло, возвращает мне уплаченную сумму в 200 (двести) рублей». Ниже другой рукой было дописано: «Я, Платон Афонасопуло, подтверждаю обязательство вернуть двести рублей Гершко Кутику, если он не получит в банке ссуду от двадцати тысяч рублей под залог своей недвижимости по Полицейской улице».

Лыков прочитал расписку и развел руками:

— И он еще писал кляузы? Ведь это же взятка!

— Конечно, — согласился надзиратель. — И заметьте вот что: банк другой, не тот, в котором служил покойный.

— Действительно, он числился в Киевском частном коммерческом, а тут какое-то кредитное общество. Что вы о нем скажете, Спиридон Федорович?

— Это второй из здешних банков, который широко ссужает жилищное строительство. А председатель правления там Шлейфер.

— Как? Тот самый? — удивился надворный советник. — Который с Мерингом состоит в одной лавочке?

— Тот самый, — усмехнулся татарин. — У вас в таких случаях говорят: рука руку моет.

— М-да... В письме министру внутренних дел Афонасопуло обвиняет Шлейфера в сговоре с Мерингом. А сам при этом берет деньги с клиентов

за то, что завышает стоимость залога. Ведь две сотни ему дали именно за это.

— Конечно. В расписке прямо сказано: если ссуда будет маленькой, не такой, какую хочет Кутик, то деньги возвращаются.

— Вот только почему она оказалась у оценщика? — усомнился питерец. — Логичнее было бы найти ее у займодавца.

— Да просто написали в двух экземплярах, — предположил киевлянин. — Этот достался покойнику.

Лыков подумал и спросил о другом:

— Можно ли верить доносу такого человека?

Асланов пожал плечами:

— А это уж вам решать, Алексей Николаевич. По мне, так все они жулики, кто занимается жилищным строительством.

— Давайте поделимся, — принял решение Лыков. — Вы продолжайте дознание по факту смерти оценщика. Теперь ясно, что она была насильственной. Потормошите агентуру: чьих рук дело? А я пойду в банки, в оба. Там где-то другой конец, я потяну за него.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие Алексей Николаевич!

Глава 4. Киевские банки и все, что вокруг них

Прежде чем идти в кредитные учреждения, Лыков попросил полицмейстера о консультации. Цихоцкий свел сыщика с господином Подгайным, заведующим строительным отделением городской управы.

— Михаил Онуфриевич, — обратился к нему питерец. — Введите меня в курс дела. Говорят, здесь развиты махинации с оценкой заложенного имущества. Все в банках покупается, можно халупу заложить, как дворец, если дать взятку оценщику.

— Не верьте, — отмахнулся тот. — Болтовня это, досужие разговоры. Наша управа давно навела в городском имуществе порядок.

— Неужто?

— Именно так, и зря изволите иронизировать, — обиделся Подгайный. — Главная статья дохода городского бюджета — оценочный сбор с недвижимых имуществ. У нас все строго! Городская недвижимость ежегодно переоценивается. Существует тридцать шесть видов жилья. У каждого своя величина налога, в зависимости от месторасположения, сохранности и доходности. Вот такие простыни составляем! До пятнадцатого апреля каждый владелец должен сдать в управу специальную ведомость. Там все, вплоть до списков жильцов с размером квартирной платы. Стоимость имущества определяют присяжные ценовщики, работающие от управы. Как же вы тогда переоцените его для банка? Тот сам ничего и делать не станет, а попросит нашу ведомость. Мы охотно сотрудничаем с кредитными комитетами.

— Но как же махинации?

— Я же говорю: досужая болтовня. Только тот, кто не знает городских порядков, может сочинять такую глупость.

— Странно. Хорошо, пойдем дальше. Говорят, жилищным строительством в Киеве заправляют евреи и все построено на гешефтах.

— Тоже вранье.

— Но вот тот же Шлейфер: сидит и в банке, и в кредитуемом им обществе.

— Прежде всего, Георгий Павлович Шлейфер не еврей, а природный немец. Кстати, так же, как и Михаил Федорович Меринг — отец его приехал в Киев из Саксонии. А немцы — нация аккуратная. Что же до двух

кресел под одним человеком... И что тут преступного? Вон Анатолий Викторович Гудим-Левкович. Он председатель Киевского частного коммерческого банка и одновременно Южно-Русского промышленного банка. И все довольны.

— Гудим-Левкович? О котором мне говорил Трепов? А кем он приходится правителю канцелярии губернатора?

Цихоцкий весело хохотнул:

— Там не поймешь. Гудимов этих видимо-невидимо. Куда ни сунься, найдешь кого-нибудь из рода. Даже в Петербурге есть!

— Имеется один, — согласился надворный советник. — Павел Константинович, генерал-лейтенант. Управлял Кабинетом Его Императорского Величества, а в январе переведен в Госсовет. Но вернемся к банкам. Выходит, у вас тут все переплелось: одни и те же люди и выдают деньги, и получают их?

— Это кто же? — опять влез Цихоцкий.

— Да ваш Меринг. Он директор частного коммерческого банка, и он же председатель правления домостроительного общества. Сам себе ссуды подписывает? А второй — Шлейфер. В Городском кредитном обществе он председатель правления, а в домостроительном — директор-распорядитель.

Подгайный обиделся за земляков:

— Шлейфер — выдающийся архитектор. А Меринг — гениальный финансист. Вы хоть представляете, что он сделал для украшения Киева? Слыхали про усадьбу его отца?

— Только о ней и твердят который день, — ответил сыщик. — Но изложите и вы свою версию.

Он уже понял, что интересующее его дело связано с этой усадьбой, и решил собрать о ней побольше сведений.

— Что получить землю Мерингу-старшему помогли благодарные евреи, я знаю от губернатора. Давайте то, что не знаю.

— Охотно, — согласился Михаил Онуфриевич. — Начнем с азов. Старый доктор умер в восемьдесят седьмом году. И чтоб вы представляли, господин приезжий из столицы, похороны его проходили так. Отпевали почтенного человека сразу три священника: православный, лютеранский и еврейский. Слышали вы когда-нибудь о таком?

— Нет, — сознался сыщик. — Это в знак уважения?

— Конечно. Чтобы Федор Федорович точно попал в рай, хоть в какой-нибудь. Настолько киевляне были ему благодарны. Но помимо хорошей памяти он оставил и солидное состояние. А еще двух сыновей и дочку, не считая вдовы.

— Как поделили наследство?

— Деталей я не знаю. Одному брату достались загородные имения, он теперь сахарозаводчик. Дочке тоже отвалили капитал. А вот городская усадьба шесть лет назад отошла Михаилу. В ней насчитывалось более двадцати восьми тысяч квадратных сажен. Больше всего Меринг-старший купил у Трепова-старшего. Во время кампании по обрусению Юго-Западного края много что отобрали у поляков. Вот государь и подарил бывшему градоначальнику Петербурга огромный кусок между Шелковичной, Крещатиком и Институтской. Трепов был делец и прихватил еще семь тысяч сажен у жандармского дивизиона. На каком основании — это тайна, но беззаконий при государе-освободителе, сами знаете, было много. Так вот. Трепов продал свой участок доктору за сто двадцать тысяч рублей. А тот незаметно-незаметно прикупил все другие участки вокруг. И у аптекаря Эйсмана, и у графа Януша Ильинского, и даже бывшую усадьбу канцлера Безбородко. И появилось «киевское княжество». Старик не знал, что ему делать с таким количеством пустопорожней земли. Часть он отдал в аренду под цирк, еще часть застроил домами — это по улице Банковой. А потом взял да и помер.

Муниципальный служащий перевел дух и попросил у хозяина чаю. Цихоцкий распорядился. Сделав добрый глоток, Подгайный продолжил:

— Сначала наследники — они тогда еще совместно владели усадьбой — предложили управе застроить все новыми домами. Город получил бы за выдачу разрешения почти шесть тысяч квадратных сажен в собственность. Вопрос вынесли на заседание Думы, и она отказалась.

— Почему? Такое место!

— Гласные побоялись расходов. Мощение, ремонт и освещение новых улиц легли бы на городской бюджет. И тогда сыновья Меринга выставили усадьбу на продажу целиком, за миллион восемьсот тысяч рублей. Желающих с такими капиталами не нашлось. Затем по раздельному акту усадьба отошла в единоличную собственность Михаила Меринга. И он выступил учредителем Киевского домостроительного общества с уставным капиталом миллион восемьсот тысяч рублей. Общество купило у него весь участок. Точнее, часть дало деньгами, а часть — своими акциями. Уставная деятельность такая: покупка и аренда домов и земли, жилищное строительство.

— Вы говорите: общество купило. Откуда оно взяло деньги на это?

— Разместило свои акции, откуда же еще! Одна акция стоит тысячу рублей, обращаются они на бирже. Но контрольный пакет у группы деловиков, и сразу он был у них.

Лыков напряг память:

— Это те, о которых мне говорил губернатор? Петровский, Голубев, Марголин?

— Изначально они плюс сам Меринг четвертым. Но очень скоро Голубев вышел, а его место занял упомянутый Шлейфер.

— Так. Михаил Меринг предложил группе богачей создать общество, сброситься деньгами и купить у него землю для жилищного строительства, — стал уточнять сыщик. — Но сам остался в обществе большим акционером и даже председателем правления. Это ему как удалось? Продал и езжай кутить в Монте-Карло!

— Он же не все получил деньгами, часть акциями, — пояснил собеседник. — А председателем его поставили совладельцы.

— То есть он взялся застроить свои же бывшие земли?

— Да. Меринг — опытный финансист, служил с Витте. А строительными вопросами ведает Шлейфер, он профессиональный архитектор.

— Хорошо. Что общество сделало с землей?

— Оно разбило ее на участки. Всего получилось двадцать семь участков площадью от двухсот восьмидесяти до тысячи семисот квадратных саженей. Часть общество выставило на продажу, а часть стало осваивать само. Гостиницу «Континенталь», театр Соловцова и здание Южно-Русского промышленного банка поставили Меринг со Шлейфером. Ну и несколько доходных домов. Другие участки застроили покупатели. Платили по тысяче рублей за десятину. Всего на месте усадьбы вышло четыре улицы: Николаевская, Ольгинская, Меринговская и Новая. И одна площадь, Николаевская. Самые красивые сейчас во всем Киеве.

— Гостиница, театр и банк по сию пору принадлежат домостроительному обществу?

— Здание банка выкупили владельцы. А гостиница с театром да, и доходные дома тоже.

— Говорят, в Киеве теперь строительный кризис, — задал Лыков давно интересовавший его вопрос. — Как он сказался на деле Шлейфера и Меринга? Может быть, сейчас им приходится идти на те махинации, о которых писал Афонасопуло? Завышать цену залога, выдавать самим себе деньги без обеспечения...

— Про письма Афонасопуло я ничего не знаю, — пожал плечами муниципал. — А дела у домостроительного общества идут хорошо. Они успели снять сливки, поскольку забрали лучшие земли. Вот на Ольгинской и на Меринговской, говорят, спрос упал. Застройщик не может продать уже

готовые квартиры. А на Николаевской лучше некуда.

— Так ли?

— Зря беспокоитесь, господин Лыков, — махнул рукой Подгайный. — Домостроительное общество устойчивее любого банка. С их-то активами! Понадобятся средства — продадут или гостиницу, или один из доходных домов.

Надворный советник поднялся, протянул консультанту руку:

— Благодарю, Михаил Онуфриевич, за исчерпывающую справку.

Тот удалился, а сыщик обратился к полицмейстеру:

— Вячеслав Иванович, стало яснее, но я все равно должен увидаться и с Мерингом, и со Шлейфером. Окажете содействие?

— Конечно, Алексей Николаевич. Дайте мне сегодняшний день. Вечером сообщу, что у меня получилось. Вы хотите здесь же, в моем кабинете?

— Нет, можно у них в банке. В том, где Меринг.

— Тогда это проще.

До обеда Лыков занимался своим устройством. Цихоцкий приказал поселить его на явочной квартире сыскного отделения, чтобы не тратить казенных денег. А еще выдать служебный билет на бесплатный проезд в трамвае. Вообще полицмейстер был внимателен и доброжелателен. Видимо, надеялся получить в лице столичного чиновника себе союзника в борьбе за средства. Полиция Киева действительно жила в ненормальных условиях. Штатные вакансии сознательно занимали не полностью, чтобы сэкономленные средства раздать городovým и тем хоть как-то улучшить их мизерное содержание. Сыскное отделение не имело даже вольнонаемных агентов — на них не хватало денег. Текучесть кадров в отделении поражала. За год половина состава или уволилась, или была отчислена за нарушения по службе. Тупое упрямство Министерства финансов много вредило делу. Алексей Николаевич решил, что обязательно поговорит с Витте о киевских тяготах. Он не сомневался, что министр захочет лично выслушать его доклад.

Витте познакомился с Лыковым на Всероссийской выставке 1896 года. Потом они встречались еще раз, когда сыщик дознавал злоупотребления в Московском промышленно-купеческом банке. Сановник относился к сыщику с уважением, хотя и немного снисходительно. Посмотрим, что он скажет, когда речь зайдет о приемной дочери...

Алексей Николаевич переехал на Бульварно-Кудрявскую, к астрономической обсерватории. В домике жил отставной фельдфебель со звучной фамилией Вертипорох. За небольшую плату он помогал сыщикам,

устроивал на своей квартире встречи с агентурой. Над башенками обсерватории нависала гора с корпусами общежительного женского Покровского монастыря. Самый новый в городе, он был устроен силами великой княгини Александры Петровны, жены Николая Николаевича Старшего. Княгиня удалилась от мужа, прижившего кучу детей с танцовщицей, и поселилась в Киеве. Свою нерастраченную энергию она тратила на обитель, в частности устроила там бесплатную лечебницу для бедных. Великая княгиня скончалась в апреле, только-только отметили сороковой день ее кончины, но осиротевшие лечебница и обитель трудились в полную силу. Мимо домика Вертипороха тянулись в гору вереницы убогих. Вообще, улица оказалась неудобной, слишком людной. Она соединяла два базара: Галицкий и Львовский. Евреи-факторы, крестьяне с товарами, просторабочие с топорами целый день слонялись под окнами. Кое-как перетерпев вечер, на другой день Лыков переехал в номера Гладынюка на Фундуклеевской. Там было спокойнее и ближе к центру. Вдвое дешевле, чем в «Континентале», между прочим. А комфорт и выучка прислуги ничуть не хуже. Вместо первоклассного ресторана, правда, буфет. Но когда новый постоялец раз отобедал там, то больше уже никуда не ходил, старался есть у Гладынюка.

Сыщик ждал письма от полицмейстера и обдумывал то, что услышал. Подгайный его не убедил. Факт оставался фактом: Михаил Меринг выдавал ссуды сам себе. У воды да не напиться? И махинации с залогом вполне возможны, об этом говорит расписка в квартире Афонасопуло. Видимо, Цихоцкий хочет лакировать сведения о строительных делах и для этого подвел к приезжему правильного специалиста. Значит, следует теперь найти неправильного.

Однако Лыков чувствовал себя не в своей тарелке. Банковский мир ему был мало знаком, а тут залоги, активы, онкольные ссуды, соло-векселя и загадочный домовладельческий кризис. Помимо доки-строителя, который расскажет о киевских тайнах, нужен еще финансист. Сторонний, не от Цихоцкого, но компетентный. Где бы такого раздобыть?

Наконец принесли записку от полицмейстера. Столичного сыщика приглашали в частный коммерческий банк в половине третьего пополудни.

Банк располагался в собственном очень приличном доме по Левашовской улице. Служитель с медалями провел сыщика наверх, в кабинет директора. Там поджидали два господина.

— Михаил Федорович Меринг, — представился первый, стройный, с офицерскими усами и ранней сединой на висках.

— Георгий Павлович Шлейфер, — назвался второй, в очках в золотой

оправе, делавших его похожим на ученого.

Трое мужчин уселись за стол. Хозяева изучали гостя, а тот — хозяев. Первым заговорил Меринг:

— Скажите, поручение вы получили от самого Сергея Юльевича?

— Ну что вы, для этого я слишком малозначительная фигура. Даже не от Сипягина. Поручение с его слов мне передал директор Департамента полиции Зволянский.

— Но телеграмма губернатору подписана министром... — как бы про себя добавил Шлейфер.

— Давайте сразу к делу, господа, — предложил сыщик. — Вы зря гадаете, кто меня послал и каков уровень моих полномочий. Я — чиновник особых поручений. Приехал как раз с таким вот поручением. Витте обеспокоен и хочет разобраться. Помогите мне успокоить его, и дело сделано.

— Чем же он обеспокоен? — вскинулся Меринг. — Мне тесть ничего такого не говорил.

— А Сипягину сказал.

— И появились вы?

— Да. И не надо кривиться, я сюда не рвался, и мне не больше вашего нравится причина поездки.

Киевляне помолчали.

— Но, поскольку поручение дано, я обязан его выполнить. Вы оба заинтересованы в том, чтобы правда была установлена. Если вам, конечно, нечего скрывать.

— Нам совершенно нечего скрывать, Алексей Николаевич, — сказал архитектор. — Вы позволите называть вас так?

— Конечно, Георгий Павлович. Я тут гость и ничего не смыслю ни в банковском деле, ни в строительстве, ни в киевских порядках. И пришел к вам за разъяснениями, которые и лягут в основу моего доклада начальству.

— Хорошо. Оставим пока в стороне вопрос, почему Витте ничего не сказал зятю, но нанял сыщика...

— Не нанял, а прислал, — парировал Лыков.

— Прислал, — согласился Шлейфер. — Нам-то не легче. Мы вроде как должны оправдываться. А за что? Трудимся не покладая рук, украшаем город. Что вдруг стало не так?

— Очень просто. До Петербурга дошло письмо некоего Афонасопуло. Он обвиняет вас двоих в махинациях. Никто из столицы сюда бы не приехал, если бы один из вас не приходился родственником самому влиятельному человеку в России. После государя, разумеется. Это

понятно?

Меринг молча кивнул и сложил руки на груди с оскорбленным видом. А Шлейфер фыркнул:

— Письмо Афонасопуло. Из-за этой глупой бумажки весь сыр-бор?

— Опровергните ее, и дело с концом!

— Ну тогда все просто.

— Валяйте.

— Мы дадим вам балансы домостроительного общества и заключения ревизионной комиссии. Там все написано. Дела идут прекрасно, активы превышают пассивы в полтора раза, запасный капитал сформирован в соответствии с уставом.

— Боюсь, что мало пойму в этом. Но приложу ваши бумаги к отчету для солидности.

После этих слов обстановка за столом разрядилась. Киевляне поняли, что ревизор им не враг. Или сделали вид, что поверили в это. Даже неудавшийся астроном перестал строить рожи.

— Вы ведь остановились в нашем «Континентале», видели, что это за прелесть! — воскликнул он. — Вот так мы строим. Сто номеров, и отбою нет от приезжих. А дома на Крещатике! Сейчас мы пошли дальше, взяли участки по Святославской улице на Афанасьевском яру и по Большой Васильковской. Не топчемся на месте, развиваем успех. А тут поклепы...

— Правда ли, что в строительстве наметился кризис? — осторожно спросил надворный советник.

— Он начнется через год-два, — ответил архитектор. — Но мы успеем достроить и продать, во-первых. А во-вторых, наши площадки лучшие в городе. Проблемы возникнут у других, кто строит где попало. Элитных земель в Киеве очень мало из-за его невозможного рельефа. И все они у нас. На такой товар цены никогда не упадут.

— Как вышло, что лучшие участки достаются именно вам?

— За это следует благодарить Михаила Федоровича, — кивнул на партнера Шлейфер. — Усадьба его отца стала толчком всему. Застроив эту землю, мы уже твердо стояли на ногах. В чем секрет успеха Киевского домостроительного общества? Желаете узнать?

— Конечно.

— В соединении воедино всех необходимых компонентов. Есть кадры: я архитектор, Михаил Федорович финансист, а господин Марголин коммерсант. Кроме того, он вкладывает свои деньги, и поэтому нам меньше нужно заимствований. Далее, есть кредитные учреждения, и не одно, а целых два. Я имею в виду КЧКБ и ГКО^[13]. И наконец, есть тесное

сотрудничество с Думой и городской управой. Там знают, что мы не подведем и выстроим хорошо.

— Вы упомянули господина Марголина. Он третий ваш партнер по обществу?

— Да. И самый богатый из нас, чего таить. Мы с Михаилом Федоровичем трудящиеся люди, только-только заработали по миллиону. А Давид Симхович очень богат. Очень! Причем уже давно. И как человек опытный, нюхом чувствующий наживу, крайне нам полезен. Представляете, он никогда не ошибается.

— Такого не бывает, — усомнился Лыков.

— С Марголиным именно что бывает. Вот в чем его нужность, а не только в капиталах. Но и капиталы полезны, зачем лукавить. Однако тут выгода обоюдная. Вклад в банке дает Давиду Симховичу четыре процента в год. А доходный дом — двенадцать.

— А чем еще занимается ваш партнер?

— Легче сказать, чем он не занимается, — оживился Меринг. — Заметили на Днепре пароходы, выкрашенные в серо-голубой цвет? Это его пароходы. Два миллиона пассажиров перевозят за навигацию! Марголин — директор-распорядитель Объединенного общества пароходства по Днепру и его притокам. Еще он директор Общества городской железной дороги. Выстроил себе особый салон-вагон, как у государя императора, и носит его на нем по Киеву. Горожанам нравится, они ему руками машут... Газовым освещением еще занимается и водоснабжением. Гласный Думы, коммерции советник. Большой человек.

— Я понял. Но вернемся к письму Афонасопуло. Вы читали его?

— Нам показывал сию бумажку губернатор, — ответил Шлейфер. — Он тоже стал адресатом неуместного лгуна. Если там тот же бред, что и в доносе Витте, то можно сказать, что читали.

— Значит, там только бред?

Меринг стукнул кулаком по столешнице:

— Да уж не правда! Надо было такое придумать: мы с Георгием Павловичем заставляем его завышать оценку предметов залога. Даже технически это невозможно. Городская управа пристально следит за имуществом горожан и своего не упустит. Если завесить цену, то всю оставшуюся жизнь будешь платить повышенную ставку обложения. Кто на такое пойдет?

— Ну если стройка застыла, денег нет, зима на носу, тогда все средства хороши, — предположил сыщик.

Но киевляне не согласились.

— Вокруг этого дела крутится огромное количество людей, — пояснили они. — Строительная инспекция управы, архитекторы, подрядчики, старосты артелей, кирпичные магнаты, факторы, покупатели жилья... Любая мелочь известна всему кругу. Ничего не спрятать, тем более мошенничества. Давно бы по Киеву ходили слухи. А от наших домов шарахались бы, как черт от ладана. Но все наоборот. В очередь записываются. Люди приносят деньги, чтобы купить площади под магазин. А там даже котлован еще не выкопан. Дом назначен к постройке в следующем году, а квартиры в нем все уже разобраны!

Лыков вспомнил многочисленные объявления о сдаче жилья, что он видел в местных газетах. Квартиры в семь, восемь, даже двенадцать комнат предлагались желающим. Крещатик, Большая Васильковская, Институтская, Банковая — лучшие улицы. Значит ли это, что спрос превысил предложение? В Петербурге, он знал, жилья не хватало. А в Киеве? Нет, надо срочно найти независимого специалиста. Отсюда можно уходить, ничего кроме уверений в полном успехе он не услышит.

— Господа, как так вышло, что вы даете ссуды сами себе? Согласитесь, это вызывает вопросы.

— Что значит сами себе? — полез в бутылку Меринг.

— То и значит, Михаил Федорович. Вы двое командуete в разных банках. И одновременно заправили в домостроительном обществе.

— Позвольте мне пояснить, Алексей Николаевич, — сказал Шлейфер. — У вас неверное понимание. Вы что, действительно считаете, что мы сами себе кредиты выписываем? Хе-хе. Кто бы нам позволил? Есть другие акционеры, есть ревизионная комиссия. Главное же, получателями денег в обоих наших банках являются клиенты. А вовсе не Киевское акционерное домостроительное общество. Посмотрите кредитный портфель — там кто угодно, только не КАДО!

— На какие же средства вы строите?

— На собственные капиталы общества, на марголинские займы и на взносы покупателей жилья.

— Ну допустим. Последний вопрос: что за человек был оценщик Афонасопуло? Почему он стал писать на вас ябеды?

— А бог его знает, — безнадежно махнул рукой Меринг. — Я пытался сначала с ним поговорить, успокоить. Но он задибался по пустякам, из принципа. Происхождение, видать, мешало вести себя как полагается.

— Происхождение? Он что, из благородных? Не встречал я в Бархатной книге такой фамилии.

— Настоящая его фамилия — Папа-Афонасопуло. Он был сын

адъютанта генерал-губернатора Дрентельна. Помните такую фигуру?

— Помню, — кивнул Лыков. — Третьим отделением заведовал, потом к вам попал. Он ведь и умер в Киеве? Я видел памятник ему на Владимирской горке.

— Да. Начальник края упал с лошади во время крестного хода. Тот бывает у нас ежегодно пятнадцатого июля, в день крещения Руси. С Дрентельном случился удар прямо во время парада войск по случаю торжества. Как раз Афонасопуло-старший внес шефа на руках во дворец, где тот вскорости и отдал Богу душу. Тащил вместе со вторым адъютантом, Треповым, что нынче губернатор. На этом адъютантство закончилось, потом закончились и деньги. Сын унаследовал лишь отцовские долги да еще гонор. Пришлось зарабатывать на жизнь, идти в оценщики. Как так? Отпрыск самого адъютанта генерал-губернатора! Он думал, дурак, что за одно имя его всю жизнь будут потчевать. А пришлось вот служить... Ну, отсюда глупые обиды, а от обид — доносы.

Объяснение было убедительным. А тут еще Шлейфер добавил:

— Мы получили на него несколько жалоб. Афонасопуло вымогал у клиентов банка деньги за нужную оценку предмета залога. Готов был ее зависить до небес, при соответствующей мзде. Так что, Алексей Николаевич, зря Витте вас сюда послал. Ничтожный человек сочинил ложь. Не надо тратить на нее время.

— Почему же вы тогда его не уволили?

— Увольнение — крайнее средство, — нехотя ответил Меринг. — Мы надеялись, что Платон Иванович образумится... А потом, вы ведь уже знаете, как он оказался в банке. Губернатор попросил. С такой лапой наверху Афонасопуло решил, что ему все дозволено.

Его объяснение прозвучало неубедительно. Что-то не так в этой истории. Подчиненный пишет доносы на начальство, при этом еще берет взятки. А ему все сходит с рук. Трепов давно отказался от поддержки своего протекже и сам не рад случившемуся. Причина лишь одна: Афонасопуло замешан в темных делах вместе с хозяевами. Много знает, потому его нельзя выгнать, приходится терпеть. Почему же тогда от шантажиста просто не откупились?

Но пора было заканчивать разговор.

— Вы должны понять Сергея Юльевича, — сказал сыщик, поднимаясь. — Министр финансов по роду занятий вынужден часто отказывать, и тем наживает себе врагов. Обиженные спят и видят, как бы отомстить. А тут такая история: родственник в Киеве замешался в аферизм. Даже если в ней нет ни слова правды, отыщется тьма желающих раздуть

сплетню. Вот он и боится.

— Все равно я напишу тестю, — капризно заявил Меринг. — Пусть...

Но партнер перебил его:

— Миша, не надо!

И несостоявшийся астроном сразу замолчал.

На этом собеседники расстались. Лыкову вручили балансы банка и домостроительного общества, отчеты ревизионных комиссий, перечень заемщиков. И вывели вон.

Лыков сел в номере и попытался изучить бумаги. Куда там! Здесь нужен был опытный бухгалтер, а не сыщик. Он отложил пачку и задумался. Надо найти строительного подрядчика, независимого и сведущего. Попросить Асланова, пусть поможет? Нет, Спиридон Федорович из той же партии. Всем им, от губернатора до околоточного, хочется сплавить ревизора побыстрее обратно в Петербург. Требуется человек, никак не связанный с нынешней киевской верхушкой. Но Лыков приезжий и не знает местных условий. Пойти к генералу Маврину? Письмо барона Таубе лежит в чемодане, ждет своего часа. Однако вряд ли дежурный генерал штаба военного округа силен в строительных вопросах.

Подумав, надворный советник сочинил одну идею. Вечером можно попробовать. А сейчас надо идти в сыскное, терзать Асланова. Пока Лыков изучал банковскую версию смерти оценщика, тот прорабатывал уголовную. С момента обнаружения трупа прошли уже сутки. Есть ли новости?

Надворный советник явился на Большую Житомирскую. Ни Асланова, ни Желязовского на месте не оказалось. В столе личного задержания сидел и что-то писал мужчина средних лет с приятным лицом. Увидев начальство, он поднялся и вытянулся:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие.

Лыков покосился на его бумагу — это был протокол обыска. Он догадался, кто перед ним.

— Здравствуйте, господин Красовский. Хотел с вами познакомиться, и вот... Очень кстати.

Красовский был вторым околоточным надзирателем сыскного отделения. Вчера, во время знакомства с кадром, он отсутствовал. Идея, что придумал Алексей Николаевич в номере, в том и заключалась, чтобы изучить журнал приводов. И сравнить, кто из двух надзирателей больше поймал воров. Почему-то ему казалось, что Асланов с его внешностью абрека не чист в этом вопросе. Спиридон Федорович напоминал Мойсеенко из МСП^[14]. Тот был успешный и ловкий сыщик, но притом потатчик

фартовых. Неужели хищный профиль татарина так смутил питерца? Плохо, плохо судить о человеке по его внешности...

— Я Лыков Алексей Николаевич, — протянул руку сыщик. — А вас звать Николай Александрович, правильно помню?

— Правильно.

— Я здесь из-за письма некоего Афонасопуло. Начальство должно было вам пояснить.

— В общих чертах пояснило.

— Мне помогает Спиридон Федорович.

Красовский молча кивнул.

— Скажите, Николай Александрович, могу я в случае необходимости обращаться к вам за справкой или советом? Не афишируя нашего общения.

Надзиратель не спешил с ответом. Он разглядывал питерца так, словно делал ему оценку. Пытался понять, куда клонит приезжий и можно ли ему доверять. Лыков ждал. Опытный человек по каким-то ему одному понятным приметам судит о людях. Как решит, так и пойдет у них дело. Или не пойдет.

— А в чем могут заключаться мои советы? — заговорил наконец Красовский. — В знании города и его преступной среды? Но это же знает и Асланов.

— Да. Но я хочу выслушать разные точки зрения, а не одну. Вот к примеру, все убеждают меня, что никакого домостроительного кризиса в Киеве сейчас нет. А мне кажется, что он есть.

Тут в комнату зашел городской и стал прислушиваться к разговору. Красовский сразу изменился, принял подобострастный вид и отчеканил:

— Всегда готов к услугам вашему высокоблагородию.

Но при этом усмехнулся одними глазами и покосился на вошедшего.

— Благодарю, — ответил Лыков и вернулся в приемную. Сыщик понял, что они с Красовским договорились.

В приемной кстати обнаружился Асланов.

— Ба, Алексей Николаевич! А я за вами в гостиницу послал. Вы почему съехали с явки? Не понравилось?

— Да, шумно там и все на виду. Неудачное вы место выбрали для конспиративной квартиры.

— Зачем же вам деньги тратить?

— Приказ о моей командировке подписан министром. Значит, мне полагаются двойные прогоны. Да за одну только разницу между ними и настоящей ценой билетов я могу жить у Гладынюка до Рождества.

Тут надворный советник заметил, что Асланов очень возбужден. Щеки

горят, мощные плечи ходят ходуном.

— Где вас так завели, Спиридон Федорович?

Вдруг вбежал пристав и подхватил разговор:

— Это он у нас опять отличился. Задержал в одиночку троих воров!

— Расскажите подробности.

— У нас две недели крали проволоку со столбов городской железной дороги. Каждую ночь саженей по двадцать-тридцать резали и уносили. И никак поймать их не могли. Спиридону это надоело, и он отправился в засаду...

— А почему один-то? — перебил Лыков.

— Так незаметнее, — пояснил надзиратель. — Толпу они бы увидели. Сигнальщиков выставили, следили, нет ли чужих. Я из подворотни наблюдал.

— Это на Бибиковском бульваре было, — продолжил рассказ Желязовский. — Еще на Кадетском шоссе хищничали, они же. Ну, Спиридон их и накрыл с поличным.

— Прямо там, на бульваре?

— Нет, — осклабился надзиратель. — На бульваре их бы любой дурак задержал. А надо же выяснить, кто покупатель. Я проследил за ними до самой Нижней Соломенки. Вижу, они проволоку срезали и туда тащат, волоком. Иду следом, глаз не мозолю. В Кадетской роще чуть их не потерял. Но дошли. Я уж на полпути понял, куда они меня ведут.

— Куда?

— Есть там такой Иона Лещ, держит железную лавку. А сам пассажир^[15], давно у нас на подозрении. Точно! К нему и пришли.

— И что же вы один в этот притон полезли? Почему подмогу не вызвали?

— Да уж очень все сошлось. Тут и воры, и проволока, и покупатель налицо. Пока я подмогу искал, они бы разбежались. Ну и ввалился.

— Неужели сдались без боя?

— Куда там, — махнул рукой Асланов. — За ножи схватились. Пришлось их в тесто замесить.

— В одиночку троих? — поразился надворный советник.

— Лещ сразу под стол залез, он не боец. А двое, что проволоку резали, сдаться не пожелали. Вот, взгляните.

И надзиратель показал борт сюртука. Он был распорот ножом, наружу торчала подкладка.

— Руку я ему сломал, чтобы больше на полицию не бросался. А второму челюсть своротил.

— Уж не в первый раз Спиридон отличается, — вставил Северин Янович. — Я вошел к полицмейстеру с ходатайством о награде. Лучший в отделении.

— Нет слов, — уважительно сказал питерец. — Видно сокола по полету. А про мое дело не забыли, Спиридон Федорович? Или вам не до него было?

— Насчет Афонасопуло? Нет, не забыл. Я его товарища нашел, который за коммиссионные клиентов приводил.

— Клиентов?

— Да, тех, кто хотел банк обмишурить.

— Вот это любопытно, — обрадовался сыщик. — Кто он? Как мне с ним побеседовать?

— Сейчас. Уф! Извините, Алексей Николаевич, никак не отойду. Давно на меня с ножами не кидались...

Асланов поежился, по его сильному телу словно прошла судорога. А потом он привычно ухмыльнулся:

— Фамилия у коммиссионера смешная — Финкель-Князин-Победоносцев.

— Что, тройная?

— Ага.

— Встречал я раз человека с тройной фамилией, но то был Голенищев-Кутузов-Толстой. А тут какой-то Финкель. Не жирно ему? Кто он?

— Надзиратель в Первом реальном училище, это на Трехсвятительской. Еще он... как уж там? Ктитор. И учитель пения.

— То есть мелкая сошка?

— Мельче некуда.

— Поедем к нему.

— Зачем? Он сам сюда придет к четырем часам, как уроки закончатся.

— Очень хорошо. Мне еще с одним человеком надо поговорить.

— С Гершко Кутиком? — снова ухмыльнулся надзиратель. — А этого я вызвал на пять.

— Да вы опасный человек, Спиридон Федорович. Мысли читаете.

— Сыщик сыщика завсегда поймет. Еще, помните, вы мне поручали агентуру пошевелить?

— Помню. Что, есть новости?

— Кое-что удалось выяснить. Давайте ближе к ночи съездим в один притон — там мой человек за порядком смотрит. Он с никольскими бандами хорошо знаком, должен просветить.

Лыков приступил к допросам свидетелей. Сперва он поговорил с

обладателем тройной фамилии. Маленький напыщенный человек начал с истории своего рода. По его словам выходило, что Финкель-Князин-Победоносцевы чуть ли не родня австрийскому императору. Питерец недолго слушал эти сказки. Он перебил ктитора и велел рассказать про Афонасопуло.

— А чего говорить-то? Ну, игрок он и есть игрок. Карты любил, а еще ипподром.

— Ипподром?

— Да, в Печерске на Эспланадной площади. В главной беседке принимаются взаимные заклады^[16]. Десять рублей билет.

— И как играл ваш приятель? Везло ему или наоборот?

— В последний-то раз повезло, — сообщил ктитор. — Перед тем как ему пропасть, Платон Иванович три тыщи сорвал.

— И что же, он с этим выигрышем в Никольскую слободу поплыл, в «Венецию»?

— Этого я достоверно не знаю. Мог в «Венецию», в картишки пробросить. А мог и снова на ипподром. Он, когда ему везло, упорный делался. Играл до потери сознания, да.

Лыков покосился на Асланова. Тот незаметно кивнул ему: понятно, выясним. Новость была важной. Если оценщик шлялся по значным местам при деньгах, его могли приткнуть не в Никольской слободе, а в самом Киеве. Тогда это уже другой расклад.

— Вы на скачках вместе бывали? — продолжил допрос надворный советник.

— Когда как.

— Что там делал Афонасопуло? С кем общался, имел ли знакомства среди жокеев? Куда потом шел?

— Если проигрывал, то сразу домой, на Лабораторную. А если удача ему, то к женщине.

— К женщине? — хором спросили сыщики. — К какой?

— Не знаю, — открестился Победоносцев. — Дважды только такое и случалось. Мы вместе спускались на Бессарабку по «собачьей тропе». А внизу расходились. Я шел налево, к себе на Жандармскую. А Платон Иванович сворачивал в Рогнединскую. Где-то там его пассия живет. Он говорил — вдова.

— Что за собачья тропа? — спросил Лыков у надзирателя.

— Короткая дорога из Печерска вниз, на площадь Богдана Хмельницкого, именуемую Бессарабкой.

— А почему так называется?

— Да она неустроенная. И опасная, между прочим. Карманы проверят только так.

— Мы потому и ходили вдвоем, — вставил Победоносцев. — Один-то я туда не суюсь.

— Хорошо. Теперь расскажите, что за гешефт у вас был с Афонасопуло? Вы ему клиентов поставляли?

— Ну, иногда...

— Что за люди?

— Да застройщики. Домик надо улучшить, или ссуду в банке перехватить. Под залог имущества дают охотнее. Вот они и просили Платона Ивановича расценить как следует.

— И он не отказывал?

Ктитор посмотрел на питерца с недоумением:

— Кто же в таком деле откажет? Оценщиков много, к другому уйдут.

— Но, говорят, при управе есть присяжные ценовщики, которые и оценивают имущество для налогообложения...

— Есть, и что?

— Зачем тогда нанимать кого-то еще? — уточнил питерец. — Взять их цифру и ее предъявить в банк.

— Ах, вы вон в каком смысле? — осклабился Победоносцев. — Так я вам поясню. Присяжные ценовщики — большие жулики и за малую мзду сведут стоимость вашего жилья почти что к нулю. По вашей просьбе. Так обычно в Киеве и поступают к пятнадцатому апреля. А для залога в банке нужны другие цифры, будто бы у вас дворец. Ну, здесь и приглашаются подходящие люди...

— И какой банк вы с Платоном Ивановичем надували?

— Да разные. Изволите ли знать, все служащие в этих банках между собой знакомы и в таких делах друг дружке помогают. За куртаж.

Родственник австрийского императора ушел, а пришел Кутик. Этот оказался рыжим и развязным. Он не добавил ничего нового. Домовладелец признал расписку и вынул из кармана свой экземпляр. Рыжий подтвердил, что указанная в них сумма — двести рублей — является взяткой. Афонасопуло «решал вопросы» в нескольких банках, а Кутику требовалась ссуда. Гершко Абрамович скулил, что вот, деньги отданы, а теперь и спросить не с кого. Смерть оценщика ничего для него не значила: это было просто неудачное коммерческое вложение...

В десятом часу вечера Лыков с Аслановым в закрытой пролетке отправились на Подол. По дороге питерец попробовал разговорить местного сыщика:

— Сильно у вас тут шалят?

— В большом городе всегда шалят. А Киев немаленький. Опять же, много пришедших людей. Среди них, конечно, не только злочинцы. Но сброд, всякая сволочь норовит почему-то остаться здесь.

— Где всего опаснее?

— В Никольской слободе. Там грантовщик на грантовщике сидит и барыгой погоняет.

— А Бессарабка спокойнее?

Надзиратель ухмыльнулся в своей манере:

— Бесписьменных^[17] мы, верно, там больше, чем в других местах, забираем. Подкальвателей шайки две-три...

— Подкальвателей? Это что за птицы?

— Ну, которые с ножами ходят и норовят ими ткнуть кого попало.

— Понял. В Риге их называют ножевики. Но это мелкая шпанка, они благородных стараются не задевать.

— Я их потому и в расчет не беру, — пояснил татарин. — Убить такого человека, как Афонасопуло, — тут серьезные ребята нужны.

— И где их искать?

— Серьезные в городе предпочитают не жить. Разве что в Кукушкиной даче, когда тепло.

— Что за дача?

— Ну это лишь называется так. Местность под садами, ближе к Днепру.

— Спиридон Федорович, под какими садами?

— Под Городским и Мариинским. Вы в парке на обрыве были, видами любовались?

— Конечно. Там всегда полно гуляк.

— Вот. Вниз-то и не смотрели, да? А там эти... как уж? террасы называются?

— Уступы? Да, террасы.

— О них и речь. Их пять или шесть на разной высоте. Большие! Пока сам туда не спустишься, и не поймешь, сколько там места. Но лучше не спускаться.

— Настолько опасно?

— У-у! Сам я был там лишь два раза, с облавой. Один-то раз мы их гоняли, а второй — они нас. Еле ноги унесли.

— Даже так? — поразился надворный советник.

— Их человек сто оказалось. С ножами и дубинами. Костры жгли и кашу варили. Землянки там у них, бабы с детьми — деревня, да и только.

Разбойничья деревня. Притон. В центре Киева!

— Вас прогнали, и вы не вернулись?

— Голова дороже. К тому же смысла особого нету. Ну возьмем мы войско и спустимся опять на те уступы. А грантовщики сядут в лодки и уплывут, только их и видели. Лодки у них всегда наготове.

— Значит, если нашего оценщика приткнули они, то искать убийц бесполезно?

— А как? — удивился надзиратель. — Агентуры у нас там нет. Она в Кукушкиной даче и невозможна. Даже если при Афонасопуло были часы или порт-папирос, то и это ничего не даст. Мы не знаем ни номера часов, ни примет папиросника. Положим, поймали подозрительный заклад в ломбарде. И каким образом мы докажем, что вещи с убитого?

— Но с бандитами Никольской слободы проще? Там у вас есть внутреннее осведомление?

— В самой-то слободе тоже нет. Но они плавают в город, здесь гуляют, сбрасывают краденое, девок берут. Вот в среде, которая их, так сказать, обслуживает, у нас есть осведы. На них наша надежда.

— Давайте пройдемся по всем версиям. Бессарабку мы отмечаем потому, что тамошние парни мелко плавают для убийства. Кукушкину дачу — потому, что туда нет ходу. Правильно?

— Так точно.

— Никольская у нас первая на подозрении, и сейчас мы едем выяснять насчет ее шаек. А где еще в Киеве прячутся лихие люди?

— Да полно таких мест, Алексей Николаич. Все окраины кишат сволочью. В той же Кадетской роще беглые прячутся. Даже на арестантских огородах позади тюремного замка. В Протасовом яру притон на притоне. В Кирилловке то же самое. А уж дальний край Брест-Литовского шоссе...

— И там есть люди, промышляющие убийствами?

— Да. Не всякий их обитатель, конечно. Но имеется пара серьезных хороводов^[18]. У Филиппа Гута банда в дюжину человек, у Данилы Криворука не меньше. А самый опасный — Ефим Корба. Этот работает с двумя братьями, чужих не берет.

— Корба мог приткнуть нашего оценщика?

— Маловероятно. Но чего в жизни не бывает?

— Расскажите о нем подробнее.

— Да мы и не знаем никаких подробностей. Трое, все отчаянные. Агентура их боится и молчит. Ефим масалка...

— Масалка? Это что значит?

— Масалка на киевском уголовном аргю означает военный, солдат. Ефим дезертир, сбежал из сто тридцать второго Бендерского полка. После того, как проломил голову взводному унтер-офицеру. Другие два брата-акробата тоже хороши: ограбили купца в Святошине, попались, сбежали из-под стражи и уже два года как в розыске.

— Живут в Киеве, и вы их не можете поймать?

Асланов нахмурился:

— Не можем.

— Но почему? Три головореза, приметы известны... Они же где-то ночуют, пьют-едят, сбывают добычу. Мать-отца навещают.

— В сам город банда Корбы не суется. По ночам разве. Матери с отцом у них нет давно. Бабы есть, подменные, за них не ухватишься: сегодня с одной, завтра с другой. Поступили сведения, что Ефиму принадлежит публичный дом за Глубочицей, сейчас мы их проверяем. Но вообще они серьезные ребята, на каторгу не хотят. Эх, намучаемся мы еще с ними... Северьяныч говорил про девять убитых, так это было в прошлом. А нынче все хуже. Только май, а уже пятеро жмуриков. Что будет к декабрю? Касьянов год, будь он неладен...

Лыков не в первый раз слышал жалобы на то, что год неудачный. В народе не любят високосные годы и считают их дурными. Вот и крымский татарин туда же, в русское суеверие. Касьян Немилостивый, Касьян Завистник, Касьян Кривой. Чем не угодил православным святой Кассиан Римлянин?

За разговорами они приехали. Трактир «Веники» стоял на углу Межигорской и Еленовской. Задворки Подола, дальше гавань с пакгаузами и бесчисленные заводы. Тихое место, как раз для притона.

Фурман был, видимо, знакомый Асланова. Он высадил седоков за углом и быстро отъехал. Надзиратель уверенно повел столичного гостя в боковую калитку. Через минуту они уже входили в комнату без окон. Посреди красовался стол, застланный чистой скатертью и уставленный закусками. Над ними возвышалась бутылка рябиновой. У стенки тихо шипел самовар: сыщиков ждали.

Приборов было три. Спиридон Федорович по-хозяйски налил себе водки, покосился на Лыкова. Тот отрицательно мотнул головой: пока не хочу. Тут же дверь распахнулась, и вошел мужчина. Круглолицый, с торчащими усами, он удивительным образом напоминал моржа. Взгляд умный, оценивающий.

— Доброго дня, гості довгоочікувані! Ласкаво просимо!

Надзиратель представил его начальству:

— Аким Харитонович Дудка, владелец «Веников». И дружественный закону человек, скажем так. А это чиновник особых поручений Департамента полиции надворный советник Лыков.

— Алексей Николаевич, — назвался сыщик и протянул трактирщику руку.

— Дуже приємно. У вас, мабуть, справа важлива? Якщо з Петербургу приїхали.

Асланов повелительным жестом усадил всех за стол. Придвинулся к хозяину и начал рассказывать. Он говорил не спеша, четко выговаривая слова, так, чтобы собеседник лучше запомнил:

— Был такой Афонасопуло, Платон Иванович. Служил оценщиком в Киевском частном коммерческом банке. Из благородных.

Дудка про себя повторил фамилию и кивнул — валяй дальше.

— Недавно его труп нашли застрявшим в пароходном колесе. А до этого несчастья успел господин Афонасопуло накатать кучу писем. Сначала полицмейстеру да губернатору; те молчок. Тогда он написал министру финансов Витте.

— Про що листи?

— Будто бы Меринг — знаешь такого? — крадет деньги из своего банка. И вкладывает в строительство. Оценщика заставляет завышать цену заклада, чтобы больше своровать. А стройка будто бы неудачная, кредиты не вернутся, все это мошенничество.

Трактирщик снова кивнул. Надзиратель продолжил:

— Меринг женат на дочери Витте. Не родной, приемной, но это тоже сильно. И министр послал сюда господина Лыкова разведать: правда ли здесь аферизм? Тот приехал, а писателя нашего в колесе нашли. Подозрительно.

— Ага. Що потрібно від мене?

— Я подумал на никольских. Афонасопуло был игрок, часто плавал на тот берег, дулся в карты в «Венеции»...

Дудка опять покачал головой, на этот раз осуждающе.

— ...И подозреваю я в нападении Созонта Безшкурного.

— Чому його?

— Самый сильный. Простому подкальвателю мокрый грант^[19] не по чину. А тут сложили благородного, и концы в воду. Смело.

— Так, схоже на Созонта. Все?

— Нет. Сегодня появилась еще одна ниточка. Оказывается, игрок не только зеленое поле любил, но и скаковое. Недавно сорвал куш, три тысячи.

— Великі гроші.

— О чем и речь. Жил он на Лабораторной, баба у него где-то на Рогнединской.

— Могли кукушкінські...

— Теперь все.

Дудка разлил водку по рюмкам (Лыков не стал возражать), поднял свою и сказал:

— Будьмо.

Все чокнулись и принялись закусывать. Алексей Николаевич отведал горячей ветчины — вкусно. Хозяин выставил все самое лучшее.

— Отже, я маю рознюхати дві речі: нікольських і хто міг приткнути благородного на горі. Так?

— Да, — впервые заговорил питерец. — Безшкурный к вам заходит?

— Дуже рідко. Обережний, намагається на правий берег не з'являтися...

— И как же вы разнюхаете?

«Морж» отставил рюмку и хитро сощурился:

— Не вперше. Созонт — птах важний. Але є маленькі пташки, прилітають і співають, дурненькі. Ось вони нам і потрібні.

— То есть? — спросил Лыков, хотя уже догадался, что имел в виду хозяин трактира.

— Сюда ходят грантовщики з лівого берега. Не бояться, знають, що поліція куплена. Так вони думають, дурні. Отже, у Нікольской слободі чотири або п'ять зграй, може, і більше. Від Созонта люди нічого не скажуть. Про свої справи всяк промовчить. А ось про інших говорять охоче. У мене тут зразок клубу. Збираються чолові'яги і пересуджують. Усі новини сюди течуть. Якщо Безшкурний узяв великий дуван, про це стане відомо. Хлопці одне одному бовкне, а я й на вус намотаю.

Тут Асланов счел нужным перевести:

— Сюда ходят грантовщики с того берега. Не боятся, знают, что здесь полиция куплена. Так они думают, дураки. Вот. В Никольской слободе четыре или пять шаек, может, и больше. От Созонта люди ничего не скажут. О своих делах всякий промолчит. А вот об чужих говорят охотно. У него здесь навроде клуба. Сходятся людишки и судачат. Все новости сюда поступают. Ежели Безшкурный взял хороший дуван, об том станет известно. Люди друг дружке сболтнут, а он подслушает.

— Понятно.

На этом служебные разговоры закончились. Гости стали собираться. Надворный советник полез за бумажником, но Дудка с Аслановым лишь

посмеялись.

Сыщики вышли на улицу через ту же заднюю калитку. Было уже совсем темно, вокруг ни одного фонаря. Надзиратель тихо свистнул. Подъехала пролетка, взяла седоков и тут же рванула. Спиридон Федорович, не дожидаясь расспросов, сам принялся рассказывать:

— Полезный человек, башка. В молодости был басаманщиком^[20], потому для уголовных свой. Я взял его на скупке краденого. Пустяк дело: отобрали бы патент на торговлю спиртным, и штраф в придачу. Но Аким Харитоныч — мужик жадный, до денег охочий. Как это ему горилкой не торговать? Дохода не будет. И он согласился стать осведомителем.

— Сколько вы ему платите?

— Нисколько. Даже еще угощаюсь на его счет, как сегодня.

— И проходит?

— Так точно. Акиму не деньги нужны, а защита. И не от уголовных, а от пристава с околоточным, ха-ха-ха!

Смех у надзирателя был неприятный — так, наверное, веселятся волки в лесу. Но дело свое сыщик безусловно знал. Лыков все больше поражался: выдающийся специалист, давно он таких не видел.

— Доили они его?

— Да, у нас в Киеве без этого не обходится. Жалование в полиции сами слышали какое. Того же несчастного околоточного можно понять. Знаете, сколько у него бумаг в год проходит?

— Догадываюсь, — лаконично ответил питерец.

— Вы догадываетесь, а мы с полицмейстером подсчитали, когда готовили новые штаты для Госсовета. Восемь тысяч!

— Не может быть...

— Точно вам говорю. В среднем околоточный пропускает через себя в течение года восемь тысяч документов. По двадцать штук в день, считая выходные и неприсутственные дни. Запросы, отношения, жалобы, протоколы... Это же канцелярию надо иметь. А он один как перст.

— И как же справляются надзиратели?

— Заводят при себе письмоводителя. Иначе нельзя. Выгонят со службы.

— Но как оформить такого помощника? Должности же нет в штате.

— Никак не оформить. Надзиратели доплачивают из своего кармана.

— При жаловании в тридцать рублей? Еще и содержат письмоводителя?

— Ну, там не тридцать, с наградными выходит пятьдесят... Платят ему столько же, сколько получают сами. Откуда берутся средства, вы

понимаете...

Лыков помолчал, обдумывая услышанное. Полицейский чин нанимает канцеляриста и содержит его на свой счет. Единственное, что ему остается, — это взять разницу с обывателя.

— А если без письмоводителя, тогда амба, — продолжил рассказ Асланов. — Начальство у нас такое: сдохни, но чтобы канцелярия была в порядке. Можешь жуликов вовсе не ловить, только на запросы вовремя отвечай. Вот наш брат околоточный и выкручивается. Владельцев лавок и трактирных заведений облагает данью. От таких поборов я и освободил Дудку. Уголовные решили, что тот ловкач и купил весь участок. Ходят к нему без опаски. Карты, домино, бабы — все он им поставляет...

Лыков сменил тему:

— Безшкурный — это кличка?

— Никак нет, фамилия. Владелец ее «иван», единственный в Дарнице. Другие мазы пожиже будут. Вот я и рассудил, что приткнуть благородного сподручнее всего именно ему. Но агентуры в Никольской слободе у меня нет. Да и ни у кого нет. Там народ дикий, узнают про такое — живьем зажарят. Поэтому мои надежды только на Акима. Ежели он не справится, догадка останется лишь догадкой...

— А если Афонасопуло приткнули другие грантовщики? С Кукушкиной дачи или с Демиевки?

— У меня на связи человек тридцать, — вполголоса стал рассказывать Асланов. — И в Демиевке есть барыга, и в Шулявке с Лукьяновкой. Содержательницы публичных домов, их коты, половые в уголовных трактирах. А еще воры.

— И воры?

— Куда ж без них? Иначе будешь слеп и глух, а я люблю знать все. Так что, Алексей Николаевич, подождем. Я удочки повсюду забросил, которая да клюнет.

— Кстати, Спиридон Федорович, надо бы отыскать ту вдову на Рогнединской улице. Помните?

— Я, ваше высокоблагородие, ничего не забываю. Рогнединская короткая, всего шесть домов. Найдем.

Пролетка между тем поднялась в гору, и лошади теперь трусили по Крещатику. Вот-вот погасят фонари, на улицы выйдут шлюхи и налетчики.

— Вас в номера?

— Нет, высадите возле хорошего кафе, хочу прогуляться. Последний на сегодня вопрос, Спиридон Федорович. Утром я познакомился со вторым надзирателем сыскного отделения, Красовским. Какого вы о нем мнения?

— Умный, наблюдательный, знает город. Единственно, не умеет ладить с людьми.

— В каком смысле?

— А вот в каком. Взял бы он Дудку на скупке краденого и лишил бы патента. В исправительное отделение бы засадил. По закону, вроде так и положено. А я Акимку оставил на свободе — и получил первосортного осведа.

— Ясно.

— Боюсь, не все вам ясно, Алексей Николаевич. Помните, я рассказывал про то, как околоточные себе письмоводителей заводят? Так вот, и у меня он есть. Плачу ему из своего кармана. А откуда беру на это деньги, вы лучше меня не спрашивайте.

— Я и не спрашиваю.

— Вот и не спрашивайте! Зато у меня раскрываемость всех выше в отделении, и жулики боятся Асланова как огня. А Красовского нет. Северьяныч с Цихоцким довольны, сам губернатор меня знает...

Надворный советник простился с надзирателем на углу Анненковской. Выпил кофе, прогулялся по Крещатику и свернул на Фундуклевскую. Ему было над чем подумать. Старая проблема: как работать с агентурой. Каждый решает ее по-своему. Опасность заиграться велика здесь, как нигде. Заиграться и стать заложником собственных осведом. А наиболее лихие сами делают уголовными, не снимая при этом полицейский мундир. Такие случаи бывали. Степень близости между осведомителем и сыщиком известна лишь им двоим. Даже в платежной расписке стоит не фамилия, а кличка. У трактирщика Акима Дудки, наверное, кличка Морж...

Глава 5. О кризисах, онкольных кредитах и прочей ерунде

Лыков вернулся в номера в час ночи. Оказалось, что у конторщика его ждет записка. Он распечатал ее и прочитал: «Добрый вечер. На всякий случай жду в буфете “Сан-Ремо”. Ваш Н.А.К.» Красовский!

— Где находится «Сан-Ремо»?

— На Думской площади. Это, вашество, гостиница. Через угол от «России».

— Буфет в ней еще открыт?

— До двух часов ночи угощают. Так у нас откушайте, у нас вкуснее!

Лыков поторопился на встречу. Сыщик мог не дождаться. Вот досада! Знал бы питерец о записке, не шлялся бы по улицам, а уже сидел бы в «Сан-Ремо».

Он успел. Красовский расплачивался, собираясь уходить.

— Поздно заканчиваете свое дознание, — усмехнулся он, снова садясь за стол.

— Простите, Николай Александрович, не знал. Четверть часа как простился с Аслановым и гулял еще по улице.

— Ну, успели и славно. Мне показалось, Алексей Николаевич, что у вас есть ко мне вопросы. Так?

— Так.

Питерец и киевлянин взяли по пиву и придвинули стулья.

— Значит, Асланов помогает вам вести дело? — вполголоса спросил надзиратель.

— Помогает, и весьма активно. Какого вы о нем мнения?

— Вы желаете откровенного ответа?

— Другой ответ не имеет для меня ценности, — парировал Лыков.

Красовский задумался. Молчал он почти целую минуту, потом решился:

— Нельзя верить ни одному слову этого человека.

— Даже так?

— Именно так.

— Мне показалось, — осторожно начал Алексей Николаевич, — что Асланов — профессионалист высшего класса. Как сыщик, он на своем месте.

— Спиридон знает преступный мир, это верно. И раскрываемость у него самая высокая в отделении. Вот только раскрываемость та очень избирательна.

— Арестовывает, кого хочет?

— Да. Есть воровские хороводы, которые годами громят квартиры. И хоть бы хны. А их учетные карточки в картотеке отделения пусты. Еще Спиридон мухлюет с наблюдательными листками. Знаете такие?

— Для тех, кому воспрещено занимать определенные должности?

— Да. Лицам, известным полиции как преступники или люди с низкой нравственностью, нельзя служить посыльными, швейцарами, дворниками и сторожами. Мы ведем их учет. А Спиридон лазает в те списки и подправляет их за мзду. Потом, мне доподлинно известен случай, когда Асланов зарегистрировал взятого рецидивиста под чужой фамилией.

— Это уже перебор! — возмутился Лыков. — А что пристав?

— Северьяныч? У него у самого рыло в пуху. Еще вопрос, кто кому указания дает: Желязовский Асланову или наоборот. Киевская полиция, наверное, самая продажная во всей империи. Здесь как нигде принято трелить.

— Трелить?

— Ну, вымогать сыщикам деньги у преступников.

— У нас в Петербурге это называется «лапки».

— В столице тоже, выходит, берут? — усмехнулся Красовский.

— Увы, Николай Александрович. Сейчас стали меньше. А десять лет назад при Виноградове творилось черт знает что.

— Ну теперь, стало быть, наш Киев — чемпион по взяткам.

— Скажите, а у вас есть заштатный письмоводитель? Асланов сейчас рассказывал, что таковые имеются у каждого околоточного надзирателя.

— У меня нет. Мне ему платить не из чего. Жалование знаете какое?

— Пятьдесят рублей?

— С наградными. Еще когда кражу раскроешь, благодарный обыватель может премию вручить — с согласия начальства. А может и не вручить.

— Но как же вы пропускаете через себя восемь тысяч бумаг в год?

— По ночам сижу. Иногда до утра.

— Но взятки не берете?

— Нет, не беру. Что, не верите?

— Почему? Верю. Но трудно, наверное, так служить? Когда все берут, а вы нет. Они же вас бояться начинают. А раз бояться, то мечтают сплавить.

Красовский вздохнул:

— Я не один такой. Еще есть человека три-четыре.

— А сколько в Киеве околоточных надзирателей?

— По штату восемьдесят два человека.

Сыщики помолчали, попивая пиво. Потом Красовский сказал:

— Несколько лет назад застрелился околоточный Пеньковский из Лыбедского участка. Оставил после себя записку: «Бесчестно жить не позволяет совесть, а честно жить не хватает средств». А Мастицкий? Это бывший начальник сыскного отделения. До полицмейстера дослужился. А как вышел в отставку, бедствовал. Пенсия нищенская, взятки же Леонид Порфирьевич тоже не брал. Хорошо, о нем вспомнил князь Дондуков-Корсаков. Он был у нас генерал-губернатором, а потом поднялся в кавказские наместники. Там же дикие горцы кругом, вот князю и понадобился надежный человек с опытом. Он позвал Мастицкого кутаисским исправником, а уже через год поручил ему Тифлис. Пришлось старику служить чуть не до самой кончины, чтобы с голоду не помереть. А у нас? Полицмейстер Цихоцкий двух лет в Киеве не прослужил и уже купил себе имение в Полтавской губернии за сто тысяч. Откуда у него такие деньги? При жаловании три тысячи в год плюс восемьсот рублей на разъезды...

— Вы сказали, что ни одному слову Спиридона Асланова нельзя верить. Как мне его испытать? Например, сегодня он рассказал мне об «иване» из Никольской слободы, Созонте Безшкурном. Именно его надзиратель подозревает в нападении на оценщика Афонасопуло. А вы что знаете о нем?

— Безшкурный — известная личность, хотя у нас даже нет его точного портретного описания. Боятся сообщать. Вообще, Никольская слобода — вещь в себе. Если приплывете на пароходе, то пригород как пригород. Поденщики, мастеровые, отставные солдаты. Грязно и убого. Мосты на столбах, дома на столбах, поскольку в половодье все это затапливает. Собак много... Из Киева туда приезжают повеселиться в Петровский парк. Самое неустроенное место во всем городе. Хотя формально это и не город, а Броварская волость Остёрского уезда Черниговской губернии.

— Вы мне про Безшкурного лучше, а не про парк.

— А это связанные вещи. Притон «ивана» где-то в Пожарищах, есть такой уголок в слободке. Чужих там за версту видать. Сама шайка обитает, по слухам, в Русановских садах, это еще дальше. Толком никто ничего не знает. Городская полиция не имеет права входить, а уездная малочисленна и разбросана по всей Дарнице. Летний ресторан Петровского парка принадлежит Безшкурному, это единственное, что достоверно известно.

— Вот даже как! — поразился Лыков. — Оказывается, покойный

Афонасопуло ездил играть прямо в вотчину к «ивану». Еще бы тот его не заметил... Значит, Спиридон Федорович на правильном пути.

— Если ему по своим соображениям выгодно услужить вам, то можете быть уверены.

— В чем?

— В том, что Спиридон возьмет убийц. Он смел до... Даже не знаю, как сказать. Решительный, не отнимешь.

— А если ему выгодно задурить мне голову? — спросил надворный советник.

— Тогда вам придется трудно. Ловко все увяжет и поднесет на блюдечке. Так, что не подкопаешься.

— Может быть, вы поможете мне отличить правду от лжи? — поставил вопрос ребром Лыков.

— Это будет для меня опасно, — задумчиво ответил надзиратель. — Асланов крутит приставом Желязовским. Можно сказать, что они сообщники в деле вытягивания денег из обывателей. И даже полицмейстер у них в руках. Не имея официального приказа помогать вам, я рискую местом.

— Тогда помогите неофициально.

— Алексей Николаевич, а зачем мне это? Вы не представляете, насколько все сгнило в киевской полиции.

— Я веду дознание по личному приказу министра внутренних дел. Полномочий больше, чем у губернатора.

— Да пусть хоть сам государь вас послал, ничего вы здесь не добьетесь. Жалует царь, да не жалует псарь. Если Асланову не понравится что в вашем дознании, он натравит на вас уголовных.

— Ну это уж вы перегнули палку, — возмутился питерец. — Я чиновник особых поручений Департамента полиции, кто меня пальцем тронет? Вон, Рига еще хлеще Киева. И что? Ходил я там по самым страшным притонам. Мазы шапки снимали... Спиридон Асланов всего-навсего околоточный надзиратель, а не демон зла.

Сыщики едва не поругались, но взяли еще по кружке пива и успокоились. Красовский лишь сказал сдержанно:

— Я вас предупредил.

— Хорошо, Николай Александрович, я учту. А пока вот что. Мне нужно поговорить с экономистом или финансистом. Ученым. Хочу разобраться в кризисах.

— В кризисах? А зачем?

— Сдается мне, что сигнал Афонасопуло был с ними связан. Он писал,

будто бы сейчас в Киеве домостроительный кризис. И тогда дела Меринга со Шлейфером плохи. А они меня уверяют, что у них все отлично.

— Но вы же не думаете, что смерть Афонасопуло как-то связана с ними?

— А почему нет, Николай Александрович? Человек заметил неладное, стал писать во все инстанции. А когда я приехал по его сигналу, то обнаружил лишь труп в колесе парохода.

— Да, но где Меринг, а где Созонт Безшкурный.

— Почему вы решили, что Афонасопуло погубил именно Созонт? Вдруг это ошибочная версия? Или того хуже, проделка Асланова?

— У Спиридона нет интересов в строительстве, для этого он мелко плавает. Его дело — обирать трактирщиков и евреев, и то тех в последнее время забрал себе Цихоцкий.

— В каком смысле?

— Полицмейстер взял в свое полное единоличное ведение вопрос прописки евреев в Киеве, — пояснил надзиратель. — А это золотое дно. Вы знаете, например, что иудеям нельзя селиться на левой стороне Крещатика? На правой можно, а на левой нельзя.

— Что за глупость?

— Так заведено в Киеве.

— Но почему, черт возьми? Одна и та же улица!

— Правая сторона относится к Старокиевскому полицейскому участку. А левая — к Дворцовому. Там Мариинский дворец, Липки, там знать и вся верхушка края. Вот евреев и не прописывают. Но за взятку полицмейстеру, так и быть, пропишут. Отсюда и имение за сто тысяч. Цихоцкий не брезгует и мелкими суммами. Сейчас против него ведут ревизию — зарвался человек. Так вот, установлено, что полицмейстер прикарманивает даже те ничтожные штрафы, которые он накладывает на жалование городских.

— Деньги от дисциплинарных взысканий?

— Да, за мелкие провинности. Где рубль вычтет, где два. И вместо того чтоб сдать их в приход управления, тратит на себя.

— На себя? — удивился Лыков. — Это как?

— Чаще всего расходует на содержание квартиры. У него служебная квартира на углу Фундуклеевской и Владимирской. Само проживание бесплатное, но за электрическое освещение надо платить. И Вячеслав Иванович делает это из штрафных удержаний. Недавно вот шторы купил в кабинет из тех же денег. Полицейских в городе не хватает даже на все посты, штаты потому что неполные. А ему двое городских прислуживают:

один кучером, другой лакеем. Мало этого? Еще добавлю. Цихоцкий укрывает от учета нарушения санитарных и паспортных правил и не разрешает составлять протоколы о них. За мзду, разумеется. Вот такой в Киеве полицмейстер. Рыба с головы гниет...

— М-да... Некрасиво и мелко. И что ревизия? Выгонят полковника?

— Да кто его выгонит! Положат отчет на стол Трепову, а тот его под сукно. В России за подобное со службы не вышвыривают.

— Но вернемся к кризисам, — спохватился надворный советник. — Асланов дознает уголовную версию смерти оценщика, а я — финансовую. Не исключаю, кстати, что они потом пересекутся. И в рамках этой версии мне нужен консультант. Есть такой в городе?

— Есть, — не задумываясь, ответил Красовский. — Я в прошлом году раскрыл кражу у приват-доцента Сипайло. Вошли через подбор ключей и унесли все, что было... Адольф Леонардович сильно горевал, особенно за фамильные фотокарточки. Я быстро отыскал похищенное, и он, помнится, был тогда очень благодарен. Сошлитесь на меня, Сипайло даст полную консультацию.

— Так он кто?

— Доктор финансового права, служит в университете.

— Спасибо.

Пора было расходиться — половина второго ночи, официанты зевали во весь рот и красноречиво смотрели на часы.

— Николай Александрович, понимаю ваши опасения. Но могу я рассчитывать на посильную помощь с вашей стороны? Вот хотя бы как сейчас, с подсказкой про нужного человека?

— Такую всегда пожалуйста. Но лучше держать наше общение в секрете.

— Договорились. Последний вопрос позволите?

— Слушаю.

— Асланов упоминал про гайменника Ефима Корбу...

— Гайменник — это то же, что грантовщик?

— Да. Корба якобы неуловим, никак поймать не могут. Вместе с ним два брата. Правда все, что он рассказал?

— Правда. Ловкие ребята, самые злые во всем Киеве, вот их и боятся выдавать. Но есть там одна история.

— Ну-ну...

— Год назад дезертир Корба, старший из них, все же попался. Его обмерили по системе бертильонажа и сняли на карточку. Потом негодяй сбежал из Кирилловской психиатрической лечебницы, куда его поместили

наши добрые прокуроры. А вскоре и анкета из картотеки пропала.

Лыков не поверил своим ушам:

— Из картотеки сыскного отделения пропала анкета с приметами преступника?

— Да. И фотографии тоже.

— И... кто это мог сделать?

— Да кто угодно. Жалование у людей маленькое.

— Киевское сыскное хоть кого-то ловит?

— Разумеется, ловим, и часто, — обиделся за отделение надзиратель. — Подкальывателей, например, — с них взять нечего, таких сразу в тюрьму. Кулачников-хулиганов. Карманников опять же берем. Столѣвскую часть [\[21\]](#) уже с большим разбором: там есть полезные для Асланова люди.

— А убийц?

— Это самое страшное, таких начальство не допустит оставить на свободе. Ищем на совесть.

— Находите?

Красовский вздохнул:

— Эх, девятисотый... Только начался, а уже такое. Слышали про вчерашнее происшествие в Лавре?

— Нет.

— Один богомолец другого зарезал. Прямо в странноприимной гостинице.

— За что?

— Очередь за кипятком не поделили. Вот такие в Киеве богомольцы. Касьянов год, будь он неладен. Наплачемся мы с ним еще до декабря.

Приват-доцент Сипайло принял Лыкова настороженно:

— Что нужно от меня чиновнику особых поручений Департамента полиции? Я уж пятнадцать лет как отошел от сходов с прокламациями, поверьте. Честно тружусь, делаю ученую карьеру.

— Я, Адольф Леонардович, политическими делами не занимаюсь, только уголовными.

— Еще непонятнее. Извольте объясниться.

— Изволю. Я дознаю дело, связанное с махинациями в жилищном строительстве. Потребовался консультант. Вас мне порекомендовал господин Красовский.

— Николай Александрович? — доктор финансового права улыбнулся. — Вот же порядочный человек. Не думал, что такие есть в

нашей полиции. Ой! Извините.

— Да я уж привык, — махнул рукой сыщик, хотя ему стало неприятно. К такому нельзя привыкнуть. Российский обыватель ненавидит полицию или, как минимум, не уважает. Хотя при необходимости бежит под ее защиту.

— Итак, махинации в строительстве, — повторил Сипайло. — Честно говоря, я в этом не силен. Сам ничего не строил, средства не позволяют.

— Меня интересует домостроительный кризис, который сейчас будто бы наблюдается в Киеве. Одни его отрицают, другие подтверждают. Но я просил бы вас проконсультировать меня шире. Расскажите, пожалуйста, о кризисах вообще.

— О кризисах в экономике?

— Да, в русской экономике. Тогда мне понятнее станет про домостроительный, надеюсь.

— Это мой конек, — приват-доцент даже облизнулся от удовольствия. — Сколько у нас времени? А то ведь я могу до вечера петь.

— В полчаса уместитесь?

— Трудно, я бы хотел...

— Постарайтесь, будьте добры. Итак, есть сейчас в России экономический кризис?

— Еще какой! Самый сильный за всю пореформенную историю.

— Я сыщик, а не ученый. Судить могу по газетам да по ощущениям. Вроде бы в последнее время мы слышим от наших деловых людей, что русская промышленность на подъеме.

Сипайло снова облизнулся и затараторил:

— Да, за последние годы произошел мощный рывок. После десятилетней депрессии начала восьмидесятых. Помните? Европа изживает свои кризисы за два-три года. А мы растягиваем это сомнительное удовольствие надолго. Вот и тот застой кончился страшным голодом девяносто первого...

— Но сейчас-то подъем? — уточнил Лыков.

— Да нет же, подъем был и уже прошел. Но скакнули здорово. В Донбассе рост добычи угля в три раза, в Баку нефти — аж в двадцать раз. Южная металлургия совсем вытеснила уральскую. Железнодорожное строительство наконец-то ожило после многолетнего упадка. За последние пять лет ввели в строй пятнадцать тысяч верст новых путей. Тут, правда, рост искусственный. Витте постарался и влил в эту отрасль три с половиной миллиарда рублей, это если считать во всех формах. Я имею в виду выкуп убыточных дорог, казенное строительство и гарантии

правительства по частным дорогам.

— Да? Значит, Витте не только убивает армию, но еще и пользу приносит?

— От Витте большая польза стране, нам на него молиться надо, — отрезал приват-доцент.

— Ясно. Но давайте о кризисе.

— Давайте. Иностранные капиталы к нам пошли. Знаете, сколько их сейчас? Почти восемьсот миллионов. А в начале десятилетия было двести четырнадцать всего.

— Здорово. Но теперь этому конец?

— Увы, малина кончилась. Как водится, кризис зародился в Европе, два года назад. Начал расти учетный процент. Возник сперва денежный сбой, а потом и промышленный. Как следствие, ударило по нам.

— Почему?

— А потому, господин сыщик, что своих денег в России нет и никогда не было. Занимали чужие. Когда западной буржуазии самой стало не хватать средств, нам показали кукиш. Вы «Капитал» Маркса читали?

— Пытался, но ничего не понял, — честно ответил Алексей Николаевич.

Сипайло покровительственно улыбнулся:

— Кризисы есть неотделимое свойство капиталистической экономики. Знаете, обновление и все такое. Болезненно, зато полезно. А то наши акулы совсем обнаглели. Создавали акционерные общества с дутыми уставными капиталами, а живые деньги учредители забирали сами себе за хлопоты по созданию общества.

— Киевское домостроительное тоже из таких?

— Не знаю, я ведь теоретик. Но скорее всего да. О чем уж я?

— О дутых обществах, — напомнил Лыков.

— Да, точно. Смотрите, как это делалось. При создании нового общества банк гарантировал ему ссуду под залог его же акций. И стало быть, собственного основного капитала обществу не требовалось.

— Но ведь заложить акции можно лишь с согласия их владельцев, — возразил сыщик.

— Да, разумеется. Учредители научились ловко обманывать простых акционеров. Соберут всех и объявят, что деньги из уставного капитала уже потрачены на взятки чиновникам. Хотя сами же их и растащили. И теперь нужно заложить акции, иначе обществу не на что начать деятельность.

— Зачем же банк шел на поводу у мошенников? Там ни коня, ни воза, еще неизвестно, как дело пойдет. А им сразу мешок денег под заклад

бумажек?

— Банки на этом зарабатывают. Пока все идет хорошо. Вот, опять вы меня сбили! Итак, новое общество получило гарантии под свои акции и привлекло заемные средства под основной капитал. А потом выпустило векселя. И в том же банке получило теперь уже оборотные средства. Все. Своих денег можно вообще не вкладывать, а работать на чужие. Красиво?

— Красиво, — кивнул сыщик. — Пока нет кризиса.

— О чем я вам и толкую! — чуть не закричал приват-доцент. — И вот насоздавали наши деловые люди таких дутых обществ, у которых ничего своего нет, только взятое в долг. Банки выдали им онкольные ссуды...

— Поясните, кстати, что это такое.

— «On call» означает «по требованию». Онкольная ссуда — это ссуда до востребования, обычно под залог ценных бумаг, акций или векселей.

— А почему финансисты так их боятся? — спросил надворный советник. — Только и слышу, что это рискованно.

— Конечно, рискованно. Ведь банк может потребовать свои деньги назад в любой момент. Лишь с отчаяния, от безысходности можно привлекать такие средства. Или по-русски на авось. А тут еще берут их под соло-вексель.

— Соло-вексель имеет только одну передаточную надпись, правильно?

— Да. В случае отказа погасить вексель не на кого обратиться регресс. Это не ценная бумага, а филькина грамота.

— Но почему же банки принимают такие бумажки в залог?

— Потому что это приносит большой доход.

— До поры до времени?

Сипайло терпеливо пояснил:

— Не все рискованные операции кончаются крахом. Большинство заемщиков все же стараются вернуть ссуду. А потом, операции с соло-векселями ввел Государственный банк. В нарушение собственного устава, кстати замечу.

— Зачем? — опять поразился сыщик.

— Для финансирования влиятельных землевладельцев. Кроме того, это способ передачи земельных угодий в нужные руки. Через продажу имущества несостоятельных должников.

Алексей Николаевич поморщился:

— Если уж Государственный банк разводит спекуляции... Чего тогда ждать от Меринга со Шлейфером?

И покосился на собеседника: не скажет ли тот чего интересного. Но приват-доцент сделал вид, что не расслышал.

— Все было хорошо, — продолжил он, — пока в Европе не случился сбой. Денег стало мало, и они сделались дороги. В позапрошлом году биржи продавали их под четыре процента, потом подняли до пяти. Сейчас и за семь с половиной не найдешь. А наши банки сами ссужали заемщиков под семь процентов годовых. Теперь они занимают дороже. Вот что наделал европейский кризис.

— Минуту, — остановил рассказчика Лыков. — Я хочу понять. Предположим, я банкир. Перехватил деньжат на Петербургской бирже. Как они там оказались?

— Приехали из Германии или Франции.

— Угу. Я взял их под семь с половиной процентов годовых? Так дорого?

— Именно, — с жаром пояснил приват-доцент. — Чтобы перехватиться. Поскольку заимствовали прошлым летом сроком на один год, а заемщику выдали на пять лет! Взяли короткие деньги, а в рост отдали длинные.

— Почему?

— Из-за жадности и глупости наших банкиров. Которые думали, что рост будет всегда, а кризисов на их веку не случится. Наши банкиры дураки, они Маркса не читали. И вышло то, что вышло. Займы германцам надо возвращать, а как? Клиент отдаст ссуду лишь к концу срока. Глупый банкир рассчитывал покрыть разрыв на той же бирже, а там свободных денег нет. Можно занять только короткие и дорогие. А выдал-то он длинные и дешевые. Ну и... сами понимаете. Крах. Особенно сильно он должен проявиться в жилищном строительстве.

— Это почему же? — опечалился за строителей Лыков.

— А там ссуды самые долгосрочные. Так составлено законодательство. Ссуды под залог городских недвижимых имуществ выдаются на срок до пятидесяти одного года. Конечно, заемщикам не хочется платить проценты так долго, и они стараются погасить кредит досрочно. Но все равно сроки громадные: двенадцать, семнадцать, двадцать шесть лет, тридцать восемь... Ни в торговле, ни в промышленности такого нет. Поэтому и дела у строителей всех хуже.

— Значит, кризис все-таки налицо?

— Конечно. И очень серьезный.

— Но власти его скрывают?

— В августе прошлого года Государственный банк повысил учетный процент с пяти с половиной сразу до семи, — сказал Сипайло. — Началась паника. Министерство финансов официально объявило, что отрицает

возможность какого бы то ни было общего кризиса. И тут же, словно по команде, разорились Мамонтов, Алчевский и фон Дервиз. А в январе началось обвальное падение цен на все промышленные продукты, от сортового железа до рафинада.

— Так, понятно. А кого кризис затронул в Киеве особенно сильно?

Сипайло сразу умерил пафос:

— Ну, я теоретик, конкретно здешних дел не знаю. Но понятно, что попали в первую очередь банки.

— Почему?

— Ах, я же вам все объяснил! Банк раньше занимал деньги под четыре процента, а строителю отдавал под семь-восемь. Тот возводил доходный дом, дающий двенадцать процентов. Всем хватало. А теперь средств нет, в России денежный кризис. Наличность пропала, днем с огнем не найдешь, люди расплачиваются доходными бумагами вместо денег. И банк может привлечь средства лишь под семь или даже семь с половиной процентов. Значит, отдать может под те же двенадцать. Иначе сам останется без маржи. А двенадцать не окупит домовладелец, конечный заемщик, который за все и платит. Точнее, платят-то жильцы, но рынок предложения переполнен, они лишнего не дадут.

Надворный советник спросил:

— Я правильно понял? Удорожание денег на бирже, из-за кризиса в Европе, прошло по цепочке и обрушило рынок жилья в Киеве. Поскольку для последнего в цепочке заемщика, домовладельца, конечная цена ссуды превышает его собственный доход от сдачи квартир. Так?

— Ну наконец-то. Да, так.

— Домовладелец, который и возводил все эти великолепные доходные дома в период строительной горячки, теперь в убытке? И вследствие этого опрокинет и банк, в котором занимал деньги на тридцать восемь лет. Вернуть ссуду он не сможет.

— Да, так.

— Кто еще пострадает?

— Подрядчики, рабочие-строители, владельцы кирпичных и цементных заводов. Эти особенно, поскольку в период горячки наоткрывали таких заводов тьму.

— Адольф Леонардович, я спрошу еще раз, прямо. Дела Меринга и Шлейфера плохи?

— Увольте, Алексей Николаевич, — замахал руками приват-доцент. — Не ко мне вопрос. Спросите у домовладельцев. Я теоретик. По теории, им крышка. А в жизни чего не бывает? Вдруг Витте поможет зятю, как он

помогал железнодорожным королям?

— А откуда вы знаете, что Сергей Юльевич — тесть Меринга?

— Да тот о своем родстве на всех углах рассказывает. Особенно когда его кредиторы за горло берут. Чем и спасается... пока.

— Понял.

Сыщик встал, протянул руку:

— Спасибо. Вы мне очень помогли.

Лыков остался доволен беседой. Вот он, кончик, за который можно потянуть. Письма оценщика в условиях надвигающегося кризиса — это большая опасность для двух нуворишей. Ишь, сделали они по миллиону... А сейчас все это может улететь. И подозрения Витте, похоже, обоснованы. Размахивает зять его именем, как флагом. Вот только за это не убивают. Насильственная смерть Афонасопуло, скорее всего, не связана с его разоблачениями. Она пришлась очень на руку Мерингу, но убийца почти наверняка явился с другой стороны. Поскольку в Петербурге сыщику предстояло дать полный отчет аж двум министрам — Сипягину и Витте, он должен сейчас пройти до конца обе тропы: и аферизм несостоявшегося астронома, и смерть оценщика. Чтобы доказать, что они не связаны, и обелить Меринга хотя бы от соучастия в убийстве. А уж за махинации пускай ответит.

Однако легко сказать: пройти до конца. В дознании убийства он чувствовал себя в своей тарелке. Уж что-что, а ловить душегубов Алексей Николаевич умеет. Еще и Асланова поучит, хотя кажется, что татарина нечему учить. А вот финансовые вопросы — другой коленкор. И пылкая речь приват-доцента Сипайло — это лишь начало тропы. Он высыпал много цифр, кое-что разъяснил и сказал главное: кризис есть. Но это в теории. Нужен практик. Человек, который сам строит, ходит по банкам, нанимает мастеровых и видит процесс изнутри. Кто сгодится на роль консультанта? Лучше всего подошел бы подрядчик. Не домовладелец — тот глядит со своей кочки, и не хозяин кирпичного завода — у того одно на уме. Нужен опытный подрядчик, ведь к нему сходятся все нити. Такой специалист знает, и сколько стоит тысяча штук кирпича, и сколько надо дать на лапу банкиру, чтобы получить кредит. Где его взять? Ответ ясен: следует вновь обратиться к Красовскому.

Нужный человек нашелся быстрее, чем ожидал Лыков. Более того, он пришел к сыщику сам тем же вечером. Тот сидел в буфете, громил огирочник, когда его побеспокоили. Пожилой еврей в аккуратной тройке снял шляпу и вежливо спросил:

— Простите, это не вас послал к нам в Киев сам финансовый министр

господин Витте?

— Вообще-то, это сделал другой министр, внутренних дел. Господин Сипягин. Но по просьбе Витте. А в чем дело?

Еврей кивнул:

— Таки вас мне, значит, и надо. Позвольте я уж представляюсь. Хотя вы кушаете... Прошу извинить. Я могу выйти и подождать на улице.

— Вы сядьте пока вон за тот стол и попросите два кофе. Или один, для меня, а себе что хотите. Я быстро доем и подойду к вам. Скажите только, кто вы?

— Моя фамилия Прозумент, я таки строительный подрядчик.

— Вот как! Тем более не уходите, нам есть о чем поговорить.

Быстро истребив горячее, Лыков подсел к визитеру. Тот отодвинул чашку с кофе и спросил, глядя сыщику прямо в глаза:

— Сергей Юльевич намерен платить долги за своего зятя или нет?

— А уже много накопилось? — ответил вопросом на вопрос сыщик.

Прозумент покачал головой:

— Ай-яй, все еще хуже, чем я думал...

— Послушайте, начните с начала, как советуют французы. В чем причина вашего интереса? Меринг должен вам денег?

— Увы, да. И не только мне. Вот я и подумал: если первый займу очередь, может, получу сполна? А те, кто придет потом, останутся в убытках.

— Ясно. Как вас зовут?

— Лев Моисеевич.

— А меня Лыков Алексей Николаевич. Я чиновник особых поручений Департамента полиции. И приехал сюда по личному распоряжению министра внутренних дел Сипягина. Того, в свою очередь, попросил об этом Витте.

— Ага! — сверкнул глазами подрядчик. — До его сведения дошло?

— Наверно, дошло, но я не знаю, что. Формальным поводом стало письмо некоего Афонасопуло, адресованное Витте. Там сказано, что Меринг и Шлейфер мошенничают с залогами в частном коммерческом банке и этот аферизм плохо кончится.

К удивлению сыщика, его собеседник кивнул. Так, словно услышал давно известные ему вещи. Алексей Николаевич счел нужным спросить:

— Вы, видимо, знаете всех этих господ?

— Конечно, — ответил Прозумент. — Начиная с Сергея Юльевича. Еще когда он служил здесь главным начальником над железными дорогами. Уже тогда было ясно, что этот человек далеко пойдет. А Афонасопуло и мне

оценивал недвижимость. Таки я скажу вам, что он сам был большой мошенник и норовил содрать лишнее.

— Вы сказали «был». Откуда узнали о его смерти?

— Ай, какая разница! Киев маленький, все становится известно через три часа. Но плохо, что покойный смешал Меринга и Шлейфера. Нет, так не надо. Георгий Павлович сильно рискует, он может потерять банк. Но он не мошенник, а вполне порядочный. Будет жаль его, если так случится. Шлейфер зря доверяет своему партнеру, вот что я вам скажу.

— А Михаил Федорович?

— О, этот другой. Мой сын Изя, он учится в университете святого Владимира, очень умный юноша, так он называет Меринга «авантюрист». Вы знаете такое слово?

— Знаю, — улыбнулся надворный советник. И тут же подумал: вдруг Изя прав? И лучше всего характеризует Меринга? Не мошенник, не законченный аферист, который привык обманывать людей. Просто личность, склонная к авантюрам. Все лучше, чем негодяй. Хотя тем, кого он обокрал, от этого не легче.

Сыщик решил объясниться с подрядчиком в открытую:

— Лев Моисеевич, достоверно я знаю вот что. Министр финансов обеспокоен теми слухами, которые до него дошли. Он выдал за Михаила Меринга приемную дочь, нелюбимую, но она носила раньше фамилию Витте. А сейчас его зять влез в какие-то рискованные предприятия. И Сергей Юльевич опасается, что тень возможного в будущем скандала падет и на него. Особо мне велено узнать, не козыряет ли Меринг здесь, в Киеве, своим родством.

— Козыряет — это что значит? — спросил старик. — Я таки не картежник, за всю жизнь ни разу не взял в руки карты.

— Ну, хвалится, говорит, что могущественный тесть всегда поможет, что он в курсе дел зятя и одобряет их...

— А то как же! — взвился подрядчик. — Лишь это от него и слышу, когда прихожу за оплатой. Он, видите ли, задолжал мне двадцать две тысячи семьсот рублей. Работы сданы, людям пора делать расчет.

— Что вы для него построили?

— Второй этаж дома на Большой Васильковской. Каменщикам, плотникам, за кирпич, за цемент, ну и немного мне за мои хлопоты. С осени не могу получить. И тут слышу в кофейне Семадени, что из Петербурга приехал человек и задает вопросы Мерингу.

— От кого вы это услышали, Лев Моисеевич?

— От Гинсбурга. Тоже подрядчик, только крупнее меня. Так ему

Меринг и должен много больше, чем мне! И тоже не отдает.

— Расскажите, в чем ошибки директора домостроительного общества? Что он делает не так?

Прозумент по-стариковски жалко вздохнул и печально поглядел на сыщика:

— Вы таки всерьез хотите знать?

— Конечно. Что я буду докладывать Сипягину? Он же спросит меня именно об этом. Возможно, и Витте спросит.

— Ай, это трудно объяснить чиновнику особенных поручений. Но давайте попробуем, если так надо...

— Надо. Я вас слушаю.

— Ай, ну ладно. Попробуем. Знаете, как до сих пор строили в Киеве? Допустим, что я владею участком земли. Кстати, я действительно им владею, на Подоле, на Хоревской улице. И ежели бы я был такой же а-ван-тю-рист, как и Меринг, то давно бы уже затеял там стройку. Но сейчас это невыгодно.

— Лев Моисеевич!

— Хорошо, хорошо. Таки вот, владелец земли шел в банк и просил ссуду под залог участка. Ему давали денег на фундамент и один этаж, поскольку больше его земля не стоит. Понимаете?

— Да, продолжайте.

— Получив ссуду и наняв меня — или такого, как я, нас в Киеве много, даже слишком много, — домовладелец выгонял первый этаж. Затем он опять шел в банк и говорил: люди, я построил целый этаж, теперь моя земля стоит дороже, дайте мне еще денег.

— А старую ссуду он возвращал?

Прозумент удивился:

— Нет, конечно. Откуда он возьмет деньги на это? Дома еще нет, жильцов, стало быть, тоже. Он платит проценты по ссуде, но гасить ее будет потом, когда появятся жильцы.

— Ясно. Домовладелец просил новых денег на второй этаж...

— Да. Банк присылал оценщика, тот определял залоговую стоимость земли с недостроенным зданием, и банк выдавал вторую ссуду. Здесь такие люди, как Афонасопуло, имели гешефт. Ведь размер ссуды составлял всего шестьдесят процентов от оценки. Банк можно понять: он страхуется от неудачи заемщика. Случись невозврат, ему придется выставить залог на торги. И кто еще купит? И почему?

— Я понял. А как строился третий этаж?

— Да так же, как первые два.

— То есть банк своих денег не получал до завершения строительства, а только лишь проценты?

— Именно.

— Но в чем выгода банку? — не понял сыщик.

— Выгода есть. Проценты идут, год за годом. А за что, позвольте вас спросить? Да за бумажки!

— Какие еще бумажки?

— А такие, — назидательно поднял палец старик. — Вы что же думали, банк выдал ссуду деньгами? Нет. Вовсе нет. Процентными бумагами он выдал, вот чем. Облигациями.

— Чьими?

— Своими. Не хочешь — не бери. Только ни один банк не даст тебе денег, а всучит те же облигации. Ты платишь проценты по ссуде, а банк из полученных от тебя денег гасит купоны держателям облигаций.

— А почему так? — задал глупый вопрос Лыков.

— Потому что денег в стране нет. Поэтому в обращении ходят всякие доходные бумаги, заменяющие наличность.

— Но ведь когда-нибудь срок обращения облигации истечет. Последний владелец явится с ней в банк, и тому придется отдать живые деньги на всю нарицательную стоимость. Где же банк их возьмет?

— От ссудозаемщика. К тому времени он построит свой доходный дом, в него въедут жильцы и станут платить за квартиры. И вот тут возникает страшный риск для банка...

— Риск того, что дом не будет достроен? — догадался Лыков.

— Не только, — ответил Прозумент. — Дом-то выгнать можно даже без денег. Мы пускаем эти облигации по всей цепочке. Владелец кирпичного завода ведь тоже знает, что наличности ему никто не даст. И возьмет от меня бумагу, хоть и обругает при этом бедного еврея последними словами. А что я могу сделать? Мне ее дал домовладелец, а тому — банк. Вот и ходят облигации туда-сюда, туда-сюда.

— Погодите, Лев Моисеевич. Но ведь каменщику заработную плату облигацией не отдашь. Он куда с ней придет? В лавку хлеб покупать?

— Не отдашь, — согласился подрядчик. — Иногда нужны живые, настоящие деньги. Там, где расплачиваются с людьми, а не с заводами. Их-то я сейчас и пытаюсь получить с Меринга, те самые двадцать две тысячи и семьсот рублей. А в большинстве случаев бумага заменяет наличность, только все несут по ней потери.

— Это из-за учета?

— Конечно. Видите, вы хоть и чиновник особых поручений, но

соображаете. Деньги имеют свою цену, они такой же товар, как и мясо с мамалыгой. Вот облигация, на ней написано: сто рублей. Погашение через десять лет. Если вы сейчас захотите обратить ее в деньги, сто рублей за нее вам никто не даст. В каждом банке и на бирже есть учетный комитет. Он определяет ставку учета, по которой вам выдают сумму на руки. Всегда она меньше номинала бумаги. Только в день погашения цифры совпадут. И вот пущенная банком облигация крутится все десять лет вместо натуральных денег. Наконец срок обращения ее истек. Последний держатель, как вы только что сказали, приходит с ней в банк. А у того нет денег, чтобы погасить собственную облигацию! Вот что ждет господина Шлейфера, если он не перестанет иметь дело с Мерингом.

— Значит, домостроительные проекты Меринга несут убытки?

— Да. Есть такое понятие: перепроизводство. Знаете это слово?

— Встречал иногда в газетах. Что, в Киеве понастроили уже столько домов, что для них не хватает жильцов? С трудом верится. Петербург, Москва, Варшава, все губернские города жалуются на нехватку жилья. Квартирный кризис, казарменный кризис... А у вас перепроизводство?

— Жильцов и у нас полно. Вот только они не могут платить за квартиры столько, сколько хочет владелец. Посмотрите те же газеты. На Крещатике пустуют целые этажи. На Ольгинской и Меринговской — целые подъезды.

— Так пусть владелец умерит аппетит и снизит квартирную плату. И люди въедут.

— Он не может так поступить, иначе нечем будет гасить ссуду в банке.

— Вот в чем дело...

— Да, — старик опять задрал вверх палец. — Получился... как это? Замкнутый круг?

— Навроде того. Зачем же тогда порядочный человек Шлейфер дает и дает ссуды непорядочному авантюристу Мерингу?

— Стойте, я не говорил, что Меринг непорядочный, — нахмурился старик. — Авантюрист — таки да, и втянет всех в убытки. Но не со зла, а по глупости. Я, знаете ли, встречал и жуликов. Да чего говорить, каждый день жму им руки на бирже. Меринг не имеет желания надуть вас. Подведет, разорит, но и сам прогорит. А жулик всегда остается в прибыли.

— Пусть так. Повторю вопрос: зачем же Георгий Павлович ссужает до сих пор Михаила Федоровича? Не пора ли перестать?

— Давно как пора. Но тут крутится колесо, крутится и крутится. Лишь очень умный взгляд может заметить, что надо поставить на тормоз. Вот уже семь лет, как это дело — я имею в виду строительное — дает доход.

Горячка началась в Киеве в девяносто третьем. И таки надо признать, что толчок ей сделала усадьба Меринга. Большой участок в таком месте! Лучшая часть Крещатика, и еще немного Липок. Банки, что вложились первыми, получили серьезный доход. Люди стали переезжать в хорошие квартиры. Город теперь называют Парижем. По крайней мере Николаевскую улицу. Кирпичные заводы не устроил себе только лентяй. Бешеный спрос был на кирпич, весь объем скупали на год вперед. А теперь? Тысяча штук раньше стоила двадцать пять рублей. Сегодня уже цена опустилась до девятнадцати. А завтра станет пятнадцать. Перепроизводство. Их придется все позакрывать, эти заводы. Хорошо, что я не пошел на уговоры Гольдарбайтера и не вложился с ним на паях в кирпичный завод. Теперь бы уже рвал на себе последние пейсы. Понимаете, Алексей Николаевич? Это как ножницы сошлись.

— Какие ножницы?

— Портновские. Мой папа был портной в Белой Церкви, и я с детства наблюдал, наблюдал... Вот и тут. Два лезвия — раз! — и отрезали. Одно лезвие — это удорожание денег. Такое, что домовладелец уже не сумеет окупить ссуду из банка. А второе лезвие — это перепроизводство домов. Нет в Киеве столько людей с капиталами, чтобы снимать квартиры за три тысячи рублей.

— Три тысячи рублей? — поразился питерец. — Это что за цены? И в столице таких не встретишь!

— А у нас есть. Бель-этаж на Большой Подвальной, шестнадцать комнат, ванная, две людских, ледник во дворе, телефон... Люди придумали всякие удобства и хотят за них рублик. Ай-яй! Зачем человеку шестнадцать комнат? И кто сейчас снимет такую квартиру?

Собеседники помолчали, собираясь с мыслями. Прозумент вынул из кармана глухие золотые часы, откинул крышку и присвистнул:

— Таки почти уже ночь. Я заболтал вас, глупый старик. Гоните меня в шею, сам я не уйду. Так хочется получить двадцать две тысячи, что готов мешать вам до утра.

— Вы не мешаєте, а помогаете, Лев Моисеевич. Вряд ли я ускорю возврат вам долга...

— Уж догадался.

— ...а вот разобраться в том, что происходит у вас в Киеве, вы мне помогите. Есть еще много к вам вопросов.

— Что ж, если будет кому-то польза, таки спрашивайте. Старый Лев много знает, потому как сам крутит и крутит это несчастное колесо. Вместе с другими, конечно. Давно бы пора остановить его. И скоро, я так скажу,

это само случится. Давайте я объясню вам, Алексей Николаевич, как строят в Киеве сейчас.

— Да ведь вы только что рассказали!

— Нет, то было вчера. А теперь стало еще хуже.

— Ну-ка, это интересно.

— Сегодня домовладельцы стали занимать средства для постройки у частных капиталистов. Под девять процентов годовых, представляете?

— А с какой целью?

— Я же пояснил: с целью достроить.

— Но почему не в банке, я не пойму?

— Банк возьмет землю и дом в залог, а частный капиталист — только вексель.

— Ага. Дом останется без обременения.

— Точно так. Замысел был следующий: занять денег на стороне под вексель, достроить на них дом, впустить жильцов. Готовый дом опять заложить в банке и расплатиться полученной там ссудой с частным кредитором. Поняли?

— Перевести дорогой заем в более дешевый?

— Да, и в более длинный. И гасить ссуду банку постепенно, много лет, из тех средств, что дает доходный дом.

— Чем же плох замысел?

— А тем, господин чиновник особенных поручений, что теперь так не выйдет.

— Поясните, Лев Моисеевич. Не выйдет почему?

— Ай, плохо меня слушали. Вследствие общего безденежья упал курс всех ценных бумаг. Но особенно упали бумаги ипотечных банков. Знаете это слово?

— Знаю, дальше!

— Так вот, ипотечные бумаги уже упали на десять процентов. И ссуда в банке сделалась невыгодной. Да, процент по ссуде я заплачу меньше, чем у частного кредитора. Но зато потерю в нарицательной стоимости бумаг. Ведь банк опять даст мне не деньги, а свои облигации, которые обратить в рубли можно лишь с убытками.

— А частный капиталист сразу дает рубли?

— Именно так. И сегодня банки Киева оказались в трудном положении. Они не могут конкурировать с частными капиталистами. Но и домостроители в ловушке. Как отдавать долги этим капиталистам? В банке уже не перезаймешь из-за падения курса облигаций. А дорогие рубли от капиталиста больше не оправдаешь сдачей квартир, ибо нет столько

богатых жильцов.

— Так... И что же будет?

— Будет очень плохо.

— Кому?

— Нам всем, Алексей Николаевич.

— Всем, кроме тех самых новых займодавцев, частных капиталистов, — уточнил сыщик.

— Ай, вы таки умный человек. Им тоже будет не очень хорошо. Денег-то своих назад они не получают. Но зато отберут у должников их дома.

— Постойте, — не понял сыщик. — Вы сказали, что капиталисты довольствуются одним векселем. Дома уже в залоге у банков — как их получают частные кредиторы? Банк не выпустит обеспечение из своих рук.

— Вексель — сильная бумага. Банк имеет один дом, строительство которого ссужал. А через вексель частный кредитор все имущество должника может выставить на торги. У иных, если покопаться, отыщется немало вкусного. Вот капиталист и в выгоде, — объяснил Прозумент. — Отнимет все, что не обременено. Например, другие доходные дома застройщика, чистые от залога.

— Но зачем они нужны? Кризис, селить там некого.

— Кризис когда-нибудь кончится, а дома останутся. Капиталист вроде как заполучил себе актив. Знаете это слово?

— Лев Моисеевич!

— Да-да. Купил то, что, может быть, и не собирался покупать. Дом в хорошей улице, новый, со всеми удобствами. Этот актив может давать доход. Деньги в условиях кризиса так и так некуда вкладывать. Все падает, все дешевеет. А дом достался владельцу без маржи, по цене залога, значит, дешево. Передел рынка жилья, так это называет мой сын Изя.

— Умный у вас мальчик.

— Да, Алексей Николаевич. Если бы вы только знали, сколько мне стоило устроить его в университет. А прописать на левой стороне Крещатика! Но когда-нибудь Изя окупит все вложенные в него средства. Он сделается ученый. И удеся... удеси... как это сказать по-вашему? Во много раз увеличит обороты после меня.

— Пожелаю вам, чтобы так и случилось. А теперь скажите, Лев Моисеевич, кто эти частные капиталисты, что отбирают у банков их добычу?

— А зачем вам знать? — насторожился Прозумент.

— Надо, раз спрашиваю. Погиб человек. А тут столкновение интересов, большие деньги на кону. Вдруг есть связь?

Старый еврей покачал головой:

— Ай, какие плохие мысли в голове полицейского чиновника.

— Я жду.

— Ай-яй... Неужели вы думаете, что в моей стариковской болтовне есть хоть что-то полезное?

Подрядчик явно не хотел называть имена.

— Лев Моисеевич, я вызову на допрос вашего Изю, если вы мне сейчас не расскажете.

Прозумент неуверенно улыбнулся:

— Вы шутите, да?

— Конечно, шучу. Но мне в самом деле нужно знать.

— Хорошо. Будь по-вашему. В Киеве есть всего два богатых человека. Я имею в виду, богатых по-настоящему. Один — это Давид Марголин. Вы о нем слышали уже?

— Да. Он ведь акционер домостроительного общества?

— Точно так. А второй — это Лев Бродский.

— Сахарозаводчик?

— Именно.

— Два богача на весь Киев? — усомнился Алексей Николаевич. — А Терещенки?

— Два всего, — категорично подтвердил Прозумент. — Ай, Терещенки пусть сначала подрастут. Людей, у кого числится пара миллионов, много. Может быть, даже у меня их можно отыскать. Но Лев Израилевич Бродский в Монако за один раз проигрывает в рулетку больше, чем я зарабатываю за целый год.

— Да, я тоже слышал, что он азартный игрок.

— У-у! Он азартен до всего, в том числе и до женщин. Но это я так, к слову. Папа оставил им с братом столько денег, что хватит купить луну. Слышали про папу, Израиля Мееровича? Он нажил состояние на том, что делал фальшивые ассигнации. Очень давно, еще в Крымскую войну. И стал огромный богач...

— Про всех богачей завистники распространяют подобные слухи, — отмахнулся Лыков. — Если верить им, то каждое крупное состояние в России основано на фальшивых деньгах. Стыдно вам повторять такую ложь.

— Да? Ну ладно, не буду... Таки о чем я? А! Лазарь Бродский, старший брат Льва, тоже миллионщик. Из любого конца Киева видать его паровую мельницу внизу Боричева Тока. Но Лазарь болеет. У него болезнь диабета, он скоро умрет. А Лева здоров, как трое подольских грузчиков. И

вот еще что. Лазарь — партнер Марголина по обществу пароходства по Днепру. У них ровные отношения, иначе нельзя, а то дело погибнет. Но Леву туда не взяли.

— Понятно. Но в чем соль? Для чего вы мне это рассказали?

— Соль в том, что Лев Бродский и есть тот частный капиталист, который кредитует Меринга в последнее время.

— В обход Шлейфера!

Старик махнул рукой:

— Кто есть Шлейфер в таком деле? Как и я, владелец пары миллионов? Это делается в обход Давида Симховича Марголина. Вот будет передел так передел! Весь Киев содрогнется. Или задрогнется? Как это по-вашему?

Лыков поднялся и вздохнул:

— Уф... Голова уже не вмещает ваши киевские махинации. Дайте переварить.

— А что я говорил? Тут чиновнику легко и запутаться. Для того и нужен старый Прозумент, который всегда объяснит. Таки я могу надеяться?

— Что ваш рассказ дойдет до Витте? Да. Не знаю, устно или на бумаге, но дойдет, обещаю.

— Тогда я не зря потратил свое время. А у нас, стариков, его осталось мало, ай мало. Не подведите меня, Алексей Николаевич. Скажите там, как есть.

Сыщик и подрядчик расстались как добрые знакомые. На всякий случай Лыков записал адрес полезного собеседника. Он теперь знал достаточно, чтобы дать отчет своему министру. Еще пара таких бесед, и можно начинать собственное строительное дело...

Если же говорить серьезно, то задача практически выполнена. С Мерингом все ясно. Вот-вот он свернет себе шею. И слетятся кредиторы, и начнут рвать на части имущество. Авантюрист заигрался. Подтвердилось и второе опасение Витте: зять поминает его имя всуе, пытаясь отсрочить банкротство. А может, никакого банкротства и не последует? Один хищник, Бродский, отберет доходное дело у другого, Марголина. А мелкую сошку, председателя правления КАДО, просто выгонят без штанов.

Так что, пора собираться домой? Остался последний вопрос: кто же убил Афонасопуло? Но пусть им задается киевская сыскная полиция. Никто не поручал Лыкову дознавать это преступление. Конечно, можно подрядиться и попробовать раскрыть дело, сославшись на Сипягина. Асланов уже ведет его и делится с питерцем сведениями. Надворный советник если и не поможет, то и не навредит. Тут не домостроительный

кризис, все знакомо.

Ничего толком не решив, Алексей Николаевич отправился в «Шато-де-Флер». Певичку, что ли, какую зацепить? Он заглянул в вокзал, поглазел там на акробаток и никем не прельстился. В возрасте уже мужчина, не вертопрах, потерпит до дома.

Поужинал Лыков в летнем ресторане Купеческого клуба. Там его заинтересовало блюдо под названием мазурики. Вот подходящая еда для сыщика! Но мазурики на проверку оказались обычными котлетами из индейки. Не иначе, пришли сюда из польской кухни. Насытившись, Лыков отправился к «грибку» — смотровой площадке с видом на Днепр. Горели огни бесчисленных пароходов, кипела работа в гавани, на Трухановом острове пускали фейерверки. Сыщик вспомнил, что еще не был в ресторации «Эльдорадо», и наметил пообедать там завтра. А то скоро уезжать.

В мажорном настроении питерец вернулся в номера. Там его опять ждала записка. Асланов сообщал, что получил важные сведения, и звал в гости на Большую Житомирскую. С револьвером, если есть желание развлечься.

Так-так! Если зовут с оружием, значит, ушлый надзиратель разыскал Созонта Безшкурного. Осталось лишь его заарестовать. Спиридон Федорович решил проверить командированного на вшивость, как говаривали в Кобулетском отряде. Пойдет тот на опасное задержание или останется ждать в кабинете? Что ж, развлечься Лыков был не прочь. Он поднялся в номер, сунул во внутренний карман смит-вессон с укороченным стволом и отправился в сыскное.

Глава 6. Тайны Никольской слободы

В отделении царил переполох. Восемь городских сидели кружком и драили свои револьверы. Асланова не было, и надворный советник отправился его искать. Сунулся к приставу. Тот стоял у зеркала и щипчиками выдергивал волоски из ноздрей. Вот щеголь: все готовятся к бою, а этот...

— Вы Спиридона ищете? — ничуть не смущаясь, спросил поляк. — Он скоро будет.

— Я правильно понял его записку, Северин Янович? Пойдем брать Безшкурного?

— Да, рано-рано, пока слободка спит.

— Вы с нами?

Желязовский наморщил лоб:

— Да я еще не решил... В восемь утра доклад у полицмейстера. Асланов и один справится. Вы вот ему поможете. Не против?

— Для этого и явился.

Тут дверь распахнулась, и без стука вошел Асланов.

— Уже и Алексей Николаевич здесь? — обрадовался он. — Ну, надумали развлечься?

— Да, а то засиделся в последнее время.

Надзиратель довольно хохотнул, бросил в бюро пристава какой-то сверток и кивнул начальнику. Тот осклабился. По виду это была пачка банкнот, завернутая в газету.

— Пойдемте, посмотрим, как там люди.

Оставив хозяина в кабинете, Лыков с Аслановым отправились в стол приводов. Спиридон Федорович был нервически весел, даже насвистывал. Причем не играл роль храбреца, которому все нипочем, даже предстоящий арест шайки убийц. Видно было, что он волнуется, но не боится. Такой тип людей всегда нравился питерцу. С ними в бою спокойнее.

— Что вы узнали?

— Да почти все. Помните трактирщика Дудку?

— Моржа? Да, конечно. Он так быстро что-то выяснил?

— Повезло, — улыбнулся околоточный. — Но ведь везет тем, кто дело знает. Итак, докладываю. У Акима есть в Никольской слободе кум, зовут его Марко Тихоненко. Бандит.

— Самый что ни на есть настоящий? — уточнил Лыков.

— Первоклассный. Голову срежет будь здоров, ежели что.

— Он из хоровода Безшкурного?

— Нет, Тихоненко состоит в шайке Феодосия Пасеки. Это маз той местности, которая в Никольской слободе называется За кладбищем.

— Сколько же там мазов?

— Шесть или семь, считая мазов Поварской слободы. Так вот, как и полагал Аким, о чужих делах никольские громилы говорят охотно. И кум таков. Трактирщик спросил, что нового у Созонта, почему его людишки перестали ходить, обороты роняют. А Марко ответил: им приказано сидеть дома, в город не соваться. Что так? Да благородного какого-то взяли в переплет, надо сбить пену. А? Каково? Чую я, Алексей Николаич, — наш это. Афонасопуло, больше некому. Другие дворяне в городе не погибали.

— Может быть, — согласился надворный советник. — Только как же мы найдем «ивана»? Вы ведь сами говорили, местоположение его притона неизвестно.

— Уже известно, — хитро усмехнулся околоточный. — Я и такую задачу поставил перед Дудкой. Он слово за слово выудил у кума. Там на берегу Русановского рукава мостик есть на курьих ножках. Ведет к Броварскому шоссе. Петровский парк с рестораном «Венеция» направо, а это налево. Саженьях в трехстах от мостика на улице без названия стоит хата. Приметная! Дорога там раздваивается, и в хате лавочка, а в заборе калитка. Выкрашена желтой охрой. В калитку надо войти. Внутри флигелек, в нем наш «иван».

— Почему утром идем, почему не сейчас?

— Темно же. Фонарей в слободе нет, местности мы не знаем. Чего горячку пороть? Мужики оголтелые, могут и сдачи отсыпать. А утром проще, все видно.

Лыков подумал и согласился. Спросил только насчет мужиков — сколько их? Есть ли при главаре охрана? Оказалось, что это трактирщик выяснять побоялся.

— На всякий случай я беру девять человек, все с оружием. Вы, Алексей Николаевич, будете десятый. Полицмейстер про вас давеча чудеса рассказывал: что вы уголовных без счету переловили. И что в опасных случаях всегда вас стараются вызвать, даже в Москву и Варшаву. Так это?

— Ну...

— Понятно. Тогда со мной нас одиннадцать. Должны справиться.

Лыков посмотрел на часы — половина первого. Спать не хотелось, он немного нервничал.

— А то идите к себе в номера, мы за вами заедем, — предложил

Асланов.

— Когда вас ждать?

— В половине третьего надо уже быть на том берегу. Доехать до перевоза, потом плыть... Минут сорок у вас есть, чтобы поспать.

— А, какой смысл, — махнул рукой надворный советник. — Останусь здесь, двинемся все вместе.

— Тогда я распоряжусь насчет чаю?

— Спасибо, Спиридон Федорович, было бы кстати.

Полицейский катер шел на малых оборотах. Темнота уже рассеялась, но вместо нее появился туман. На реке было холодно и неуютно. Городовые столпились на носу и по бортам. Начальство — Асланов с Лыковым — кое-как втиснулось в рубку. Посудина не была приспособлена для такого количества пассажиров.

Надворному советнику скоро стало невыносимо душно, и он выбрался наружу. Околоточный из вежливости пошел следом. Они ухватились за тонкий леер, и киевлянин начал рассказывать гостю вполголоса:

— Вон, видите, справа? Цепной мост показался. Слева Труханов остров. Видно помещение яхт-клуба, дальше ресторан «Эльдорадо». Строение все хлипкое. Остров заливают по весне, ничего капитального строить нельзя.

— Такой большой остров и пустой?

— Он занят под городские сенокосы. И заливы, заливы внутри. Труханов — он как яблоко, изгрызенное червяком.

Катер свернул в широкую протоку. Слева виднелись деревянные корпуса, а за ними домики с соломенными крышами.

— Это пароходные мастерские, — пояснил околоточный. — И дома ихних рабочих, выстроенные вопреки запрету городской Думы. Но тут все принадлежит Марголину, а он на Думу плевать хотел.

Судно шло теперь между двумя тесно стоящими островами. По левому борту открылась длинная и узкая кишка.

— Вот самый большой залив, называется Старик. Дальше остров кончается, будут Черторой и Русановский рукав. Нам аккурат между ними.

— А что за строения по обеим сторонам гирла?

— Слева дача Марголина, справа ресторан «Босфор». Раки там самые вкусные во всем Киеве...

— А остров по правому борту?

— Ближняя Никольская слобода. А нам надо в дальнюю. Видите, второй мост появился? Это Русановский, деревянный. Продолжение

каменного цепного моста. Нам причаливать чуть левее. Прибыли!

Когда приткнулись к суше и бросили сходню, уже совсем рассвело. Туман держался над водой, позади, но впереди его не было. Слобода открылась как на ладони. Грязь и мусор повсюду, будто после урагана или паводка. Но паводок сошел месяц назад. Видимо, местные обыватели считали хаос в порядке вещей...

В глубь слободы вели длинные мостки на столбах. Без них не пройти: канавы отделяли берег от застроенного места. Они были полны водой, топкие берега делали их непроходимыми ни для пешего, ни для конного.

— Тут летом такое зловоние, — пробурчал татарин. — Давно бы эти ямы засыпать...

Мостки наконец кончились. Началась жилая застройка: так же грязно, но хотя бы сухо. И вдруг к отряду бросились со всех сторон собаки. Огромные, злые, они подняли такой лай, что о секретности нечего было и думать. Городовые растерялись и сбились в кучу. Даже Асланов струхнул и полез за револьвером. Но тут Лыков выступил вперед. Он бесстрашно приблизился к вожаку и сказал вполголоса:

— Брысь!

И стая вмиг разбежалась по закоулкам.

Спиридон Федорович ошалело спросил:

— Как вы это сделали?

— Сам не знаю. Просто все собаки меня почему-то боятся.

— Хорошо, что вы с нами пошли...

На маленькой площади отряд разбился на колонны. По три человека двигались справа и слева, остальные шагали посреди улицы. Но теперь собаки лаяли из-за каждого забора. И городовые опять сошлись вместе. Они откровенно жались к Лыкову. В кавалерии такой порядок называется «справа бардачком»...

Никольская слобода еще спала. Только вдалеке слышалось мычание коров и щелчки пастушьего кнута, сухие и короткие, словно шла перестрелка. Возвращались домой несколько женщин в платках — отводили скотину к выгону. Заметив толпу незнакомых мужчин, они замирали. А потом долго с любопытством глядели вслед. Кругом было тихо, так тихо, что нервы уже не выдерживали. Чтобы отвлечься, Лыков глазел по сторонам. Когда еще сюда попадешь? Слобода была велика и не устроена. Много садов, но гораздо больше огородов. Убитая, грязная-прегрязная улица. Домики все в один этаж, невзрачные, кособокие. Коровьи лепешки под ногами, и мусор, мусор всех видов...

Триста саженей полицейские прошли быстрым шагом и скоро увидели

развилку и дом перед ней. Лавочка, а сбоку калитка, выкрашенная желтой охрой. Оно! Асланов подбежал к калитке и потянул: заперта изнутри. Ограда была основательная, саженой высоты. Самый молодой из команды приготовился лезть через нее. Но питерец отодвинул его и взялся за полотно. Уперся как следует, потянул. Раздался треск, и калитка вывалилась из проема вместе с петлями.

Асланов одобрительно кивнул и первый шагнул на двор. Сейчас начнется! Есть у «ивана» телохранители или нет? Спит он или снаряжает оружие?

Распахнулась дверь, и выскочил парень в вышиванке. К удивлению Лыкова, Асланов даже не вынул револьвер. Он лишь хмыкнул — и зазвездил парню каблуком прямо в лоб. Откуда киевский надзиратель знает приемы французского бокса?

Но думать над этим было некогда. Ошарашенного парубка скрутили. Спиридон Федорович никому не собирался отдавать пальму первенства. Он смело шел вперед. Ворвался в горницу и рявкнул, не разбирая:

— Руки, чтоб я видел!

С лежанки поднялся заспанный человек:

— А? Чё?

Хрясь — и мужчина полетел к печке. Там на него набросились и ловко надели малые ручные цепочки^[22].

Полицейские набились в комнату и тяжело дышали. Кого еще вязать? Разгоряченные, готовые к свалке, городовые были на нервах. Но, кроме перепуганной бабы, в доме больше никого не оказалось.

Скованного мужика подняли и поставили перед надзирателем. Из носа у него шла кровь, глаза мутные — видимо, он еще не до конца проснулся.

— Безшкурный — это ты?

— Ну...

— Не ну, дурак, а так точно!

После крепкой оплеухи «иван» выпрямился. Теперь он уже пришел в себя и смотрел с ненавистью. Крепкий мужик лет тридцати восьми, с выступающей грудной клеткой, руки в татуировках, одно ухо наполовину отрезано. Приметный типаж.

— Да пошел ты...

Асланов опять замахнулся, но не ударил. Поглядел внимательно на пленника и отвернулся.

— Потом поговорим.

К околоточному подошел один из городских:

— Спиридон Федорыч, уходить надо. Не ровен час, ребята его

прибегут.

— Прибегут, обязательно, — с угрозой сказал из-за спины Асланова Безшкурный.

Но надзиратель только рассмеялся:

— Да ты что? Неужто правда?

— А вот поглядим, как они вас на ремешки резать станут...

Татарин положил руку на плечо подчиненному:

— Ты чего, Горчинский? Этого лупоноса боишься? Пускай приходят. Уже светло. Вот только не придет никто. Какой дурак среди дня полезет на десять револьверов?

Оглянулся на Лыкова и поправился:

— На одиннадцать.

Потом приказал:

— Начинаем обыск. Гацанюк, стань на караул к воротам. Зелло, бегом на причал, арендуй там три пролетки и гони их сюда. Дическуло, тащи понятых.

— Есть, ваше благородие! — бодро ответили повеселевшие городовые. Сыскная работа закипела.

Лыков стоял и смотрел, ни во что не вмешиваясь. Тут всё знали и умели без него.

Когда появились понятые, посреди комнаты уже лежала гора вещей. Муфту из бобра сыщики опознали как похищенную у статской советницы Дынник. А переходный мужской костюм из полубархата люди Созонта сняли с приезжего харьковчанина в конце апреля. Сам турист получил по голове и лежал теперь в Александровской больнице. У окна разбирали часы, их нашлось аж девятнадцать штук. Все были новые, известных фабрик: Перста, Вальтгама, Гризели, Фанера, Жакоти и Мозера. Похоже, бандиты ограбили часовщика, но заявления в полицию об этом не поступало. Загадка.

Вдруг Асланов довольно вскрикнул:

— Есть!

И протянул питерцу книжку в коленкоровой обложке. Это оказался бессрочный паспорт на имя Папа-Афонасопуло.

— Ну вот он и попался, сволочь.

Околоточный сунул документ под нос арестованному. Тот глянул мельком и пожал плечами:

— Не знаю такого.

— Посидишь в кутузке, может, и вспомнишь. Зелло, выводите его во двор. Пора домой возвращаться.

Асланов все успевал. И люди под его командой глядели молодцами. Они уже успокоились: дело сделано, атаман бандитов схвачен. Ясно, что теперь бояться нечего, никто за него не вступится. Из становой квартиры подъехал здешний пристав, посмотреть, как киевляне хозяйничают в его угодьях. Асланов подтрунивал над ним: столько часов упустил, мог бы сам поживиться. Парень оправдывался, что в Дарнице двадцать тыщ народу, а он один. Затем явился какой-то мужик с корзиной, однако увидел полицейских и бросился наутек. За ним погнались, но не поймали. Корзину незнакомцу пришлось бросить, и в ней обнаружили процентные бумаги на предъявителя.

— Какая сумма? — спросил околоточный.

Зелло пересчитал и доложил:

— Две тысячи семьсот рублей.

— Ага, это то, что пропало вчера из квартиры Марцинчика. Веселей, ребята! Потерпевший обещал десять процентов отдать, ежели сыщем. Поделите между собой.

«Ребята» еще больше воодушевились. Безшкурного с конвоем поместили в одну пролетку, отобранные вещи и ценности сложили во вторую, а начальники сели в третью. Колонна медленно двинулась к пристани, оставшиеся сыщики шлепали пешком. В присутствии оказались уже ближе к полудню. Руководство было довольно. Явился сам полицмейстер и благодарил личный состав, участвовавший в аресте. Успех полный, улики налицо, главарь самой опасной банды схвачен. Околоточный отпросился «гульнуть до завтра». Пояснил, что перенервничал и хочет снять напряжение. Звал с собой и надворного советника, но тот не захотел.

Перед тем как уйти, Лыков спросил татарина:

— Спиридон Федорович, откуда вы знаете приемы французского бокса? Ему учат в Киеве?

Асланов в очередной раз удивил надворного советника:

— Я жил два года в Петербурге, там научился.

— Неужели у Лустало? На углу Офицерской и Вознесенского?

Там находилось атлетическое общество Рибопьера, в котором парижанин Лустало преподавал всем желающим французский бокс, он же сават.

— У него, лягушатника.

— И что, достаете ногой до головы противника? У меня никогда не получалось.

— Лустало семь потов согнал, но научил. Шапку сбиваю!

Везучий надзиратель ушел в загул. Созонта Безшкурного поместили покамест в том же Старокиевском участке, на втором этаже. А Лыков задумался. Чем себя занять? Скучно в чужом городе. К жене хочется, к детям. Тут все ясно, можно бы и уезжать, но надо дожидаться передачи дела следователю. Получить копию акта дознания и уже с ней возвращаться. Акт за полчаса не появится: нужно опросить потерпевших, предъявить им для опознания вещи, попробовать разговорить арестованных. Парнишка в вышиванке, которому досталось в лоб, не похож на умника. Если «иван» — крепкий орех и сразу не расколется, мальчишку можно запугать. Вот и свидетель. Неделя уйдет в лучшем случае. А он, Лыков, пока соберет материал на домостроительное общество. Слов одного Прозумента недостаточно, нужны еще доказательства опасной игры зятя.

Подтверждение своим мыслям сыщик вскоре получил на подъезде присутственных мест. Он встретился там нос к носу с Подгайным. Михаил Онуфриевич взял питерца под локоть и заговорщицки спросил:

— Слышали уже?

— Что именно?

— Меринг-то тю-тю. В столицу укатил. И Софью с собой взял.

— Поехал с тестем объясняться? — предположил надворный советник.

— Как дважды два. Ваш приезд его подтолкнул. Глядите, Алексей Николаевич. Не вышло бы боком.

— Кому, мне?

— Не мне же.

— Плевал я на вашего астронома.

— Ну-ну...

Весть была неприятная. Зять намерен жаловаться, это ясно. Вот, приехал ревизор, задает вопросы, репутация страдает... Ночная кукушка дневную перекукует. На всякий случай надо запастись свидетельскими показаниями почтенных людей, лучше под роспись. Придется побеспокоить Прозумента.

Сыщик отправился на Подол. Старик подрядчик жил в двухэтажном особняке на Спасской улице, недалеко от Александровской площади. Место шумное: в двух шагах Толкучий рынок, Контрактовый дом, биржа извозчиков, фонтан с грязной водой, которая в народе почему-то считается целебной... Разительное отличие от казовой части Киева. Близость Днепра добавляет шума и суеты.

Лыков нажал кнопку воздушного звонка. Дверь быстро распахнулась, и высунулся юноша в студенческой тужурке, курчавый, с умненьким

лицом. Изя!

— Вы к кому?

— Здравствуйте, Израиль Львович. А Лев Моисеевич у себя?

— Он на месте. Как вас представить?

— Лыков.

— Следуйте за мной, пожалуйста.

Они поднялись на второй этаж и оказались в маленьком кабинете. Прозумент сидел со счетами в руках и гонял костяшки, занося полученные цифры в ведомость. Очки на носу делали его похожим на ученого раввина.

— Папа, к тебе.

— А, господин чиновник особенных поручений. Вам таки опять понадобился старый жид?

— Папа!

— Изя! Иди лучше приготовь нам русского чая. Господин Лыков из Петербурга, он не станет пить что попало.

Когда студент вышел, хозяин спросил, пытливо глядя на гостя:

— Скажите мне сначала вот что, Алексей Николаевич. Имение Нефедьевка в Костромской губернии принадлежит Лыковым-Нефедьевым. Это случайно не ваше?

— Нет, но моих сыновей. Я просто Лыков и числюсь там опекуном. А у них двойная фамилия и права на имение. Когда станут совершеннолетними. А что?

— Вы продаете сюда свой лес?

Сыщик терпеливо пояснил:

— Я жуликов ловлю. А лесом торгует мой управляющий Титус.

— Таки сведите меня с ним. Я буду ваш комиссионер на всем юге.

Увидев сомнение на лице Лыкова, старик хлопнул себя ладонями по коленям:

— Соглашайтесь. Можете спросить кого угодно: старый Прозумент не обманет. Да, я хочу свой процент. Но заработаю его, а не украду у вас. Надо жить с оборота!

— Лев Моисеевич, я напишу Титусу, он с вами свяжется через телеграф. Дайте мне адрес.

— Вот он: Киев, центральный почтамт, «Подряд». Я оплачу ему телеграммы.

— Не надо, это обычные деловые расходы, они предусмотрены в бюджете. Мы уже продаем лес в шахты Донбасса. А вот в генерал-губернаторство — нет.

— Нам будет о чем с ним поговорить, — обрадовался старик. — Ну а

теперь я вас слушаю.

— Меринг уехал в Петербург, вместе с женой.

— Знаю.

— Вот как? Кофейня Семадени уже разнесла эту весть?

— Таки да.

— Михаил Федорович явно хочет оправдаться перед тестем. Мне нужны цифры и факты, чтобы перебить его слова. Это в ваших интересах.

— Ну, тут бы я поспорил... Ссориться с Мерингом мне не с руки.

— Почему, Лев Моисеевич? Он должен вам денег и не отдаст их по-хорошему. Чем быстрее выяснится, что Витте не поддерживает своего родственника, тем быстрее наступит его банкротство. Вы хоть что-то получите от ликвидации имущества.

— Ах, господин чиновник особенных поручений! Я...

Тут в дверь постучали, и вошел сын с подносом. На нем стояли два стакана чая в серебряных подстаканниках и хрустальная сахарница.

— Спасибо, Изя. А теперь выйди, у нас секретный разговор.

Студент безропотно удалился, но бросил на отца беспокойный взгляд.

— Он все боится, что я по стариковской глупости во что-нибудь вляпаюсь, — пояснил хозяин гостю. — Что я рамолик. Вы знаете это слово?

— Да. Сын любит вас, что же тут плохого?

— Я и не говорю, что это плохо. Ведь все для него. Гроб, что ли, банкнотами оклеивать? Капитал ему оставлю. Я тоже его люблю, наверное даже больше, чем он меня. Но это всегда бывает с молодыми: им некогда думать о стариках, столько более важных дел у молодых... Так вот. За Меринга вступятся все Гудим-Левковичи, сколько их ни есть в Киеве. Зачем мне такие могущественные враги?

— Гудим-Левковичи? Я видел мельком одного, правителя канцелярии губернатора. Еще, говорят, есть банкир.

— Есть. А также другие Гудимы: спиртозаводчик, член Окружного суда, предводитель дворянства... И все они заодно.

— Чем им так нравится Михаил Федорович?

— Гудимы входят в состав акционеров домостроительного общества.

— Ну так оно скоро лопнет! — воскликнул сыщик.

— Когда лопнет, тогда эти надутые индюки и поймут. А до той поры... У меня сын студент. Мало ли что? Потом, есть еще богач Марголин, он тоже обидится за Меринга.

— А богач Бродский? Он станет на вашу сторону в случае чего.

Прозумент задумался.

— Марголин уже, считай, упустил домостроительное общество, — сказал он с расстановкой. — Упустил. А у него есть одна черта характера: он умеет договариваться. Это значит что?

— Что?

— Ай, вот что: они с Бродским ударят по рукам. Чуть раньше или чуть позже, но Давид Симхович помирится со Львом Израилевичем. Хотите, поклянусь еврейским богом, что так и будет?

— Мне-то все равно. Я сделаю дело и вернусь в Петербург. Вот вам тут жить.

— Ай, вы не правы. Только кажется, что Киев от Петербурга далеко. Эти люди могут навредить вам и в столице.

— Да будет вам, Лев Моисеевич. Кто, Меринг станет мне вредить? Ему сейчас не об этом надо думать, а о своей шкуре.

— Меринг — мелкий а-ван-тю-рист... — Старику явно нравилось это слово. — А-ван-тю-рист, и скоро это всем станет понятно. Но пока у него сильные заступники. Трепов потакает. А он в Петербурге на хорошем счету и еще сделает карьеру, вот увидите. Да... Что же мне делать?

— Все просто, Лев Моисеевич. Помогите мне советом, сведениями, бумаг каких-нибудь дайте с собой. Анонимно. Знаете это слово? Обещаю никому не называть ваше имя.

— Так да, так я могу, — обрадовался старик. — Заметьте: верю вам на слово.

— Конечно, поскольку хотите стать комиссионером при моем лесе, — съязвил сыщик.

— И это тоже.

Прозумент выложил на стол какие-то документы. Лыков взял их в руки: отчет строительного отделения.

— Свежие? Интересно.

— Вот особенно грустные цифры, Алексей Николаевич, — старик ткнул в бумагу желтым пальцем.

Отделение сообщало городской управе, сколько оно выдало разрешений на строительство домов в 1900 году. Цифры были такие: пять на одноэтажные дома, двадцать два на двухэтажные, двадцать восемь на трехэтажные, пятьдесят шесть на четырех— и девять на пятиэтажные соответственно. Заложены два шестиэтажных дома: на Николаевской площади в усадьбе Гинсбурга и на Прорезной улице в усадьбе бывшей Тарновского, а теперь Барского. Всего только май месяц, но других заявок не предвидится вследствие общего безденежья. В конце справки было указано: количество разрешений уменьшилось в четыре раза по сравнению

с предыдущим 1899 годом.

— В четыре раза! — поразился сыщик. — А Подгайный пел мне, что все хорошо.

— Дурные, очень дурные цифры, — прокомментировал хозяин. — Мы собирались сегодня в ресторане Стамати.

— Кто это мы?

— Мы — это люди, которые тащат на себе жилищное строительство в Киеве. Из подрядчиков были Гинсбург, Кучров, Алешин и я. Из кирпичников: Бернер, Михельсон, Рихтер и Арешников. Судили и рядили, как у вас, у русских, говорят. Что делать? Все несут убытки. Меринг набрал подрядов, раздал их нам, а теперь катится в пропасть.

— И к чему пришли?

— Решили просить Бродского, чтобы он выручил нас всех. А именно подал в суд на банкротство Киевского акционерного домостроительного общества.

— Но вы и сами можете это сделать, — удивился сыщик.

— Можем, — подтвердил Прозумент. — И давно бы сделали, но никто не хочет ссориться с самим Марголиным. А тут еще Гудим-Левковичи — им ничего не стоит натравить на нас Трепова. Говорят, дочка губернатора собралась за кого-то из них замуж. Нет, нам, евреям, лучше сидеть тихо.

— Бродский тоже еврей.

— Да, но какой! Коммерции советник, совладелец Александровского общества сахарных заводов. Вы знаете, что это такое?

— Самое большое в России по фабрикации сахара.

— Вот! Тринадцать заводов. На них изготавливают четверть всего русского сахара. Четверть, представляете?

— Лев Моисеевич, мне пора идти, — стал собираться Лыков. — Я могу взять с собой эти бумаги?

— Берите.

— Мне еще понадобится ваша переписка с Мерингом по вопросу долга.

— Зачем? Показать ее Витте?

— Да. Ведь зять сейчас поет ему сладкую песню, что все хорошо и беспокоиться не о чем.

— Но вы только что обещали мне а-но-ним-ность.

— Обещал. А теперь думаю, что вам надо перестать бояться. Меринг заигрался, пора его остановить.

Прозумент неожиданно легко согласился. Видимо, возможное участие Бродского придало ему уверенности.

— Хорошо. Я сделаю заверенные копии к следующей встрече. Договоры подряда, акты приема-передачи работ, расчетные ведомости...

— И хотя бы одно письмо самого Меринга. Такое, где он объясняет, что не может заплатить в срок.

Прозумент кивнул:

— Будет, и не одно.

— Еще просьба. Долгов Меринга перед вами может оказаться недостаточно. Я хочу поговорить с кирпичниками, которым КАДО тоже не платит. К кому лучше обратиться?

— К Арешникову, — без раздумий ответил старик. — Это серьезный деловик, один из первых по оборотам. Он арендатор Лаврского завода.

— В Лавре тоже делают кирпич?

— В больших количествах. Их кирпич по качеству лучший в городе.

— И что, монахи обжигают глину? — не поверил сыщик.

— Ай, какие монахи? Обычный завод, как все. Только деньги на него дала Лавра. И контора находится на ее земле, в Зверинце.

— В каком зверинце? В Киеве есть зоологический парк?

— Зверинец — это место за Печерском, край города. Там людей почти что нету. Маленькая слободка.

— Но почему Зверинец?

— Откуда я знаю? — пожал плечами старик ^[23].

— Значит, Арешников — крупный производитель кирпича? Тогда мне надо с ним познакомиться.

— Он, кстати, сегодня про вас спрашивал.

— Вот как? В связи с чем?

— Ну, не именно про вас, а вообще про ревизора, которого сюда прислал Витте. Вы, Алексей Николаевич, знаменитость в кофейне Семадени. Никто, кроме меня, вас в глаза не видел, но слышали о ревизоре все.

— А спросил один Арешников... Расскажите мне про него. Что он за человек?

— Основательный, — категорично заявил Прозумент. — На заводе порядок. Качество дай бог каждому. А еще Яков Ильич мне однажды помог, хотя я до сих пор не понимаю, как он это сделал.

— Кирпичник помог подрядчику? Это чем же? Срок поставки не нарушил?

— Смешно вам, а у нас тут разное случается. Помог он мне не как подрядчику, а как домовладельцу. У меня, видите ли, есть доходный дом на Нижне-Владимирской улице. Новый, на шестьдесят квартир. Выстроил я

его два года назад и тогда еще не понимал, как правильно с него выгоду получать. И по незнанию сдал весь дом управляющему в арендное содержание, целиком. Некогда было самому искать жильцов, торговаться с ними, выслушивать их глупые требования... А тут один раз сдал и сиди, получай доход. Так мне тогда казалось.

— Я догадался, — подхватил надворный советник. — На максимальный срок сдали? Ох, зря.

— Не сообразил, — развел руками Лев Моисеевич. — Никогда у меня прежде не было домов для сдачи внаем. Я и подумал, что все просто. А вот не просто оказалось.

Это был новый бич домовладельцев. Впервые проблема обрисовалась в Петербурге, а потом пошла по всем крупным городам. Максимальный срок сдачи недвижимости в аренду по закону — двенадцать лет. И многие собственники так и поступали. Вручали свое имущество управляющим, а некоторые даже старшим дворникам. Те быстро поняли свой профит. Арендная плата оговорена на двенадцать лет вперед. А цены, по которым сдаются квартиры, вдруг стали расти и расти. Разницу дворник кладет себе в карман, выкручивает руки жильцам, раз в полгода повышает плату. Не хочешь — иди вон, других найдем. А тот, кто построил дом, вложил в него свои деньги, получает малый доход, который не меняется все двенадцать лет. Сделать ничего нельзя: договор аренды заключен в соответствии с законом.

— Когда вы поняли, что вас обворовывают?

— Через шесть месяцев, когда узнал случайно, что плату управляющий повысил сразу втрое. Ай, нехороший он человек! Мне давал с квартиры двести рублей, а себе брал пятьсот пятьдесят. Мой дом, я его строил, затратил капитал, ночей не спал, переживал, отказывал себе во всем. А теперь Мовша Ивантер забирает доход. Палец о палец не ударив и ни копейки не вложив. Как так? И ничего нельзя изменить, я сам подписал договор. На двенадцать лет! Ай, старый дурак...

— Что вы предприняли?

— Сначала говорил с Мовшей, взывал к его совести. Но он только смеялся. Я нанял адвоката, хотя очень не люблю людей этой профессии. Тот выманил у меня много денег лишь за то, чтобы объявить, что судиться бесполезно. И тут я случайно рассказал о своей беде Якову Ильичу. В той же кофейне, к слову. Пожаловался на Мовшу Ивантера. Арешников предложил: я тебе помогу с этим прощелыгой, но ты за это станешь братом мой кирпич. При равной цене с другими. Почему бы нет? Качество отличное, завод близко. Знаете, сейчас большую часть кирпича делают не в

Киеве. В шестидесяти верстах вниз по течению есть местечко Триполье. А еще ниже Ржищев. Вот между ними сейчас много заводов. Там правый высокий берег — из синих глин. Очень хорошие глины! И кирпич везут оттуда. Арешникову каким-то образом удастся выпекать свой кирпич не хуже ржищевского. Не понимаю как, но не хуже.

— И что с Ивантером? Помог вам лаврский арендатор?

— Помог. Загадка, что он сказал прощелыге, какие слова нашел. Я, видимо, таких слов не знаю. Но Мовша добровольно расторг договор аренды и ушел из моего дома. Теперь сдачей квартир в нем я занимаюсь сам. И шишки мои, и пряники, вот.

— Где мне найти Арешникова?

— В два часа у Семадени, а в обычное время в заводе.

— В Зверинце?

— Нет, там только контора. Сам завод стоит на правом берегу Лыбеди, ниже завода Бернера.

Сыщик простился с подрядчиком и вышел на улицу. Он впервые оказался на Подоле, хотелось пройтись и поглядеть на это особенное место. Но при нем были бумаги, особо не разгуляешься. Алексей Николаевич дошел по Набережно-Крещатикской до памятника Магдебургскому праву. Вверх по круче копошились мастеровые, строили фуникулер. От суеты на пристанях у Лыкова зарябило в глазах. Он вернулся к станции железной дороги и на трамвае поднялся наверх. Один тарифный участок стоит в Киеве четыре копейки, до Фундуклеевской с питерца взяли восемь.

Он поднялся в номер, бросил там бумаги и спустился в буфет перекусить. Голова надворного советника была занята: он обдумывал услышанное. Арендатор кирпичного завода убедил управляющего дома расторгнуть выгодный для него договор аренды. Это как? Пришли с завода суровые мужики, перемазанные синей глиной, и предложили съехать? И управляющий не вызвал полицию, а действительно съехал? Тому лишь одно объяснение — что с таким арендатором лучше не шутить.

Лыков уже слышал о подобном случае. Не один Прозумент стал жертвой ловкачей. В Петербурге на Третьей Рождественской улице построили новый дом. Хозяин его, отставной таможенный чиновник, решил, что вот оно, счастье. Но возиться с жильцами ему тоже не хотелось, и он нанял управляющего. На восемь лет вперед. А тот резко взвинтил цены и всю выручку спокойно клал себе в карман, в полном соответствии с арендным договором. Хозяин спохватился, но поделаться ничего не мог, пока участковый пристав не посоветовал ему обратиться к некоему Пашке Арнауту. Тот вызвал дельца на разговор и показал ему нож. И не просто

показал, а еще и чиркнул по шее. Делец побежал в участок и вышел оттуда ни с чем. Сунулся в градоначальство, но там пристав уже поработал, и результат был тот же. Полицейские решили проучить наглеца и отказали ему в защите. Управляющий подумал-подумал да и сбежал по-хорошему...

Но там был известный маз, главарь шайки налетчиков. Иногда, до поры до времени, полиция таких терпит. Нужен волк в лесу, иначе зайцы совсем распояшутся. А здесь арендатор завода, принадлежащего самой Лавре. Не монах, но все равно где-то возле Бога ходит.

Решив расспросить о странном арендаторе здешних сыщиков, Алексей Николаевич отправился на Большую Житомирскую. Пора было снимать с Созонта Безшкурного первый допрос.

В сыскной части Лыкова ожидала неприятная новость: Асланов уже допросил арестованного. Конечно, имел полное право, поскольку вчера два сыщика не обговорили между собой этот момент. Однако этика обязывала надзирателя дожидаться питерца. Брали вместе, и потрошить надо сообща. Но, видать, в Киеве так не принято.

Спиридон Федорович сделал дело и уже куда-то убежал. Лыкову пришлось спускаться на второй этаж и самому брать «ивана» для повторной беседы. Он предъявил помощнику пристава Старокиевского участка свой открытый лист за подписью Сипягина. Тот обязывал всех чинов МВД оказывать надворному советнику Лыкову полное содействие. Увидев подпись самого министра, чиновник изменился в лице и не знал, как ублажить столичного гостя.

Когда уголовного привели, тот не скрыл удивления:

— Ваше высокоблагородие, нешто я такая большая птица? Серому барину^[24] все рассказал. Теперь еще и вы. Об чем говорить будем?

— Как ты Папа-Афонасопуло убивал.

— Ни папы у меня нет, ни мамы. И говорить мне, стало быть, нечего, — попытался отшутиться грантовщик.

— Но паспорт у тебя же нашли.

— Не знаю, откудова он взялся. Может, кто принес? Или борзые сами бирку^[25] подбросили, чтобы на Созонта чужой грех повесить?

Лыков слышал такие разговоры сотни раз. Кто из опытных арестантов сразу признается? Но тут было что-то особенное. Безшкурный попался с личным, обыск дал на него много материала. Каторги уж никак не миновать. А он спокоен, балагурит, подмигивает. В чем дело? Дважды за свою службу сыщик сталкивался с подобным поведением. Оба раза подследственные купили в тюрьме заговоры от суда. Это глупое суеверие

особенно распространено среди воров. Даже бывалые «красные»^[26] верят в подобную ерунду. Приобрел бумажку с абракадаброй и считает, что теперь кум королю. Но Безшкурный еще не был в тюрьме! Его сразу изолировали от других, посадив в одиночку съезжего дома.

— Ты что, Созонт, заговор от суда купил? — как бы невзначай поинтересовался Лыков.

— Не, чепуха это, для дураков.

— А чего тогда смеешься?

— Да есть причина, — загадочно ответил «иван».

— Поделись.

— А вы сами догадайтесь.

— Не знаю, честное слово. Может, Асланов тебе облегчение посулил?

— Ха! Кто же верит вашим посулам?

— Ну хоть намекни.

— Наменяю: год-то какой...

— Какой? — удивился сыщик. — Високосный. Все жалуются, что тяжелый. В Касьянов год худой приплод — слышал?

— Он не просто високосный. От сотворения мира семь тысяч четыреста восьмой. А от рождества Христова тысяча девятисотый. Первый год нового века! В такой что ни сделай, все с рук сойдет. Старинная примета, воровская. Раз в сто лет сбывается, — самодовольно пояснил арестант.

Лыков с трудом скрыл радость. На эту удочку «ивана» можно ловить. Сыщик, конечно, тоже знал такую примету. Но следующий век начнется лишь в будущем году. Малограмотный бандит спутал конец столетия с началом и решил, что останется без наказания.

— Ах вот ты о чем... Ну, у меня для тебя, Созонт, грустная новость. Поторопился ты маленько. Деятнадцатый век еще не закончился. А новый, двадцатый начнется первого января тысяча девятьсот первого года.

— Нашли убогого, — развязно заявил бандит. — Уж не знаете, как еще запутать человека. А вот хрен с репой! Созонта Безшкурного на хромой козе не объедешь. Сейчас у нас двадцатый век, любой малец подтвердит.

— Ага, на мальчика ссылаешься. Давай проверим.

Алексей Николаевич кликнул дежурного и приказал принести два коробка спичек^[27]. Новых, непочатых. Арестант сразу набылчился:

— Это зачем?

— Скоро увидишь.

Коробки принесли. Лыков открыл их и вывалил содержимое на стол.

Взял из кучи спичку и отложил в сторону.

— Вот, первая. Сколько в веке лет?

— Ну сто.

— Давай, отсчитай столько же.

Бандит послушно разложил на столе нужное количество, все более и более нервничая.

— Отсчитал?

— Так точно. Ровно сотня.

— Вот. Первый год нашего века так и называется: тысяча восемьсот первый. Давно дело было, еще в государях Павел Петрович ходил.

Безшкурный слушал напряженно, пытаясь ничего не упустить.

— Затем тысяча восемьсот второй, — продолжил Лыков, перекладывая спички справа налево. — Третий... четвертый... пятый...

Так он переложил их все. Последняя спичка стала тысяча девятисотым годом.

— Понял теперь? Называется по-новому, но век еще старый. Не новый. А если считать так, как ты, то получится в веке девяносто девять лет.

«Иван» думал несколько секунд, потом лихорадочно стал заново перекладывать спички. Вдруг он вскочил и сильно ударил себя кулаком по лбу.

— Ах, дуроплясина! Ах, подольское ракло! Поверил. Кому поверил?!

— Созонт, ты чего?

— Ну погоди у меня, змеиное сало... Ну соскоблю я с тебя филей...

— С кого? Кто тебя так обмишурил?

— Ах, ирод, чертово семя! И я хорош. Это ж курам на смех. Узнают — пальцем показывать станут. На меня! На меня, который уж пять лет как «иван»!

— Созонт! — прикрикнул сыщик. — Излагай.

— Да гуляли мы на Рождество, и Серега Пивень вспомнил эту примету. Что год-де будет тучным, потому как раз в сто лет вору следует удача во всем. Лови не зевай! Я и поверил. Сижу вчера в царевой даче^[28] и понять не могу: если год тучный, почему же я здесь? А вот почему...

— Чего от тебя Асланов хотел?

— Того же, что и вы. Сознаться требовал, что это мои ребята оценщика кончили.

— А разве не так?

— Нет! Вот чем хошь поклянусь!

— Знаю я ваши клятвы. Паспорт ведь у тебя нашелся.

— Не знаю, как свалился он на мою голову. Про человека того разговор был. Сказали мне ребята, что ездит он чуть не каждый вечер в Петровский парк. В мой, стало быть. Деньги играет. То густо, то пусто у него. И просили разрешения почистить гостью кишению^[29]. Но я запретил.

— Почему?

— Справку потому что навел. Прежде чем кого щипать, я сначала должен все разнюхать. А то неровен час, накличешь беду.

— И что узнал?

— Фамилия того оценщика — Афонасопуло. Так?

— Так.

— Вот. Отец его был полковник и личный ординарец генерал-губернатора Дрентельна. Который с лошади на параде упал и помер. Так?

— Верно.

— Оттого я и запретил. С такими благородиями шутки плохи. Полиция для них в лепешку расшибется, это не купца на грант взять или там другого богача.

— Кто может это подтвердить? Парнишка, что тебя охранял, может?

— Федос? Не, он не при делах, молодой пока. Караульщик, эти его в растуды! Проспал облаву.

— Тогда кто?

— А вот который справку наводил, он и подтвердит. Яшка Гицель зовут.

— Как его найти?

«Иван» пожал плечами:

— Каждый вечер он в «Венеции» сидит, распоряжение ждет.

— А что он за человек?

— Яшка? Да жидок, возле моей персоны обретается. Сам-то я на правый берег не суюсь. А он вроде как на посылках: разнюхать что, сгношить, достать. Наводчиком может, на цинке постоять, блатаков с Толкучего знает. Фикс с наховиркой в финаги умеет обернуть. Так он ветошный, но полезный человек^[30]. Про оценщика Гицель узнавал согласно прямому моему приказу, мне же и докладывал. При ребятах. И как я их окоротил, слышал. Споймайте его, он подтвердит.

— Споймайте... Легко сказать. Сейчас в ресторации шаром покати, вся твоя банда разбежалась. Скажи, где их взять, мы у них и спросим. Будет тебе алиби.

— Амба мне будет за такие дела, а не алиби. Плесом бить^[31] не приучен. Нашли чего «ивану» предлагать, ваше высокоблагородие...

Обида уголовного была даже смешна. Сыщик смирился:

— Черт с тобой. Сиди в катажке, пока мы того Гицеля не отыщем.

— А переведите меня в тюремный замок, ваше высокоблагородие. Скучно здесь, поговорить не с кем.

— Это как местное начальство решит.

Сыщик вернул арестанта в камеру и поднялся в сыскное. Там его поджидал Желязовский.

— Ну, допросили атамана?

— Да, только что от него.

— Сознался?

— Что Афонасопуло убил? Нет, отрицает.

— Они все отрицают. Паспорт — веская улика, не отвертится. А когда мы в отобранных вещах разберемся, на долгосрочную каторгу хватит.

— Не уверен, — скептически сказал надворный советник. Но пристав объявил:

— Спиридон обещал, что будет каторга молодцу, значит, она будет.

Видимо, Асланов был для поляка высшим авторитетом.

— Где он, кстати? — поинтересовался Алексей Николаевич.

— Поехал опять в Никольскую слободу, бесстрашный человек. Караульщик молодой, Спиридон надавил на него, кулаки размял. Тот и раскис. Сдал притон, где шайка квартирует. Вот, жду его, может, еще добычи привезет... Давайте вместе ждать. Не желаете пока кофе или чаю? И вопрос у меня к вам есть, уж извините, шкурный. Не скажете, сколько в петербургской полиции сыскные получают? Мне для проекта нужно.

— Проекта новых штатов?

— Да. Мы хотим завести в отделении хоть трех-четыре полицейских чиновников...

За такими разговорами прошла четверть часа. Лыков собирался уже откланяться, когда появился Асланов. Он был, как всегда, энергичен и весел.

— Есть! — крикнул околоточный с порога.

— Много взял? — первым делом спросил Желязовский.

— На двух пролетках привез. До вечера разбирать будем. Так сходу не скажу, а завтра представлю реестр со своими соображениями: у кого что стырено. Сегодня мы без Алексея Николаича пожаловали, так собаки чуть не сожрали! Пришлось двух застрелить.

— Безшкурный сознается, когда вещи увидит?

— Куда ему деваться? Конфискат — главная улика. Парень, которого мы вчера сцапали, Федосом зовут, уже сознался. Мы в притоне еще одного

схватили. Начну ему зубы пересчитывать — сразу запоет кочетом. А упрется, так у меня есть резиновая плеть... Каторга, каторга им всем! Как я и обещал.

— Ну иди, работай.

Лыков вышел вместе с околоточным и спросил его укоризненно:

— Что ж меня не дождались, Спиридон Федорович?

— Вы про допрос «ивана»? Начальство торопило. Полицмейстер в отпуск собирается, ему для доклада губернатору хорошие новости нужны. А так что ж... Лично я считаю убийство Афонасопуло раскрытым.

Лыков стоял и думал: говорить ему про Гицеля или нет? Но вместо этого спросил:

— Вы знаете Арешникова?

Что-то изменилось в лице надзирателя. Что это, любопытство? Нет, скорее настороженность.

— Арешникова? Якова Ильича?

— Да.

— Лично не знаком. А что вам от него нужно?

Надворный советник за рукав отвел татарина в сторону. Они присели на подоконник, и Лыков сказал доверительным голосом:

— Только между нами.

— Могила.

— Вы знаете, Спиридон Федорович, что мне поручено министром Витте собрать сведения о положении дел его зятя Меринга?

— Да, пристав рассказывал.

— Так вот, Меринг вчера уехал в столицу.

— Ага...

— Вот-вот. Ясно, что там он станет врать и изворачиваться. И гадить мне на голову.

— Само собой, — согласился Асланов.

— Мне нужны цифры и факты, которые докажут Витте мою правоту.

— Кажется, понимаю.

— Я принялся собирать такие факты. Меринг всем должен: банкам, подрядчикам, кирпичникам. Вот этот перечень долгов я и предъявлю министру. Надеюсь, солидный предприниматель не откажет мне в просьбе. Так вы могли бы рекомендовать меня этому человеку?

Асланов задумался. Или только сделал вид — надворному советнику все меньше нравилась его реакция.

— Мы, сыщики, никак с этими кругами не связаны... Нет, не сумею.

— Тогда хоть скажите, что знаете об Арешникове. Характер, манеры,

чем мне его пронять, чтобы помог.

— Ну, кирпич у него лучший в городе. Обороты большие. Если кому и должен Меринг, то ему в первую очередь. А про характер сказать мне трудно. Арендатор Лаврского завода! Это же какое доверие человеку. Там кого попало не поставят. Такие вопросы решаются лично высокопреосвященнейшим Иоанникием, митрополитом Киевским и Галицким, священноархимандритом Лавры.

В придыхании, с каким околоточный произносил титулы, Лыкову почудилось тоже что-то наигранное, неестественное. Хотя тут есть объяснение: татарин крестился, это может быть восторг неопита...

Алексей Николаевич поблагодарил надзирателя за справку и ушел. Он решил пока не рассказывать ему ни про Яшку Гицеля, ни про подлинные причины интереса к Арешникову. Киевское начальство не просто так приставило к столичному чиновнику своего лучшего сыщика. Задача у него — надзор за гостем, это понятно. Надворный советник поэтому хотел обсудить новые сведения со вторым надзирателем отделения, Красовским.

Глава 7. Красовский

Найти Николая Александровича оказалось легко, он сидел в столе регистрации и что-то записывал. А вот как поговорить без свидетелей? Улучив момент, Лыков глазами показал ему: выйдите. В коридоре никого не было, и питерец шепнул:

— Где и когда мы можем увидеться?

— Шесть часов, Львовская площадь, трактир «Волынь».

Надворный советник кивнул и побежал вниз по лестнице. Вдруг сверху его окликнули:

— Алексей Николаевич!

Это оказался Асланов.

— Слушаю, Спиридон Федорович.

— Безшкурный просится в губернскую тюрьму. Вы не против?

— А вам как удобнее?

— Мне удобнее согласиться. Переведем «ивана» туда, ему начнут с воли письма писать. А я буду их читать. Есть там у меня для этого людишки.

— Ох и ловкий вы, Спиридон Федорович!

— Тем и живем, — ответил околоточный и убежал наверх.

Лыков не спеша пообедал, прилег в номере на диван. Обдумал снова и снова полученные сведения. Асланов действительно ловкий человек, и он на своем месте. Но, если верить интуиции, больше доверия вызывает Красовский. Надо, не сталкивая лбами двух околоточных, использовать их обоих. И перепроверять слова одного через другого.

На всякий случай сыщик принял меры. Поблизости от гостиницы, на Театральной, было огромное здание управления Юго-Западных железных дорог. Алексей Николаевич зашел туда, проверяясь по пути. «Хвоста» он не заметил, но это еще ни о чем не говорило. Побродив по коридорам, питерец разглядел из окна подозрительную фигуру напротив входа. Человек стоял за тумбой и будто бы читал афишу. Так-так... Киевское начальство желает знать, чем занят командированный по вечерам.

Лыков спустился на двор через служебный ход. Оттуда в ворота как раз выворачивала коляска. Укрываясь за нею, сыщик выскользнул на улицу и быстро удалился. Вроде бы «хвост» отстал. Для верности сыщик повторил номер в Софийском соборе: вошел через один притвор и сразу вышел через другой. Ровно в шесть он был в трактире.

Заведение оказалось с претензией. Половые в малоросских вышитых рубахах предлагали горилку и почему-то польский рубец.

Красовский поджидал питерца в отдельном кабинете. Первое, что он спросил, — не было ли за ним слежки. Алексей Николаевич рассказал про зеваку за тумбой и про то, как сбежал от него.

Николай Александрович задумался, потом произнес:

— Да, обложили... Меня вызвал сегодня Желязовский и приказал докладывать обо всех разговорах с вами.

— А вы?

— Обещал, разумеется.

— И будете докладывать?

— А это я уж сам решу. Начинайте. Что вас интересует на этот раз?

— Есть две новости, и обе я скрыл от Асланова, — сообщил Лыков. — Не знаю почему, но скрыл.

И он рассказал Красовскому сначала о Яшке Гицеле, а затем об арендаторе Лаврского кирпичного завода. Последняя история заинтересовала Николая Александровича.

— Кирпичник выгнал управляющего доходного дома? Как ему это удалось?

— Вот вопрос. Тот был защищен юридически, суда не боялся, над стариком Прозументом лишь посмеивался. Но вдруг бросил выгодное дело и съехал.

— Словно его попросил уйти не кирпичник, а маз шайки головорезов, — подхватил Красовский.

— Вы слышали что-нибудь об этом Арешникове?

— Только фамилию. Никаких сигналов на него не поступало. Но можно проверить...

— Как, Николай Александрович?

— Поедьте сейчас в Юрковицу, — предложил околоточный.

— Юрковица? Это далеко?

— Так называется одна из гор, что стоит над Подолом. Неподалеку еще старообрядческое кладбище.

— А зачем нам туда?

Красовский начал пояснение издалека:

— Исправительно-арестантское отделение должно как-то занимать узников. Раньше они переносили по городу мебель...

— Арестанты — мебель? — не поверил своим ушам Лыков. — Это кто ж додумался? Они бы еще полотерами их сделали!^[32]

В исправительном отделении сидят преступники с малыми сроками

заклучения, преимущественно воры. Заставлять их таскать обывательскую мебель — глупая затея. Опытному вору достаточно раз пройтись по квартире, и он все поймет. Какой отмычкой отпереть замок, где вероятен тайник, насколько продажны лакей и горничная... Пустили козла в огород!

— Начальство долго поощряло это, — продолжил надзиратель. — «Красный» отсидит срок и наведается в присмотренную квартирку, погромит ее... Пошли жалобы. Наконец решили: пусть лучше арестанты делают кирпичи. И тюремное ведомство год назад арендовало завод в Юрковице. Выстроило там казарму на сто двадцать человек. Арестанты — чернорабочие, а формовщики — вольнонаемные.

— Ясно. Нам туда зачем? Справку взять?

— Да. Начальником работ состоит мой товарищ Иван Иванович Вздудский. Спросим, что слышно про его коллегу, лаврского арендатора. Он мужичков своих попытает. Вдруг что и всплывет?

Предложение Красовского дало неожиданный результат. Два сыщика приехали в Юрковицу на тюремный завод. Вздудский, живой общительный мужчина, сразу схватил суть дела.

— Сам я про Арешникова мало знаю. Серьезный, ничего не скажешь. Качество у него — дай бог нам такое. Но вот что. Главный формовщик у меня оттуда. Работал в Лавре, а теперь здесь. Надо полагать, не просто так с хорошего места ушел.

— А он словоохотливый? — насторожился Лыков.

— Сейчас и узнаем.

Явился жилистый мужик лет сорока, угрюмый и шмыгающий носом. Поглядел исподлобья на сыщиков, выслушал их вопрос и сказал:

— Арешников как Арешников, завод как завод.

— Ничего такого там не было?

— Смотря про што спрашиваете...

— Да ты уж понял, про что, — жестко ответил надворный советник. — Мы из сыскной полиции.

— А, про это... Ну был один случай.

— Не тяни кота за хвост, рассказывай.

— Дом строили на Малой Подвальной. Той осенью. Ну и эта... Подрядчик отказался от нашего кирпича. Вишь, другой нашел. Лучше-де нашего. Вот. У иного кирпичника.

— И что дальше было? Арешников не спустил?

— Ага. Он вообще... никому не спускает.

— Чем кончилось?

— Кирпичник тот в окошко выпал. С четвертого этажа. А строитель

посля того уж только наш кирпич заказывал.

— Как фамилия кирпичника?

— Шнарбаховский вроде.

— Все?

— Все.

— А полиция дело дознавала?

— Нет.

— Почему?

— Выпал и выпал. Всякое на стройке бывает. Только, ваши благородия, я вам ничего не рассказывал. Яков Ильич за такие слова язык отрежет, коли узнает.

— А почему ты ушел оттуда?

— Не ушел, бегом убежал. Потому — боязно. Там, конечно, завод. Рабочие работают, печи горят. Но есть команда, при дирехторе, она кирпич не формует. Она для другого.

— Для чего? — быстро спросил Лыков.

Мужик посмотрел на него, как на дурачка, и промолчал.

Сыщики отпустили его, поблагодарили Вздутьского и поехали назад. Всю дорогу они молчали, опасаясь говорить при фурмане. Когда снова оказались в чистой половине трактира, Алексей Николаевич пробормотал:

— Да... Вот тебе и Лавра...

— Что-то не вяжется, — возразил Красовский. — Мало двух случаев.

— Мало? Да тут не кирпичный завод, а притон!

— Надо проверить, — упрямо ответил надзиратель. — Я пойду туда завтра, понюхаю, чем пахнет.

— Вы сколько лет в киевском сыскном отделении служите?

— Девятый год пошел.

— Вот видите. Опасно вам идти, могут узнать. Я пойду.

— Вы? — удивился Красовский. — Чиновник особых поручений Департамента полиции в седьмом классе?

— Да. А что такого? Не бойтесь, Николай Александрович, я ведь не кабинетный деятель. Всю Россию до Забайкалья прошел по этапу под видом уголовного, когда начальство приказало. А тут кирпичный завод навестить.

— Но как?

— У вас найдется конспиративная квартира с гримерным депо?

— Найдется.

— Вот там и перелицуете меня в босяка, ищущего места.

— Ну что ж, резон в ваших словах есть, — согласился околоточный. —

Давайте чайку попьем да и поедем.

— Куда? — не понял Лыков.

— А вы Яшку Гицеля разве искать не будете?

— Да... Уж из головы вылетело. Вы что, знаете этого человека?

— Никогда такой клички не слышал.

— И как мы его искать будем? Через вашу агентуру?

Красовский усмехнулся:

— Вам не сказали, что означает слово «гицель»? Так в Киеве называют ловцов бродячих собак.

Питерец лишь развел руками.

— Поэтому мы с вами сейчас поедем к даче Кинь-Грусть.

— Веселиться будем?

— Нет. Это за Приоркой, местность отдаленная и непрестижная. Там поля орошения и канализационные луга. Бывали в таких?

Поля орошения заведены в России всего в трех городах: Москве, Одессе и Киеве. Хотя в Европе они используются широко и постоянно, еще со времен Древнего Рима. Ассенизаторы вывозят нечистоты на поля и разливают их там равномерно, два-три раза за летний сезон. А осенью запахивают, чтобы весной засеять овощами или злаками. Главное — не употреблять их потом в сыром виде.

— Запашок вокруг них с ног валит, — продолжил Красовский, — но мы в сами поля не пойдем. Повозле есть усадьба Блювштейна. Это городской подрядчик, бродячих собак с улиц убивает. Или, как это зовется в Киеве, антрепренер. Четыре тысячи псов, между прочим, истребляет в год, живодер. Салотопка там у него своя, а шкуры продает... И люди по найму, те именно гицели, которые нам и нужны. Приедем и спросим у господина Блювштейна про Яшку.

— А он на месте будет? — усомнился Алексей Николаевич. — Вечереет.

— Как раз время выручку считать. Поехали?

Плоский полицейский участок самый большой в городе — чуть не половина территории. По бесконечной Кирилловской улице пролетка направилась прочь от киевских гор. Миновали богоугодные заведения. Переехали через ручей Сырец, на котором лагерем стоят в летнее время войска. Куреневка поразила однообразием строения, преимущественно деревянного. Открылась другая улица, еще длиннее — Вышегородская.

— Николай Александрович, а почему Кинь-Грусть? — поинтересовался Лыков.

— Есть предание. В Киев прибыли Екатерина с Потемкиным, а их

встретили недостаточно важно. Ну и государыня удалилась в эту загородную местность, повеселиться. Неделю весь царский поезд жил в шатрах, пили-ели, пускали шутихи. Потемкину уж надоело, а государыне еще нет. И вот вытащила она его утром гулять, а тот злой с похмелья... Екатерина и говорит: «Григорий, кинь грусть!».

Сыщики посмеялись, затем питерец спросил уже серьезно:

— Что если Блювштейн не захочет нам помочь?

— Захочет, — уверенно ответил киевлянин. — Договор с управой подписан на шесть лет, он истекает осенью. А на антрепренера много жалоб. Его гицели давно уже ловят не бродячих собак, а домашних, причем дорогих пород. И потом ждут.

— Что явятся хозяева их выкупить?

— Да. И наживают на этом барыши. Знаете, есть такие чудаки, что за своего кобеля никаких денег не пожалеют. А он как унюхает сучку во время расходки, так срывается и бежит. И попадает в Кушелевский переулок, куда мы теперь направляемся.

— Думаете, Блювштейн накануне продления контракта не решится спорить с полицией?

— Уверен. Все расскажет.

Они ехали и ехали. Вдруг Лыков заметил:

— Вон та повозка тянется за нами с Кирилловской площади.

Околоточный не стал оборачиваться, а приказал извозчику:

— Встань и поправь упряжь. Так, не спеша.

Возница повиновался. Седоки сидели и ждали, пока колымажка поравняется с ними. Это оказалась фура с невысокими бортами, выкрашенными масляной краской. Такой же краской была пропитана и парусина фургона. На козлах сидел курчавый мужик, похожий на цыгана. Он мрачно покосился на сыщиков и проехал мимо.

— Развозчик мяса, — пояснил Красовский. — Им полагается доставлять его с боен в лавки вот в таких крашеных повозках.

— Что он тут делает вечером? — усомнился надворный советник.

— И здесь люди живут.

— Поглядим, куда он дальше.

Мясоторговец проехал еще сажень сто и свернул направо.

— Действительно странно, — пробормотал надзиратель. — В тех краях только ассенизационные станции. Жилья нет.

— Станции?

— Ну, большие ямы, куда золотари сливают говно. Потом оттуда его разливают по полям орошения.

— Золотари съезжаются туда ночью, — стал рассуждать Лыков. — Им тоже хочется есть. Это мы по ночам спим, а у них самая работа. Ну, наверное, там костер жгут и мясо жарят... Невзирая на ароматы.

— Может быть. Правда, людей там по ночам мало.

— Почему мало? — удивился питерец. — Разве у вас днем дерьмо вывозят? Это было бы забавно...

— Дерьмо у нас, Алексей Николаевич, преимущественно поступает по трубам. Кроме обычной домовой канализации, в Киеве имеется еще центральная, шоновская. Слышали о ней?

— Шоновская? Ни в Питере, ни в Москве такой нет.

— А у нас есть. Гидропневматическая система английского инженера Шона. Фекальные массы собираются в главный бассейн, а оттуда по кирпичным и чугунным трубам их перегоняют в поля ассенизации. Трубы тянутся через Подол и Куреневку на многие версты. А толкает дерьмо сжатый воздух.

— Ну и ну, Киев и здесь впереди всех! Стало быть, большая часть отходов поступает в поля из трубы? А золотари добирают с городских окраин, где канализация отсутствует?

— Именно. Поэтому по ночам они, конечно, ездят и воняют. Но не как в Москве.

— Однако рожа у возницы нехорошая, — завершил питерец.

Рассуждать дальше про дерьмо было некогда — они прибыли на живодерню.

Кушелевский переулок соединяет Старо-Заварскую улицу с Ново-Заварской. Место отдаленное и глухое. «Завод» Блювштейна представлял собой длинный деревянный сарай. В одном конце его находилась контора, все остальное пространство было забито клетками. Собачий вой не смолкал ни на секунду. В ряд стояли повозки с зарешеченными будками, куда гицели помещали свою добычу. За сараем притулилась постройка поменьше, с печью. Из трубы валил дым, смрадные запахи мешали дышать.

— Салотопня, — пояснил Красовский. — Как они тут живут?

Навстречу сыщикам выскочил антрепренер:

— Николай Александрович! Какая радость. Или опять что-то случилось и вместо удовольствия говорить с вами я буду страдать?

— Добрый вечер, Наум Маркович. Вот сейчас и выясним.

— Ай-яй! Тут ошибка. Никаких догов и терьеров мне не привозили. Если не верите, обойдите все клетки.

Сыщик отвел хозяина в сторону, познакомил с Лыковым и сказал:

— Нас интересуется некий Яшка Гицель. Он замешан в нехороших

делах. Проще говоря, состоит наводчиком при шайке Безшкурного, главного бандита в Никольской слободе.

— Яшка? А не мои песики?

— Сегодня до песиков нам нет никакого дела. А вот парня отдайте. Это в ваших же интересах.

— Ай, зачем я буду его покрывать? Вовсе не для чего. Он мне не родня.

— Значит, есть у вас такой человек?

— Господин околоточный надзиратель, прошу зачесть, как я добровольно и со всей душой помогаю полиции...

— Обязательно запомню это, Наум Маркович. Так что с Яшкой? Он сейчас не в заводе?

— У меня работает двадцать гицелей, и среди них только один Яков. Фамилия его Бурвасер. И таки вы правы, он темный человек. Я не желаю знать, чем он занимается, но собак Бурвасер привозит меньше всех. А денег у него почему-то больше всех.

— Он связан с Никольской слободой?

— Рассказывал как-то. Это ведь там Петровский парк и ресторан «Венеция»?

— Там. А что именно рассказывал Бурвасер?

— Ай, он хвастун. Знаете, есть маленькие люди, которым хочется казаться значительными. Яков болтал, какой он там важный гость, все с ним здороваются, официанты обращаются по имени-отчеству...

— Понятно. Как нам его найти?

— В конторе у меня лежат письменные условия^[33], в них есть домашний адрес. Соблаговолите подождать?

— Соблаговолим.

— Может быть, пока чаю? Или горилки?

— Запах у вас здесь, Наум Маркович, такой, что не располагает. Ни к чаю, ни к горилке. Давайте адрес, и мы уедем.

Блювштейн ушел и через минуту вернулся с листом бумаги. Там было написано: «Шулявка, Дачная улица, усадьба Гоаны Регоровской».

Сыщики ринулись в Шулявку. Обоих уже охватил азарт преследования. Темный человек, хвалился знакомствами в ресторане, принадлежавшем Созонту Безшкурному. Он, Яшка Гицель! Если парень сейчас подтвердит, что «иван» приказал не трогать оценщика, вся официальная версия летит псу под хвост. Асланов не обрадуется...

Пролетка спустилась в овраг, который прорыл Сырец. Когда она въехала на мост, Лыков краем глаза увидел какое-то движение в кустах. Он

не раздумывал ни секунды: схватил Красовского за шею и сильно пригнул. Наклонился и сам, крикнув вознице:

— Гони!

Тут же раздался выстрел, и пуля просвистела у них над головами. Извозчик не растерялся и огрел лошадь сильным ударом. Пролетка рванула наверх и помчалась что есть мочи по шоссе.

— Однако... — выдохнул надзиратель, распрямляясь. — На мосту шалют иногда по ночам. Но до стрельбы еще не доходило. А чтобы вот так, засветло...

Они обогнули Кирилловские богоугодные заведения и покатали на юг. Фурман, когда понял, что обошлось, попросил у господ добавки. Смыть страх, как он выразился. Лыков тут же выдал ему трешницу:

— На-кося. Скажешь в кабаке, что под пулями побывал.

— А що ж! Просвистіла, зараза, начебто комар. Другий раз вже, ваше благородіє, в мене стріляють, і обидва рази Бог оберігає.

— Так сходи в храм, поставь свечку. А ты в кабак собрался.

Понизив голос, питерец спросил киевлянина:

— А вы как думаете, за кем охотились? Не в извозчика же целили.

— Может, солдатики озоруют? Там их целый лагерь, всякие люди найдутся, в том числе и разбойного нрава.

— Может, — согласился Лыков. — К тому же стреляли из винтовки. Но у меня все не идет из головы развозчик мяса. Кажется, это был «хвост». Увидел, что мы остановились. Понял, что заподозрили неладное. Проехал мимо. А потом вернулся и предупредил засаду. Ведь другого пути в город нет?

— Можно обогнуть Куреневку и стрельбище тридцать третьей дивизии. Выхать на Старо-Житомирскую почтовую дорогу или на Брест-Литовское шоссе. Но так никто не ездит, особенно в сумерках.

— Значит, высока была вероятность, что мы поедем обратно тем же путем. Уже темнеет, на спуске лошадь сбавит ход. Идеальное место для засады.

— Но кому понадобилось нас убивать? — чуть не закричал Красовский.

— Тише, не пугайте фурмана, а то мы от него не откупимся. Но вопрос хороший.

В темноте они подъехали к усадьбе Регоровской. Собака у калитки пробовала гавкнуть, но учуяла Лыкова и сбежала в глубь сада. Там угадывались бани и флигеля, но свет нигде не горел. Зато в доме была иллюминация.

Сыщики без стука вошли в сени, из них проникли в прихожую. Там одиноко висело мужское летнее конфекционное пальто. Красовский обнюхал его и сказал шепотом:

— Псиной пахнет. Здесь он.

Сыщики ворвались в гостиную. За столом сидели двое. Один был мужчина лет тридцати, семитской наружности, щуплый, в крикливом жилете по-домашнему. Рядом с ним — женщина его же возраста, очень полная и ярко накрашенная.

— Ах! — воскликнула она от неожиданности.

— Яков Бурвасер?

— Да. А в чем, собственно...

— Сыскная полиция. Выходи, поговорить надо.

Надворный советник без церемоний взял гицеля за ворот и вывел в соседнюю комнату. Сыщики обступили пленника.

— Признавайся, Созонт Безшкурный поручал тебе следить за оценщиком Афонасопуло?

— Какой Безшкурный, какой оценщик? — фальцетом ответил гицель. — Я ничего не знаю, мирно кушаю, тут ворвались и угрожают. Даже документы не показали.

— Документы надо предъявить, — кивнул Лыков. Николай Александрович полез было за сыскным значком, но питерец остановил его. Он вынул свой билет и протянул наводчику. Бурвасер прочел и не поверил своим глазам.

— Департамент полиции? Это который в Петербурге?

— Тот самый. Не сидел еще в Петропавловской крепости? Там есть рavelин, очень холодный. Меня специально прислали за тобой, чтобы закатать в него на двадцать лет!

— Но за что?! Я ловлю бродячих собак. Да, это жестоко, но за что меня в Петропавловскую крепость?

— Вот, смотри. Это протокол допроса Безшкурного. Он тебя сдал: ты наводчик в его банде. Нам известно, что ты по поручению главара узнавал про Афонасопуло, оценщика Киевского частного коммерческого банка. А потом того убили.

— Это не я! — взвизгнул ловец собак. — Хозяин приказал, я выяснил. Остального не знаю.

— «Иван» действительно велел своим не трогать оценщика?

Бурвасер замаялся. Что-то мешало ему сказать правду.

— Я... можно, я отвечу вам позже?

— Почему не сейчас?

— Мне... я должен прийти в себя. Это так неожиданно. Голова кругом идет, я не знаю, не знаю!

— Что не знаешь?

— Как ответить правильно, чтобы не ошибиться. А потом, сегодня шабат, еврею ничего нельзя, ничего!

Алексей Николаевич приблизил свое лицо к лицу гицеля и произнес с расстановкой:

— Наплевать мне на твой шабат. Скажи только, да или нет. Без протокола. А протокол подпишешь потом. У тебя будет время подумать.

— Да, — ответил Бурвасер. — Созонт Егорович запретили трогать этого человека. Сын адъютанта генерал-губернатора... Мало ли что? Созонт Егорович сказали: пусть играет. Но я вам этого не говорил. Можно все остальное завтра?

— Конечно. Ты хочешь с кем-то посоветоваться? Советуйся. Завтра в два часа дня приходи в сыскную полицию с вещами. Возможно, запру тебя в тюрьме, если твои ответы мне не понравятся.

— Я приду, обязательно приду. Но можно не в полицию? И не днем, а вечером. Днем я не успею.

Лыков задумался. Гицель тянет время, хочет с кем-то переговорить. Дознание следователю еще не передали. Значит, сыщик может арестовать Яшку своей властью прямо сейчас. Но вдруг тот замкнется и не даст показаний? Бейся с ним... Давить, чтобы пришел завтра в два в полицию? А зачем? Если соврет, так все равно соврет. И откажется от своих слов насчет Безшкурного. Красовский — свидетель признания, но опытный адвокат на суде легко измажет его грязью. Мол, рука руку моет, один сыщик подыгрывает другому. Пусть Бурвасер посоветуется, с кем хочет. Завтра по тому, какую линию поведения он займет, многое станет ясно.

— Хорошо. Когда и где?

— В саду «Шато-де-Флер», в вокзале. Кабинет номер восемь.

— Ишь какой затейник. Думаешь, я стану тебя там поить шампанским «Анри Рёдерер»?

— Я думаю, что смогу доказать вам свою полезность, господин чиновник особых поручений, — очень серьезно ответил гицель. — Я много знаю, хотя еще больше не знаю. Вечером мне будет проще дать вам правильный ответ.

— Вечером?

— Да, в половине десятого. Если можно.

Лыков покосился на Красовского, тот кивнул.

— Ну хорошо. Завтра в восьмом кабинете вокзала, в половине

десятого вечера. Только не вздумай меня обмануть.

— Ни боже мой!

Сыщики, не прощаясь с дамой, прошли через гостиную и оказались во дворе.

— Что вы об этом думаете? — спросил надворный советник, усаживаясь в пролетку.

— Самое главное Яшка подтвердил: Безшкурный не убивал оценщика. Это хорошо. Но он хочет с кем-то посоветоваться. Это плохо.

— Согласен. После разговора Яшка может отказаться от своих слов. Кто, по-вашему, у него в консультантах?

— Понятное дело, ребе. Но может быть и какой-нибудь присяжный поверенный. В Киеве у каждого еврея, даже гицеля, есть свой адвокат.

— Или кто-то из блатных, — предположил Лыков. — Но кто? Подручные Созонта? Мы их не найдем, они попрятались по притонам. А Яшка знает адреса. Взять бы его в проследку, а?

— Для этого придется рассказать все приставу Желязовскому, — развел руками надзиратель. — Я лицо подчиненное. Помогаю вам против воли начальства, мне же за это и достанется.

— Да, рассказывать пока рано.

— Вы вот что, Алексей Николаевич, за меня не переживайте. Пристава я не боюсь. Скажу, что выполнял ваши приказания после того, как вы предъявили мне открытый лист.

— Все равно по голове не погладят. Надо было поставить в известность начальство, а вы не поставили.

— Черт с ними! Давайте лучше о деле. В гостиницу вам сейчас идти нельзя.

— Вы так считаете, Николай Александрович?

— Нельзя. Мы же хотели вас завтра поутру загримировать и послать в Зверинец, помните?

— Конечно. Я думал отыскать вас пораньше.

— Нет, лучше не показываться никому. Поедемте сейчас на явочную квартиру. Там переночуем, все для этого в квартире имеется. И грим тоже есть. Отправитесь в Зверинец оттуда, как рассветет.

— И то верно. За нами все-таки следили, кто — не знаю. Может, уголовные, а может, и Асланов по поручению Желязовского. Эти двое меня даже не стесняются. Вчера Спиридон бросил приставу в бюро пачку денег, завернутую в газету. Представляете, Николай Александрович? А сегодня заявил, что привез из притона Безшкурного много вещей. Станет их делить.

— Он поделит, — ухмыльнулся надзиратель. — Что получше, себе

возьмет, и в протоколе этого не будет.

Вечер Лыков провел на явочной квартире сыскной полиции. Она располагалась в доходном доме на углу Кузнечной и Караваевской, напротив Ботанического сада. Николай Александрович пояснил, что каждый из надзирателей сыскной части имеет в своем распоряжении по одной такой квартире. Третью держит сам пристав, но с единственной целью — встречаться там с чужими женами.

Ужин полицейским прислали из кухмистерской на первом этаже. Самовар, чай и сахар на явке имелись. Поговорив еще немного, сыщики улеглись спать. Комнат было три, и никто никому не мешал.

Глава 8. Гибель свидетелей

В шесть часов утра сыщики почаявничали, и Лыков стал гримироваться. В гардеробе был костюм босовика: опорки, рваный пиджак и тертый картуз. Алексей Николаевич подгрязнил себе руки и лицо, наклеил седую бороду и такие же брови. Переодевшись, спросил у коллеги:

— Годится?

— Прямо хоть сейчас в рештак!^[34]

На всякий случай питерцу подобрали вид с подходящими приметам. Он стал Малахией Сафроновым, запасным рядовым с непрописанным паспортом.

— Ну, храни вас Бог, — сказал Красовский, пожимая Лыкову руку. — Мне пора на службу. Как будете уходить, ключи отдайте дворнику.

Сыщики расстались. Они провели вместе чуть не сутки, и надворный советник в полной мере оценил Красовского. В нем не было блеска и лихости Асланова, зато была надежность и очевидная порядочность. При большой доле занудства...

Алексей Николаевич решил изучить не сам Лаврский завод, а его казармы. Как обжигают кирпич, надворного советника не интересовало. А вот публика, прибывшая к заводу... Хотелось увидеть тех, кто состоял при арендаторе для других дел. И питерец полез в Госпитальную гору. Он поднялся в Печерск по «собачьей тропе». Вязкие берега Кловского ручья пришлось преодолевать чуть ли не вброд. В одном месте близ тропы трое мужиков распивали с утра пораньше бутылку. По виду, портяночники^[35] с Бессарабского базара. Они покосились на сыщика и, кажется, задумались: не порыться ли в карманах у прохожего человека. Но старший сказал:

— Да там блоха на аркане... Пуцай идет.

Потом питерец увидел красивый больничный сад. Но тропа лишь краем задевала его, и скоро опять пошли обрывы и косогоры. Миновав их, «босьяк» оказался среди каких-то армейских построек. А затем вдруг, неожиданно для себя, вышел на Московскую улицу, главную в предместье.

Народу вокруг стало больше, особенно солдат. Пройдя между юнкерским училищем и беседкой ипподрома, Лыков обогнул Арсенал с Лаврой, потом миновал лагерь крепостной артиллерии. Шел еще с полверсты и вдруг очутился на краю оврага. За ним открылась совсем другая местность: безлюдная и неустроенная. Кое-где разбросаны избы, хаотично, безо всяких улиц. Меж ним густо натыканы деревья, а вдали

сияют купола храма.

Сыщик понял, что он в Зверинце. Ну и местечко... Станут резать, и никто даже криков не услышит. Вместо дорог тропы, дома — гнилушки самого убогого вида. Под березой валяется пьяный, сапоги с него уже сняли, и он жмет от холода, но не просыпается. Купола за деревьями — это Выдубицкий Свято-Троицкий монастырь. А угрюмые казармы принадлежат Лаврскому кирпичному заводу.

Однако попасть внутрь человеку с улицы не удалось. Забор, в заборе крепкие ворота, а в воротах сидел сторож. Плечистый мужик с прищуром, так обычно смотрят кабатчики. Сторож остановил гостя сильным толчком в грудь:

— Куда прешь, дядя?

Лыков просительно снял картуз, сказал:

— Вы, я вижу, тоже из запасных?

— Ну...

— Вот и я бывший солдат. Место ищу. Нету местов в Киеве, хоть ты сдохни. А я на любые работы согласен, вот. Помогите ради пречистой матери, окажите такую милость.

Мужик посмотрел на дрожащего от холода босяка и сжалился:

— Солдат, говоришь? А где службу справлял?

Лыков стал во фрунт:

— Рядовой третьей роты сто тридцатого пехотного Херсонского Его Императорского Высочества великого князя Андрея Владимировича полка Малахий Сафронов.

— Знаешь, брат, помочь твоей беде трудно. И тут свободных должностей в обрез. Потому — завод наш при самой Лавре состоит. Понял? На святую обитель трудится. Может, у тебя медаль какая есть? Это здесь могут зачесть.

— Нету медали... — шмыгнул носом Лыков.

— Нет? Ну, не тушуйся. Я так скажу...

Вдруг из-за плеча сторожа, как черт из коробочки, вынырнул рослый детина в сапогах гармошкой и новой полупрусской фуражке.

— Ванька, ты с кем тут болтаешь?

Теперь уже караульщик вытянул руки по швам:

— Так что, Лука Емельянович, солдат пришел, места просит.

Детина подошел к Лыкову, очень внимательно осмотрел его с ног до головы. Потом грубо взял за ворот, оттащил саженой на пять и просипел:

— Чтоб я тебя здесь больше никогда не видел.

Когда разжал хват, сыщик хотел что-то сказать в свое оправдание. Но

почувствовал, что его сейчас ударят, и припустил бегом прочь...

Так ему не удалось попасть в заводские казармы. Но он остался доволен. Человек, выставивший гостя, происходил из уголовного мира. На это глаз у сыщика был наметанный.

Задача разведки оказалась выполнена. Можно возвращаться на явочную квартиру, смывать грим и ехать в сыскное отделение. Но, коли уж попал в такое место, Лыков решил изучить его подробно. Он прошел насквозь весь Зверинец, снова и снова ужасаясь его трущобам. И это вблизи Киево-Печерской Лавры. Как на другом конце земного шара... Редкие прохожие все были из низов, причем самого дурного пошиба. Сыщик осмотрел укромные уголки: Караваевские дачи, пороховые погреба, старое еврейское кладбище. Отдельно прошерстил выселок под названием Верхняя Теличка. Выселок стоял на обрыве, на самом краю Печерской горы, и походил на помойку. Зверинец здесь кончался. Внизу шли рельсы железной дороги и уходили на мост через Днепр. За рельсами виднелась еще горсть домов. Оказалось, то была Нижняя Теличка. Названия сыщик узнал от пьяной бабы, которой дал две копейки.

— А кто тут обитает, в твоих Теличках?

— Да мы обитаем, — ответила баба и икнула.

— А кабак у вас есть?

— Есть.

— А на ночлег можно устроиться?

Баба мучительно задумалась, потом изрекла:

— Эта... надо у Луки Мельяныча спросить.

— Кто таков?

— Ко... комендант, ик! Комендант здешних мест.

— Ну и что? Я ему отчет, что ли, должен давать?

— Должен.

— С чего это вдруг?

— Так здесь заведено, солдатик, — ухмыльнулась баба. — Без согласия Луки Мельяныча никто тебя не поселит. А он мужчина строгий.

— Да уж испытал, — пожаловался Лыков. — Вытолкал меня взащей из ворот, ладно не прибил.

— Тогда что ж. Нету тебе здесь прописки. А форсу^[36] двадцать копеек есть, служивый?

— Тебе что за дело?

— Так пойдем под куст, я тебя убла... обла... ик! Ну, ты смикитил. Двоегривенный всего. А?

— Да ну тебя, вон нос-то какой, того и гляди провалится.

— Тогда пошел на...

Баба разразилась отборной матерщиной, и Лыков быстро покинул криминальную слободку.

Умывшись и переодевшись, он в десять часов утра поднялся в сыскную полицию. И сразу встретил там Асланова. Надзиратель был какой-то взъерошенный и сердитый.

— Алексей Николаевич, куда вы вчера пропали? Я искал, искал вас. Хотел вместе Безшкурного допросить, а то вы давеча обижались.

— Спиридон Федорович, я ведь в командировке. Значит, мужчина немного холостой и отчасти неженатый. Сами должны догадаться, где я был.

— Ах, это! Ну, дело хорошее. Бабы в Киеве сладкие. Созонт во всем признался. Его люди приткнули Афонасопуло.

— Как так? — опешил надворный советник. — А мне он другое пел. Что, и протокол подписал?

— Разумеется.

— Мне надо с ним переговорить. Срочно.

— А вот не выйдет, Алексей Николаевич. Сбежал Созонт. Нарезал винта, на жаргоне блатных.

— Как сбежал? Когда?

— Нынче утром. Мы же с вами решили перевести его в Лукьяновский тюремный замок, помните?

— Помню. И что?

— Вот по пути туда он и сбежал.

— Да расскажите толком, как это вышло? Вы что, арестованных в тюрьму без конвоя посылаете, своим ходом?

Околоточный насупился:

— Конвой даем. Но идут туда пешком через весь город. А там, на углу Львовской и Старо-Житомирской, находится трактир Михновского. Известное место и расположено так удачно...

— Спиридон Федорович, для кого удачно?

— Для уголовных, черт бы их драл. Уж не в первый раз они эту проделку в ход пускают. Заходят туда, вроде для того чтобы отдохнуть. Спрашивают сначала чаю, а потом, с хитрецей, водки. Если видят, что конвоиры поддаются. Подпаивают их — и в бега. Прислуга, ясное дело, у фатовиков в сообщниках, помогает. В третий раз оттуда подследственные ноги делают.

— Куда же вы смотрели? И чем думали?

Асланов обиделся:

— Я, ваше высокоблагородие, позвольте напомнить, вам не подчинен. И слушать ваши резкости не намерен.

— Но...

— За конвой отвечает околоточный надзиратель Сороковый из полицейского резерва. Вот ему и задайте свой вопрос.

Лыков понял, что перегнул палку.

— Прошу меня простить, Спиридон Федорович. Виноват, погорячился.

Татарин покосился, подумал — и протянул руку:

— Мир.

— Мир, Спиридон Федорович. Но как теперь быть с дознанием по убийству Афонасопуло?

— Следователю передать. Мы свое дело сделали.

— Но «ивана» нет, он сбежал.

— Будем ловить, служба у нас такая. Рано или поздно поймает. Ответит. Опять же, есть два его подручных и куча конфискованного барахла. Кстати, вам не нужен порт-табак серебряный? Бесплатно, в презент от киевской сыскной полиции? Я еще реестр не составил.

— Спасибо, я не курю. Но вот что меня смущает...

И Лыков рассказал Асланову о том, что услышал от «ивана», только без упоминания Яшки Гицеля.

Околоточный задумался, потом спросил:

— Безшкурный велел оценщика не трогать? Оттого, что тот сын адъютанта бывшего генерал-губернатора? Сомнительно как-то. Дрентельн давно в земле истлел. Его уж все забыли. А у нас паспорт убитого и письменное признание главаря.

И надзиратель показал питерцу протокол допроса. Там черным по белому было подтверждение его слов и подпись Безшкурного. Вот так оборот!

— Надо тех двоих из банды допросить, которые попались, — предложил Асланов. — Может, они что слышали про разговор?

— Верно. Давайте вместе, а?

— Давайте. Только не сегодня, сегодня днем у меня дела, а вечером облава по берегу Днепра. Созонт точно не называл вам человека, которого он посылал наводить справки?

— Нет, — соврал Лыков.

— Значит договорились. Не хотите с нами на облаву? Я заметил, вы человек лихой, навроде меня.

Но вечером у надворного советника было назначено свидание с Яшкой

Бурвасером, и он отказался.

Новость о побеге «ивана» стала неожиданностью. Теперь есть два протокола допроса, один на руках у Лыкова, второй — у Асланова. Они различаются в главном, и оба подписаны. Обычно следователи верят последней версии. Кроме того, паспорт оценщика. Откуда он взялся в притоне? Подбросил все тот же Асланов? Николай Александрович говорил, что нельзя доверять ни одному слову этого человека.

Питерец хотел отыскать Красовского и обсудить с ним новость. Но тут его поджидала вторая подряд неудача. Городовые из отряда Николая Александровича сказали, что того срочно услали в командировку. Прямо с утра. В местечке Ходорково Сквирского уезда зарезали почтовика, который вез денежные пакеты. Силы полиции на местах слабые, и губернатор распорядился подкрепить их опытным сыщиком из губернского города.

Теперь оставалось надеяться лишь на встречу с гицелем. Хорошо бы убедить его явиться в полицию и подписать протокол. Тогда дознание продолжится так, как нужно Лыкову. В противном случае киевляне попытаются закрыть дело. Вот убийца, вот его признание, вот паспорт жертвы — чего еще надо? Надворный советник уже решил, что пойдет до конца. Если потребуется, вынет открытый лист за подписью министра. В версию, что Афонасопуло убили люди Созонта Безшкурного, он больше не верил.

Сыщик с трудом дождался вечера. Несколько раз ему казалось, что за ним приглядывали. Какие-то люди передавали питерца с рук на руки, «хвост» все время менялся, и его нельзя было обнаружить. Но чувство, что за ним следят, не покидало. Ну и черт с ними. Главное, чтобы пришел Бурвасер.

В девять вечера Лыков навестил «Шато-де-Флер» и стал прогуливаться по аллеям. Поглазел на стерлядей в бассейне и от нечего делать пересчитал их. Пятнадцать, и все приличные. Сделал «козу» черепахе и сказал ей: не скучай. И к назначенному времени подходил к вокзалу.

Все произошло неожиданно. До здания Лыкову оставалось тридцать саженей, когда оттуда послышались крики и наружу стали выбегать перепуганные люди. Сыщик сначала не понял, в чем дело, и ускорил ход. Вдруг сразу в нескольких местах из окон выбились языки пламени. И многоголосая толпа заверещала:

— Пожар! Спасайся!

Мгновенно людей охватила паника. Они стали метаться по аллеям, сбивая с ног друг друга. Визжали женщины, трескали ломаемые ограды. Около вокзала было еще два здания, тоже деревянные. В Закрытом театре

давали фарс «Муж охотится». Когда запахло бедой, люди покинули его почти организованно. Мужчины даже выпустили первыми дам. Хуже получилось с Открытым театром. Оттуда выбежали певички, в дезабилье и с всклокоченными волосами. Они рассыпались по дорожкам и стали приставать к прохожим. Одна вцепилась в рукав Лыкову и кричала ему прямо в ухо:

— У меня там осталось драгоценностей на двадцать тысяч! Это все мои сбережения. Прошу вас, умоляю, помогите их вынести, пока не загорелось! Я сама боюсь...

Сыщик схватил пробежавшего мимо рабочего в униформе и приказал ему:

— Подсоби барышне. Награду получишь.

Рабочий прислушался к этим словам и стал расспрашивать этуаль. А Лыков, освободившись, ринулся в толпу. Его интересовало одно: где Бурвасер?

Но вокзал уже пылал, как огромный костер. Войти в него — чистое безумие. Толпа выстроилась вокруг плотным кольцом и жадно глазела. Люди падки до таких зрелищ. Вскоре весь Царский сад и прилегающие к нему улицы были усыпаны зеваками. Прибыли пожарные из Дворцового участка, следом — обоз Киевского пожарного общества. Они принялись в первую очередь изолировать очаг огня и спасать соседние строения. Появился губернатор Трепов и лично возглавил работы.

Опасность угрожала всем сооружениям парка. Несколько раз загоралась стена Открытого театра, обращенная к вокзалу. Потом полыхнула веранда. С большим трудом театр удалось отстоять, он лишь сильно обгорел по фасаду. Вспыхнули было тир и чайный буфет, но их обильно залили водой и спасли.

Вокзал же горел и горел. Зрелище было зловещее и при этом величественное. Огромная толпа собралась вокруг: в парке, на улицах, на крышах домов. Купола Михайловского монастыря и храмов Подола отражали пламя и казались от этого раскаленными. Гигантский факел осветил полгорода...

Через час здание вокзала рухнуло. Гора обломков еще долго догорала, но пожарные сделали главное: не дали огню распространиться.

Случайно оглянувшись, Лыков увидел, что какие-то люди воруют из бассейна стерлядей. Вот ловкачи, воспользовались моментом! Интересно, черепаху тоже прихватят?^[37]

Когда стало ясно, что настоящей беды удалось избежать, Лыков протолкался сквозь толпу к губернатору. Тот был в саже, ворот сюртука

опален, брови сгорели. Чудак, будто без него не справились бы...

— А, это вы, Алексей Николаевич, — узнал сыщика Трепов. — А у нас тут видите что? Лучшее место для развлечений во всем городе. Жаль, так жаль. Слава Богу, кажется, обошлось без жертв.

— Еще не факт, Федор Федорович, — огорошил начальника губернии надворный советник. — Прикажите тщательно обыскать пепелище. Я подозреваю, что там может быть покойник.

— Какой еще покойник? С чего вы взяли?

— Мне назначил встречу в здании вокзала свидетель по делу Афонасопуло.

— Ну и что?

— Я не видел его в толпе.

— Да здесь тысячи зевак! Вот и не увидели.

— Мы договорились встретиться в восьмом кабинете.

Тут к сыщику подскочил брандмейстер в сияющей каске:

— В восьмом, вы сказали?

— Да.

— Именно там и начался пожар.

Губернатор и сыщик схватили огнеборца сразу за оба рукава:

— Ну-ка, подробнее.

— Подробнее завтра, — отмахнулся тот. — Пока ясно одно: пожар случился от кофейной машины. Из всех кабинетов, по словам прислуги, был занят только восьмой. А через него как раз проходит железная труба.

— Козловский, какая еще труба? — с раздражением спросил Трепов.

— Из комнаты, в которой варят кофе. Труба, видимо, прохудилась. Вылетели искры. Ну и загорелся кабинет.

— Восьмой?

— Да. От него пошло по всему этажу.

— В нем мне и назначили встречу, — напомнил генерал-майору надворный советник. Тот скривился, но дал команду искать труп. После чего уехал с пожарища.

Гору обломков тушили до пяти часов утра. Потом ждали, пока она остынет. Лишь после этого приступили к разбору и никаких тел не нашли. Лыков настаивал и не давал пожарным отлынивать. Когда растащили бревна, открылись две больших ямы, доверху наполненные водой. Арендатор парка Кульчицкий, который тоже не уходил всю ночь, запричитал:

— Только вчера я завез сюда вина на четыре тысячи!

— Что за ямы?

— Одна — ледник, а вторая — винный погреб. Боже, какие убытки... Я разорен!

К сыщику подошел брандмейстер и показал ему кусок расплавленного металла:

— Видите? Это железный поднос. А превратился в чушку. Если тут и был покойник, от него ничего не осталось. Мы зря мучаем людей, они совершенно выбились из сил.

— Череп не мог сгореть бесследно, — возразил Лыков. — Надо осушить ямы и поглядеть, что в них.

Козловский махнул рукой, дал команду продолжать и тоже уехал.

Злые, утомленные пожарные стали шарить в ямах, матерясь себе под нос. И обнаружили-таки нижнюю мужскую челюсть, сильно обгоревшую. Так сильно, что нельзя было понять, свежая она или давнишняя. Находка в таком состоянии ничего не давала сыщику. Он сжалился над огнеборцами и отпустил их.

Вечером 30 мая, на следующий день после пожара в «Шато-де-Флер», губернатор назначил совещание. Явившись туда, Лыков с удивлением увидел помимо полицмейстера Цихоцкого и пристава Желязовского еще и Асланова. Околоточный скромно сидел с краю стола и шелестел бумагами.

Трепов был раздражен.

— Господин Лыков, — начал он, — с какой целью вы вчера измучили и без того уставших пожарных? У меня жалоба на вас со стороны брандмейстера Козловского.

— Я подозревал, что пожар в вокзале возник не просто так. А с целью скрыть убийство важного свидетеля, который как раз ждал меня внутри. Известно, что лучший способ замести следы — это устроить пожар.

— Что за свидетель?

— Сбежавший из-под стражи Безшкурный перед этим заявил мне на допросе, что приказал не трогать Афонасопуло. Хотя тот неосторожно ездил в его владения играть в карты.

— Убийство Афонасопуло раскрыто сыскным отделением, и дело передано судебному следователю, — возразил Цихоцкий. — Вот, ознакомьтесь с протоколом допроса главара, он сознался.

Надворный советник читать не стал, а передал полицмейстеру свой протокол:

— Лучше вы ознакомьтесь.

Вячеслав Иванович прочитал его, изумился и вручил обе бумаги губернатору. Трепов долго их разглядывал, потом бросил на стол:

— И какому из них верить?

Желязовский с Аслановым схватили протокол Лыкова и впились в него глазами.

— Поймаем атамана и спросим у него, — ответил надворный советник. — А пока есть сомнения, дознание нужно продолжить.

— Кто такой Яшка Гицель? — завелся генерал. Он посмотрел на Цихоцкого, тот на пристава, а тот, в свою очередь, на околоточного. Последний лишь молча пожал плечами.

— Настоящая его фамилия — Бурвасер, — пояснил питерец. — Он подтвердил мне, что действительно наводил справки об оценщике по приказу Безшкурного. И тот распорядился не трогать игрока.

— Как вы узнали фамилию, вы, приезжий человек? — недоверчиво спросил Цихоцкий.

— Мне помог околоточный надзиратель сыскного отделения Красовский.

— Вот как! Без ведома начальства?

— Я искал Спиридона Федоровича, но того не было на месте. Понятно, много дел... А Красовский был. Требовалось действовать срочно. Я предъявил свой открытый лист, и мы поехали ловить Яшку Гицеля.

— Без моего распоряжения, — вставил на этот раз пристав.

— Если бы Красовский отказался, его следовало бы уволить из полиции, — резко осадил Желязовского Лыков.

— Хорошо, продолжайте, — примирительно сказал губернатор. — Куда вы поехали?

— По догадке господина Красовского мы прибыли на завод известного Блювштейна...

— А, это антрепренер по поимке бродячих собак?

— Точно так. Блювштейн сразу указал нам на своего работника Якова Бурвасера.

— Почему именно на него? — живо спросил полицмейстер.

— Единственный там по имени Яков, а кроме того, темный человек. И хвастался, что свой в «Венеции», которая принадлежит Безшкурному.

— Очень сильный ход, — одобрил до сих пор молчавший Асланов. — Вы, конечно, поехали к нему домой?

— Да. Шулявка, Дачная улица, усадьба Регоревской.

— Бурвасер сознался?

— Да. Надзиратель Красовский был свидетелем разговора.

— Что именно сказал жидок? — насупился генерал.

— Что получил приказ от Безшкурного навести справки и выполнил его. А потом лично слышал, как атаман запретил трогать Афонасопуло.

Мол, пусть играет.

Киевляне переглянулись.

— Это всего-навсего байка ловца бродячих собак, — заявил Желязовский. — А у нас письменное признание атамана и паспорт убитого. Не забывайте о паспорте.

— Да, — оживился полицмейстер, — вот знатная улика. Как же он тогда появился у главаря в притоне?

Асланова интересовало другое:

— Что же вы, Алексей Николаевич, ничего не сказали мне вчера? Ай-я-яй...

— Вы, Спиридон Федорович, устроили бы засаду на этого Бурвасера. Напугали бы его до смерти. Придали делу официальный ход. А у меня по итогам встречи с ним сложилось впечатление, что он еще не созрел. Уйдет в молчанку, и бейся с ним потом. Поверьте, я опытный человек. Гицелю требовалось время, чтобы решиться. И еще чей-то совет, скорее всего, адвоката или ребе. Получив признание, я тут же предоставил бы Бурвасера сыскному отделению.

— Хотел все сделать сам и оставить нас в дураках, — прокомментировал поляк, обращаясь к начальству.

Но Трепов лишь отмахнулся.

— Алексей Николаевич. Вы должны понять нас с полицмейстером. Я через два дня отбываю в отпуск, а он через три. Мы считали дело об убийстве Афонасопуло раскрытым и с легким сердцем собрались отдохнуть. Вячеслав Иванович вообще едет за границу на два месяца лечиться. А тут бац! Как же быть? Дознание-то ведется согласно распоряжению господина министра внутренних дел. Долго нам еще здесь сидеть?

— Бурвасер ваш, может, спрятался, — подхватил Цихоцкий. — Рано вы его похоронили. Эти мошенники — народ живучий.

— Надо срочно послать агентов к нему на квартиру и в завод, — ответил Лыков. — Вдруг вы правы и он там? Но, ежели свидетель исчез, значит, все плохо. Я не могу позволить передать дело судебному следователю в таком виде. Оно не раскрыто.

Коллежский асессор даже вскочил от возмущения:

— Ваше превосходительство, я протестую! Он не может позволить... Это наше дело, а не приезжего чиновника. Я как начальник сыскного отделения считаю его раскрытым. Вот признание, вот паспорт, чего еще надо?

Лыков вынул из кармана свой открытый лист и положил его перед

поляком.

— Извольте прочесть вслух, что здесь написано.

Цихоцкий просительно обратился к надворному советнику:

— Алексей Николаевич, но как же мои почки? Болят, сил нет терпеть.

— Я не вижу никаких причин вам и его превосходительству откладывать отпуска. Во-первых, за вас останутся заместители. Во-вторых, дело идет своим ходом, и пусть идет. Единственное, что меня удивляет, — это упрямство пристава Желязовского. Не ему решать, раскрыто дело или нет. И даже, извините, не вам с господином губернатором. А одному мне. Сообразно поручению министра.

— Но там ничего нет о дознании убийства! — запальчиво воскликнул коллежский асессор. — Лишь о письме.

— В открытом листе и о письме нет ни слова, — насмешливо произнес Лыков. — Сказано в самом широком смысле: «оказать полное содействие в исполнении поручения, возложенного лично мною». А убийство оценщика — это вновь открывшиеся обстоятельства.

— Я...

Питерцу надоела эта перепалка, и он официальным тоном сказал губернатору:

— Ваше превосходительство! Я вынужден буду обратить внимание министра на несоответствие коллежского асессора Желязовского занимаемой им должности. Он упорно отказывается выполнять распоряжение его высокопревосходительства, изложенное со всей определенностью.

— Ну-ну, Алексей Николаевич, не горячитесь, — сразу ответил Трепов. — Мы уладим этот вопрос без министра. Северин Янович, безусловно, окажет вам полное содействие.

— А вас, господин полицмейстер, — обратился сыщик к Цихоцкому, — извещаю вот о чем. Я доложу в рапорте, как помог дознанию околоточный надзиратель Красовский. Не вздумайте его наказывать. — И добавил: — Заслуги Спиридона Федоровича также не останутся без отметки.

Трепов объявил, закрывая совещание:

— Итак, дознание смерти Афонасопуло не окончено. Сыскная полиция продолжает его по вновь открывшимся обстоятельствам. Ну, всего хорошего, господа. Пожелайте мне приятного отпуска.

Когда сыщики были уже в дверях, губернатор сказал им в спину:

— И бросьте все силы на поимку Безшкурного.

Но это поручение выполнить не удалось. Утром следующего дня

обнаружили труп «ивана». Он лежал в ручье Турец около мастерских округа путей сообщения. Созонта убили точным ударом ножа в сердце. Не нашли и Якова Бурвасера, ни дома, ни на службе. Гицель как в воду канул.

Глава 9. В потемках

Перед самым отъездом полицмейстер вызвал к себе Лыкова и заявил ему:

— Поджог «Шато-де-Флер» нами раскрыт. Никакого отношения к пропаже вашего свидетеля он не имеет.

— Дозвольте ознакомиться с делом, — безмятежно попросил командированный. Для себя он давно решил, что Бурвасер сгорел в восьмом кабинете. Кто-то узнал о его колебаниях и убил гицеля. А потом сжег вокзал.

— Вот, смотрите, — Цихоцкий выложил на стол документ. — Это письмо, которое за два часа до пожара получил арендатор сада Кульчицкий.

Сыщик прочитал письмо. Неизвестный обещал Кульчицкому, что того скоро ждут большие неприятности. Внизу вместо подписи стояли четыре буквы: М, Е, С и Т.

— Ну и что? — спросил он, возвращая бумагу полицмейстеру.

— Все ясно! Деревянное здание вокзала осталось от прежней арендаторши Гусевой-Гюманс. Она бежала от кредиторов, и строение передали в другие руки, вместе с персоналом. — На этих словах полицмейстер зачем-то глубокомысленно поднял палец. — Новый арендатор не ладил с одним из служителей и уволил его за дурной нрав. Тот обиделся и с досады поджег вокзал.

— И есть доказательства? Кроме этой бумаги...

— Сыскная полиция сейчас проверяет алиби негодяя. Но все уже и так понятно. Он угрожал, письмо писано его рукой.

— А почему внизу четыре буквы?

— Что? — переспросил полковник.

— Вячеслав Иванович, почему там четыре буквы? Для фамилии, имени и отчества достаточно трех.

— Я... не знаю.

— А по-моему, они означают слово «мечь».

Полицмейстер перечитал бумагу.

— Ну, может быть, может быть. Но это ничего не меняет. Сейчас сюда привезут нашего мстителя, и он ответит. Сорок тысяч убытков!

— Давайте дождемся его, а там решим.

Когда подозреваемого наконец разыскали, он не вязал лыка. Опухший от многодневного пьянства человек был обнаружен сыщиками в ресторане

«Босфор». Официанты подтвердили, что отставник действительно угрожал сжечь «Шато-де-Флер», особенно когда допился до чертиков. Вот только он уже три дня не покидал Труханова острова. А сад сгорел позавчера.

Обескураженный Цихоцкий отбыл на лечение. В первых числах июня Киев остался без первых лиц. Трепов уехал на Кавказ, и его обязанности исполнял вице-губернатор барон Штакельберг. Вместо полицмейстера заправлял его помощник коллежский советник Гуковский. Даже предводитель губернского дворянства князь Репнин смылся из города. Он направился в Москву на празднование двухсотлетнего юбилея 5-го гренадерского Киевского генерал-фельдмаршала Репнина полка. А оттуда сразу укатил в Ниццу. Власть в столице края вершили заместители.

К удивлению Лыкова, Желязовский не испугался его угроз и продолжил сопротивляться дознанию. Асланов повел себя умнее. Он вызвал питерца на разговор и сообщил важные сведения.

— Алексей Николаевич, вы спрашивали меня про некоего Арешникова. Помните?

— Помню.

— Я догадался уже, что вы просто так ничего не делаете. И дал команду собрать об этом типе сведения. И что же оказалось? Он не простой арендатор кирпичного завода. Тут есть второе дно.

— И в чем оно заключается? — спросил надворный советник, весьма заинтригованный.

— Я провел подсчеты. Целый вечер сидел. И вот что выяснил. Арешников надувает своих нанимателей.

— Каким образом?

Околоточный ухмыльнулся и разложил на столе исписанные листы бумаги:

— Вот. Мощность Лаврского завода — три миллиона штук кирпича в год. А Яков Ильич в прошлом году продал семь миллионов. Точно вам говорю. Я запросил цифры у главных киевских подрядчиков. Где Арешников взял еще четыре миллиона?

— Изготовил и утаил от келаря?^[38]

— Нет, из печи украсть не дадут. Вся глина сосчитана, выход кирпича тоже. Ну, догадайтесь.

— Неужели открыл где-то собственный завод?

— Точно так, — обрадовался надзиратель. — Вы молодец, быстро сообразили. Я дольше думал.

— И где же он?

— В Ржищеве. Записан на почетного гражданина Поньзько, но это

Арешникова завод. Мой освед утверждает определенно. А клеймо на кирпичах ставят лаврское.

— Тут мошенничество.

— Ну, это сыскную полицию не касается. А касается ее другое. Некоторые подрядчики не хотели покупать церковный кирпич. И наш арендатор подсылал к ним дерзких людей с Бессарабки. Одному упряму, говорят, даже руку сломали.

Лыков был поражен. Околоточный рассказал ему тайны зверинцевского дельца. С какой целью? Тут было над чем подумать.

Между тем Асланов продолжал:

— Два или три подобных случая привели к тому, что Арешников стал главным поставщиком кирпича в Киеве. Вот так здесь делается коммерция.

— Интересная история. Спасибо, Спиридон Федорович, что рассказали. Пожалуй, я не стану общаться с таким типом. Но вы уверены?

— Да убедитесь сами. Съездите в Ржищев, туда каждое утро отправляются пароходы. Найдите завод Поньзько и посмотрите товар.

— Еще вопрос. Не пойму, почему ваш начальник такой бесстрашный со мной. Он что, местом не дорожит?

— Именно, — подтвердил надзиратель. — Северьяныч обхаживает одну девицу на выданье — дочку хозяина фабрики шведских спичек Суппио. Семьдесят тысяч приданого. А когда папаша помрет, то и вся фабрика его будет.

— Тогда ваш пристав не работник.

— А он никогда работником и не был, — скривился Асланов. — Вы, Алексей Николаевич, плюньте на него. Обращайтесь напрямую ко мне. Я свое дело знаю, вы уж заметили.

— Заметил.

— Вот и будет у нас с вами лад и порядок. А наш красавец пускай женится.

Лыков прислушался к совету околоточного и отправился в Ржищев. Ему хотелось на время покинуть Киев. Там установилась жара, но дело было даже не в ней. Горбатый город стал тяготить сыщика. Он чувствовал, что здесь ему не рады, что он своим дознанием кому-то очень мешает. Некая сила упрямо гнет его в нужную сторону. Афонасопуло зарезали никольские бандиты, и точка. Дело ясное, пора передать его следователю. А питерец пусть возвращается домой. Киевская полиция настаивает на этом. И какая бы бумага ни лежала в кармане Лыкова, какие бы полномочия ни дал ему министр, бороться одному со всеми невозможно.

Еще у сыщика были связаны руки. «Иван» мертв, Яшка Гицель,

видимо, тоже. Надежного помощника Красовского выслали прочь из города. А Спиридон Федорович больше соглядатай, чем помощник. Как в таких условиях продолжать дознание? Алексей Николаевич хотел подумать за несколько часов пути. В одиночестве, без помех, он потягивал пиво и любовался из лонгшеза проплывающим мимо берегом. Пароход был марголинский, назывался «Золотое руно». Лыков много плавал на волжских пароходах и мог сравнить. Буфет у Марголина хуже, команда тоже не так подтянута. Но само судно чистое, новое, идет ходко. Словом, годится. Днепр к июню уже стал мелеть, то тут, то там на плесе виднелись пятна рыжего песка. Как у нас на Волге, подумал сыщик...

Итак, что у него есть? Два арестанта в Лукьяновском замке. Один — Федос, молодой парень, его взяли на глазах у Лыкова. Второго Асланов поймал в притоне, где «иван» хранил краденые вещи. Даже имя его надворный советник до сих пор не удосужился узнать. Это ошибка, по приезду надо ее исправить. Вроде бы пленники — люди малозначительные. Но вся сыскная служба состоит из мелочей. Вдруг что-то да всплывет.

Далее. Вдова, к которой ходил оценщик после удачной игры на скачках. Она живет внизу «собачьей тропы». Асланов сказал, что улица короткая, всего несколько домов, и найти женщину будет несложно. Срочно отыскать бабу!

Теперь Арешников. Неясно, какое он имеет отношение к дознанию. Может быть, и никакого. Но, если Безшкурный не убивал оценщика (а Лыков был в этом уверен), значит, это сделал кто-то другой. Почему не зверинцевский деловик?

Стой-ка, сам себе сказал питерец. Мало ли в Киеве лихих людей? Почему ты выбрал на роль убийцы именно Арешникова? Для этого нет пока никаких оснований. Есть, например, братья Корба, главные здешние головорезы. Вот только история с выпавшим из окна подрядчиком уж больно нехорошая.

И еще настораживает подсказка Спиридона. Вроде бы он узнал важную вещь о кирпичнике и сообщил ее питерцу. Но ведь там правда ловко смешана с ложью. Якобы Арешников выдает свой личный кирпич за лаврский и поставляет его строителям. Лаврский кирпич берут охотнее другого: и качество высокое, и богоугодное дело. Ну мошенничает Яков Ильич. Некрасиво. Да к тому же подсылает к упрямым покупателям парней с Бессарабки. Кому-то даже руку сломали. Еще некрасивее. Но здесь уже ложь. Арендатору не нужны босяки с рынка, он держит собственную команду фартовых. Эти люди приглядывают за Зверинцем. Чужому человеку даже переночевать не дадут. На то требуется разрешение

коменданта. А он явно из уголовных, бывалый и внимательный. Вон как Лыкова отшил. Нет, Арешников подозрителен. Вот только связь его с делом Афонасопуло не доказана.

За такими размышлениями Лыков не заметил, как прибыл на место. Сначала была длинная остановка в Триполье. Пассажиры сошли на берег и попали в руки местных торговцев. Алексея Николаевича поразили яркий отблеск вдали. Это сверкало на солнце купол Лаврской колокольни. Шестдесят верст до Киева, а его видать! Горит, как свечка...

От Триполья до Ржищева еще два часа ходу. За это время сыщик насчитал на берегу одиннадцать труб: все кирпичные заводы. Куда они денутся, когда стройка в Киеве совсем замрет?

Наконец пароход прибыл к цели. Ржищев оказался большим местечком. Пять тысяч жителей — столько же, сколько в уездном городе Балахне. Крупный свекло-сахарный завод, значительный машиностроительно-арматурный. И несколько кирпичных. Ими сыщик и занялся.

Ему повезло с урядником. Мужчина в возрасте, спокойный и основательный, он знал в Ржищеве каждую собаку. Глянув в билет Лыкова, урядник не задал сыщику ни одного вопроса, зато удовлетворил его любопытство. Насчет Понизыко он сказал:

— Пустой человек. Только видимость одна, что промышленник.

— Но завод у него работает?

— Труба с утра до вечера дымит.

— Как это возможно: у пустого человека и такие обороты?

— Возможно, ваше высокоблагородие. Ежели в Киеве ему кто-то потрафляет.

— А еще говорят, что он на свой кирпич чужие клейма ставит. Правда это?

— Правда, ваше высокоблагородие.

— И вы знаете чьи?

— Как не знать. Лаврские, вот чьи.

— Что же вы начальству о том не докладываете?

Урядник хитро посмотрел на приезжего. Словно хотел сказать: я же тебя не спрашиваю, какое дело Департаменту полиции до кирпича?

Лыков так и не дождался ответа. Вместо разъяснений урядник пригласил начальство отведать вкусный спотыкач...

— Пойдемте, я должен убедиться сам, — ответил надворный советник.

Служивый молча надел фуражку и повел гостя к пристани. Там стояли телеги с кирпичом, ждали парохода вверх. Телег было множество.

— Ваши вон стоят, — указал урядник на шесть колымажек сбоку.

Надворный советник подошел поближе, присмотрелся. Красивый новенький кирпич, желтого «киевского» цвета. И на каждом третьем выдавлено клеймо: «К.П.УЛ. з-дъ».

Сведения Асланова, таким образом, подтвердились. Можно было возвращаться в город.

Глава 10. Армия приходит на помощь

Поездка в Ржищев заняла весь день. Уже к ночи Лыков зашел в сыскное отделение узнать новости. Их оказалось две, одна хуже другой. Что-то в последнее время судьба перестала баловать надворного советника.

Новости доложил все тот же Асланов. Из Лукьяновской тюрьмы сбежали три арестанта. Среди бела дня. Дверь из коридора во двор почему-то забыли запереть. Мазурики проникли туда и перелезли через невысокую стену в соседний двор женского отделения. А уже оттуда выбрались на улицу. Неслыханный по дерзости побег.

— Кто сбежал? — спросил Лыков, предчувствуя неладное.

— Один-то Голохвостов, профессиональный вор. Личность знаменитая, я сам его не раз ловил. А двое других — из банды Безшкурного.

— Черт! Что у вас творится? Бегут все кому не лень!

— Не могу же я отвечать еще и за тюремную администрацию, — опять обиделся околоточный. — Там начальник есть, с него и спрашивайте. Хватит мне и того, что за пристава горбачусь, пока он из носа волосы выщипывает.

— Спиридон Федорович, будет дуться. Понятно, что тюрьма не на вас записана. Скажите, какие меры приняты?

— Всех городских на уши поставили, облаву провели. Перекрыли пристани.

— И каков результат?

— Голохвостова схватили на арестантских огородах. Водку пил с другими ворами, дурак. Никольские же как сквозь землю провалились. Видимо, успели переплыть в Дарницу. А там их искать бесполезно.

— Эх, вы... — сказал с досадой Лыков. — Вот и еще одну ниточку упустили.

— Ладно, Алексей Николаевич, снявши голову, по волосам не плачут, — попытался утешить его околоточный. — Так у вас говорят?

— В каком смысле?

— В таком, что дознание по делу Афонасопуло забрали жандармы. Это вторая новость. Пусть они теперь и ловят беглых. А у нас своих забот полно.

Лыков опешил:

— При чем здесь жандармы? Почему они взяли себе уголовное дело?

— Помните вдову, о которой нам сказал Финкель-Князин-Победоносцев? К ней ходил наш оценщик после выигрышей.

— Да, я сегодня на пароходе думал, что пора ее разыскать.

— Я и разыскал. В соку женщина, так и хочется ее обнять.

— Вы лучше про жандармов поясните.

— Слушаюсь. Когда я произвел у нее обыск, то нашел конверт с бумагами. По словам хозяйки, конверт принадлежал Афонасопуло и был им оставлен. А внутри — кроки Новой Печерской крепости, записи по содержанию войск в Киеве и банкнота в сто австрийских гульденов. Я, понятно, сообщил по команде. Пристав Желязовский распорядился немедленно передать все материалы в ГЖУ. Поскольку делами о шпионстве занимаются жандармы.

— Афонасопуло был шпион? — недоверчиво спросил надворный советник. — Вы же сами не верите. Глупости. Так не бывает.

— Бывает или нет, пусть теперь разбираются господа в голубых мундирах. Я лицо подчиненное. А потом, что если тут действительно шпионство? Как же не передать дело? Нет, увольте, с этим ведомством ссориться не хочу.

— Где кроки и записи о состоянии войск? Я должен их увидеть.

— Отнесли в канцелярию управления два часа назад. Может, еще не передали генералу Новицкому?

Канцелярия ГЖУ находилась в том же здании Старокиевского участка, что и сыскная полиция. Лыков побегал туда — и не успел. Документы, отобранные у вдовы, уже послали начальнику управления.

Пришлось ехать на Левашовскую, 3. По пути сыщик обдумывал, как повести себя с генералом. О Василии Дементьевиче Новицком в Департаменте полиции ходили злые анекдоты. Этот человек имел заслуги перед правительством, но все они были в далеком прошлом. Киевские террористы прогремели в конце семидесятых годов, когда «Народная воля» охотилась на Александра Второго. Братья Ивичевичи и Валериан Осинский были опасными людьми, настоящими фанатиками. Именно в Киеве началась карьера гениального провокатора Судейкина. Здесь, штурмуя тайную типографию, он получил контузию в грудь, а затем Владимирский крест и штаб-офицерский чин. Но с тех пор много воды в Днепре утекло. Новицкий со своими методами устарел, ему не хватало тонкости и ума. Начальство держало старого душителя на должности из уважения к прежним подвигам. И вот теперь от этого замшелого человека зависело, продолжит ли сыщик свое дознание.

Алексей Николаевич решил использовать уловку. А именно —

напугать генерала именем Витте. Лыков давно служил в секретном ведомстве и знал много тайн. В частности, ему было известно следующее. При открытии в Киеве Политехнического института Витте дал Новицкому ежегодное секретное пособие в десять тысяч рублей на ведение агентурной работы среди студентов. Новицкий никакой работы не вел, а сумму спокойно клал себе в карман. Вряд ли он захочет рискнуть ею.

Новицкий принял сыщика только через час: показывал, кто в доме хозяин. Сразу видать недалекого человека... Наконец, Лыков зашел в кабинет. Толстый, обрюзгший старик с мутными глазами, бритой физиономией и крашеными усами кивнул ему, не предлагая сесть.

— Слушаю вас, надворный советник.

— Вы забыли добавить «господин», — поправил посетитель, устраиваясь на стуле поудобнее.

Щеки генерала побагровели.

— Чего я забыл? — начал он угрожающим тоном. — И вообще, что вы себе позволяете? И с кем, главное!

— Ваше превосходительство, у вас находятся бумаги некоего Афонасопуло. Я веду дознание его гибели...

— Уже не ведете. Мы забрали дело, поскольку оно касается шпионства. Можете возвращаться в Петербург, господин надворный советник, — Новицкий сделал издевательский акцент на слове «господин» и демонстративно потянулся к звонку. Мол, вопрос решен, идите прочь.

Лыков невозмутимо выслушал и спокойно продолжил:

— ...по личному распоряжению министра внутренних дел.

Генерал нахмурился и категорично выпятил нижнюю челюсть. Однако ничего не возразил, решив сначала дослушать наглого питерца.

— Вам, надеюсь, сообщили, что оно касается обвинений покойного в адрес Михаила Меринга?

— Нет, признаться...

— Афонасопуло написал министру финансов Витте. Тот сообщил нашему с вами общему начальнику, егермейстеру Сипягину. И они прислали сюда меня, разобраться. Вы ведь знаете, что между этими сановниками существует очень тесная связь, почти дружба?

— Слышал что-то, но точно не осведомлен.

— Так я вас осведомляю, ваше превосходительство. Вот мой открытый лист, — сыщик протянул его генералу, — но это лишь внешняя сторона. В действительности я выполняю личную просьбу Сергея Юльевича.

— Вот как?

— Да. Он обеспокоен слухами, которые вьются вокруг его зятя. И

попросил меня выяснить, сколько в них правды.

Новицкий изменился в лице:

— Поверьте, господин Лыков, я ничего не знал об этом. В полиции мне не сказали. Простите мой тон! Называйте меня Василием Дементьевичем. Я полностью, и все мои люди, к вашим услугам. В одном ведомстве служим, кхе-кхе.

— Так вот, Василий Дементьевич. Отдать вам дело об убийстве оценщика я могу лишь в одном случае — если это действительно шпионаж.

— Но какие могут быть сомнения? Австрийские деньги, планы секретного военного сооружения...

— Одна банкнота в сто гульденов? — усмехнулся сыщик. — Полноте. Гульдены восемь лет назад заменены на крону, это случайная старая бумажка. А планы я намерен показать военным. Их экспертиза установит со всей определенностью, настоящее тут шпионство или попытка прекратить дознание уголовного преступления.

— Каким военным? — поразился жандарм. — Ведь все очевидно!

— В штабе Киевского военного округа сидят компетентные люди. И что очевидно, а что нет, решать им.

— Алексей Николаевич, вы просто далеки от секретных вопросов. Я сейчас поясню. Я самый видный специалист в России по шпионству. Я разоблачил огромную австрийскую разведочную сеть по всей юго-западной границе. Резидентуры обнаружены в Варшаве, Брест-Литовске, Радоме, Одессе и Киеве. Пять тысяч шпионов! Они два года получали ежемесячное жалование от Вены. Руководил ими наш офицер, состоявший на военной службе^[39]. По всей линии железных дорог австрияки завели агентов и при них создали запасы динамита для диверсий. Я их всех разоблачил. Я... Киевский мещанин Бык подрядился взорвать мост через Днепр за двадцать пять тысяч рублей. Тридцать девять самых опасных шпионов были преданы военному суду здесь, в Киеве. Вот такой я знаток разведки.

Новицкий перевел дух. Лыков, слушая его, мысленно считал, сколько раз генерал сказал «я». Получилось пять, нет, шесть.

— А вы говорите: военные, экспертиза... Я тут главный эксперт!

Семь... Лыков начал ровным голосом:

— Не ставя под сомнение ваш опыт и таланты, вынужден возразить. Дознание поручено мне двумя самыми влиятельными министрами. Шпионство появилось в деле внезапно и очень напоминает уловку.

— Чью?

— Тех, кто не хочет, чтобы правда открылась.

— Какая правда? Я не понимаю, поясните.

— Связано ли убийство Афонасопуло с его письмами в Петербург?

Новицкий озадаченно вытаращился на сыщика:

— Вы что, подозреваете Михаила Федоровича Меринга в убийстве? Это же смешно! Я с ним постоянно играю в карты в яхт-клубе. Он порядочный человек, вполне светский.

— Я не знаю, смешно или нет, — пожал плечами сыщик. — Когда убивают людей, это обычно несмешно. Вы играете с Мерингом в карты... Что с того? Мне велено узнать. Я всегда выполняю поручения, выполню и сейчас. Или вы предпочитаете, чтобы я телеграфировал в Петербург? Сообщил Дмитрию Сергеевичу и Сергею Юльевичу, что генерал-майор Новицкий препятствует выполнению их задания?

Телеграфировать чужому министру было бы со стороны Лыкова нарушением всех регламентов. Да и чин маловат для этого. И формально никакого поручения сыщику Витте напрямую не давал. Отчасти Алексей Николаевич пошел на блеф. Однако личное знакомство с Витте вполне позволяло ему, в случае крайней необходимости, связаться с сановником. Сыщик решил, что если Новицкий сейчас не уступит, то он, Лыков, не остановится ни перед чем. Он был почти уверен, что история со шпионством подстроена с целью отобрать у него дело.

Но жандарм струсил. Риск поссориться с могущественным Витте и потерять десять тысяч рублей испугал его. Генерал приказал принести бумаги убитого оценщика. Алексей Николаевич только глянул на «шпионские» кроки и сразу рассмеялся:

— Полноте, это и есть ваш план секретного сооружения? Напоминает детский рисунок. А тут штаты саперной бригады? Я могу сделать такие же, только дайте мне адрес-календарь Киева. Все страшные тайны не стоят и рубля. А вы — сто гульденов...

Новицкий был уязвлен. Сыщик не стал с ним церемониться. Он убрал бумаги в карман сюртука и сказал:

— Еду к Драгомирову. Он опытный военный, и притом начальник края. По итогам экспертизы я немедленно извещу ваше превосходительство.

Надворный советник опять слукавил. К Драгомирову просто так не попадешь. А если и попадешь, то можешь уйти ни с чем. Лыкову требовался союзник, который сумеет прогнать голубые мундиры. Он отправился в гостиницу и взял письмо барона Таубе к генерал-майору Маврину. Пришло время пустить бумагу в ход. Кроме того, сыщик продел в петлицу Георгиевскую ленту. Он всегда так поступал, когда общался с военными.

Штаб округа помещался на Банковой, 11. Симпатичное здание с двумя островерхими башенками построил еще Меринг-старший и сдал в аренду военному ведомству. Надворный советник попросил отвести его к дежурному генералу. Тот принял гостя в собственном кабинете. Окружной дежурный генерал являлся ближайшим помощником начальника штаба по делам личного состава и материального устройства войск, еще он состоял инспектором госпиталей округа.

Маврин оказался сухопарым мужчиной лет сорока пяти, с настороженными глазами и напряженным лицом. Дикая Мавра — вспомнил сыщик его прозвище среди друзей. Мундир Генерального штаба украшали Станиславская звезда и шейный Владимир.

— Чему обязан? — спросил генерал, выходя на середину кабинета.

— Я пришел к вашему превосходительству по служебной надобности. Но у меня есть рекомендательное письмо.

— Чье же?

— Виктора Таубе.

Напряжение сразу сменилось доброй улыбкой:

— Вот славно! Давно видели барона?

— Увы, давненько. Позвольте представиться: Алексей Николаевич Лыков, чиновник особых поручений Департамента полиции в седьмом классе.

— Лыков из Департамента полиции? Вы, случайно, родом не из Нижнего Новгорода?

— Именно так.

— Тогда я вас знаю. Наслышан, как же. Виктор много о вас говорил, прямо чудеса рассказывал. Про вашу силу, и вообще... Но прошу простить мою болтовню. Что у вас за нужда?

Сыщик первым делом вручил генералу письмо Таубе. Тот прочитал, убрал в стол и спросил:

— Вам понадобилась защита военных?

— Увы.

— От кого, от Трепова?

— Еще хуже: от Новицкого.

По лицу Маврина пробежала гримаса отвращения.

— Старый кретин... Что он выкинул на этот раз?

Лыков рассказал, как вел дознание и как оно было у него отобрано. Потому что якобы всплыло шпионство. Затем он разложил на столе найденные у вдовы бумаги. Генерал внимательно рассмотрел их и хмыкнул:

— М-да, сильные аргументы... Младенец лучше бы нарисовал кроки Новой Печерской крепости. Скажу так: их делали наспех, по памяти, какие-то малообразованные люди. Не военные. Это карикатура на шпионство, а не само шпионство.

— Такое экспертное заключение мне и нужно. Лучше за подписью командующего.

На этих словах дверь вдруг открылась. Подволакивая правую негнущуюся ногу, вошел старик в серой черкеске с генерал-адъютантскими погонами, кинжалом на поясе и Георгием третьей степени на шее. Драгомиров!

Сыщик и дежурный генерал вскочили. Командующий округом недовольно посмотрел на незнакомца. Увидел ленточку и смягчился.

— Братик мой, — сказал он Маврину, — как освободишься, подойди ко мне. Я у Владимира Александровича^[40].

— Слушаюсь!

Драгомиров повернулся, чтобы уйти. Но вдруг раздумал. Он ткнул пальцем в штатского и спросил:

— Это кто?

— Надворный советник Лыков из Департамента полиции.

— Который приехал по делу Афонасопуло?

Ай да начальник края, подумал Лыков. Уже откуда-то знает.

— Точно так. Ему нужна наша помощь. Генерал-майор Новицкий решил забрать дознание себе.

— С какой стати?

Маврин покосился на Лыкова. Тот выступил вперед и пояснил:

— В бумагах убитого были обнаружены якобы шпионские материалы. Я подозреваю, что их сфабриковали и подбросили, чтобы меня отстранили и дело забрали жандармы. А Новицкий им не опасен, он убийца не найдет.

— А вы, значит, найдете?

— До сих пор всегда находил, — ответил сыщик, решив не спускать даже Драгомирову.

Командующий округом задумчиво посмотрел на питерца. Видимо, пытался понять, хвалится тот или говорит правду.

— Покажите мне бумаги.

Маврин протянул «кроки» и листы со штатами саперной бригады.

— М-да... То ли шпионы поглупели, то ли у ваших противников было мало времени. Скорее второе. Как думаете?

— Так же, как и вы, ваше высокопревосходительство. Штаты списаны из адрес-календаря, зарисовка укреплений смехотворна. Но мне нужно

официальное заключение военных. Лучше за вашей подписью.

— Братик мой, поручи это полковнику Лукомскому. Срочно, от моего имени.

— Сию минуту.

Маврин выбежал из кабинета. Драгомиров, хромая, вышел следом. Сыщик остался один. Кругом военные тайны разбросаны, а у него даже документов не спросили... По счастью, хозяин скоро вернулся и сказал:

— На это уйдет некоторое время. Не желаете ли чаю?

— Алексей Алексеевич, позвольте, я пока вопросы задам? Понимая вашу занятость, постараюсь кратко.

— Товарищу Виктора Рейнгольдовича я не могу отказать. Что вас интересует?

— Шпионаж, о котором говорил Новицкий, действительно существует? Он хвастался, что ловит австрийских агентов тысячами.

— Семь лет назад было дело, — ответил Маврин. — Но теперь Австро-Венгрия сдала позиции. Правда, совсем недавно произошел неприятный случай: из штаба кавалерийской бригады, дислоцированной напротив Злочева, выкрали секретные документы. В том числе план мобилизации.

— Ого! Как им это удалось?

— Войска ушли на лагерный сбор, осталась лишь караульная команда. Их напоили, взломали сейф^[41] с бумагами. Ну да черт с ней, с двуединой монархией. Это слабый противник, сам по себе он русской армии не страшен. Много больше нам теперь досаждают немцы.

— О них Новицкий не сказал ни слова.

— А он и не знает ничего. Только и умеет, что раздражать население своими глупыми репрессиями.

— Поясните, — попросил Лыков.

— Да вот хотя бы в апреле. Собрались интеллигенты, читали реферат об Ибсене. Что в том плохого? Налетели жандармы и всех, кто был в квартире, закатали в тюрьму. Более шестидесяти человек. Продержали там полтора месяца, а после отпустили. Даже не допросили ни разу! Чего этим добился Новицкий? Лишь одного: у правительства стало больше врагов.

— На шестьдесят человек, — подхватил сыщик. — Зачем же нужен такой держиморда?

— Это, Алексей Николаевич, вам лучше знать, а не мне, — парировал Маврин. — Новицкий по вашему министерству служит.

— Да, хорошо отбрили. Что ж, вернусь в Петербург, расскажу начальству. А теперь, Алексей Алексеевич, пожалуйста, про немцев. Это не

праздное любопытство. Дело, которое я дознаю, трудное. Мне все время кто-то мешает. Вдруг тут действительно шпионаж?

Генерал внезапно рассердился:

— Что шпионы? Они не нужны кайзеру, пока у нас есть Витте! Он один сделал для ослабления русской военной мощи больше, чем все агенты, вместе взятые. Протяженность наших границ — семнадцать тысяч верст. Их же охранять нужно, черт побери! А этот дундук средств не дает. У солдат до сих пор нет даже носовых платков. Подушек с одеялами нет, ротные командиры из своего кармана покупают.

— Алексей Алексеевич, я понимаю, вам, военным, больно такое наблюдать. Но мне бы про шпионов... Настоящих. Есть ли они?

— С шестидесятых годов из Германии в западные губернии России хлынул поток новых колонистов. Вы знаете что-нибудь об этом?

— Ну, едут люди. Непьющие, работающие. Что в том плохого?

— Непьющие, работающие... — передразнил генерал сыщика. — От друга Таубе не ожидал такой близорукости. Селятся эти ребята не абы где, а норовят осесть по военным коммуникациям. В Киевской губернии сейчас шестьдесят одна германская колония. Имеются целые поселки, где не найти православного человека. Вокруг крепости Ковно живет пятнадцать тысяч немцев. В Ровно двадцать четыре тысячи — целый корпус. А в Житомире больше всего — сорок семь тысяч. Представляете?

— Ну и что? В Риге еще больше. Там немцы всесильны. У вас же здесь не так?

Маврин вздохнул:

— Как вы думаете, сколько сейчас в Российской империи проживает немцев?

— Настоящих или тех, кто признает немецкий язык родным? Ведь многие живут здесь со времен Екатерины. Виктор Таубе, позволю напомнить, тоже не эскимос.

— Я поясню: за последние сорок лет к нам переехали миллион триста тысяч германцев. В ту же Африку, которую они будто бы активно колонизируют, переселились всего двадцать тысяч. Вы понимаете, что это значит?

Лыков опешил:

— В Африку двадцать, а к нам... Дайте подсчитать.

— Уже подсчитали. В шестьдесят пять раз больше.

— Не может быть!

— Увы, Алексей Николаевич, я не шучу. Это правительственная военная колонизация. Они готовят здесь себе помощников. Может, даже

партизан. Среди приехавших большинство резервисты, молодые люди, недавно прошедшие действительную службу. Кайзер учредил Немецкое колониционное общество и в пару к нему — Немецкий экспортный банк, который обслуживает всю лавочку. Обороты огромные.

— А наше правительство что же? Спокойно наблюдает? — возмутился надворный советник.

— В семьдесят седьмом году было спохватились. Издали указ, запрещающий иностранным подданным покупать землю в приграничных губерниях. Бисмарк — он тогда еще был у власти — отреагировал мигом. Германия срочно приняла закон о двойном подданстве. Согласно ему, германский колонист, принявший подданство другой страны, сохраняет и немецкое. Со всеми полагающимися правами и обязанностями. Среди колонистов весьма развиты всякие ферейны^[42], но почему-то с военным уклоном. Особенно популярны стрелковые — замечали?

— Угу, хоть в той же Риге.

— Дети колонистов, родившиеся в России, приписаны к призывным участкам в Германии. И достигши двадцати одного года, уезжают отбывать воинскую службу там. А сюда возвращаются запасными чинами, причем среди них много офицеров. Устраиваются у нас в страховые, технические, торговые фирмы и представительства и проникают на все интересующие немецкую разведку объекты. От Польши до Владивостока.

— Мрачная картина, — поежился Лыков. — А у нас нет даже контрразведывательной службы. Шпионов ловит безмозглый Новицкий.

— Странно он их ловит, — сердито сказал генерал. — Австрийский консул Фельнер фон дер Арль является резидентом в Киеве, нам это доподлинно известно. А главный жандарм играет с ним в карты в яхт-клубе. И считает, что ведет таким образом агентурное наблюдение.

— За картами?

— Точно так.

— Вот молодец! Он и с Мерингом играет. Жалование платят, почему бы не повинтить?^[43]

Генерал и сыщик попили чаю. Вот-вот должны были принести нужный Алексею Николаевичу документ. Чтобы занять время, он спросил, как ведут себя в Киеве поляки.

Маврин ответил:

— Сейчас тихо. И неудивительно: после восстания шестьдесят третьего года их сильно потрепали. Во-первых, существует закон, запрещающий полякам покупать имения у своих соотечественников. Тут, в

Юго-Западном крае. Во-вторых, поляки-землевладельцы платят особый налог. Все это ведет к тому, что паны уезжают. Отдают поместья за полцены, и прочь отсюда.

— Но уехали не все?

Дикая Мавра согласно кивнул:

— Конечно. Многие живут себе, как жили. В Киеве есть польский кружок. Он группируется вокруг генерал-лейтенанта Любовицкого, командира девятого корпуса. Хороший, кстати сказать, генерал, честно служит.

— А пристав сыскной части Желязовский?

— Что Желязовский?

— Ну, говорят, он берет взятки. Как и полицмейстер Цихоцкий.

Алексей Алексеевич опять рассердился:

— Слышал и я такие разговоры про полковника Цихоцкого. Имение купил за сто тысяч, да?

— Наверде того, — осторожно ответил Лыков.

— Так вот, имения этого никто в глаза не видел. Но все о нем рассказывают.

— Сплетня?

— Наверняка, — подтвердил генерал. — Мы, военные, далеко отстоим от городской повседневной жизни. Но с приходом на должность Цихоцкого порядка в Киеве стало больше.

Тут Маврина вызвали к начальству. Он вернулся через пять минут и принес бумагу. Начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант Сухомлинов подтверждал, что предъявленные для экспертизы бумаги шпионскими материалами не являются. Сведения, заключенные в них, носят несекретный характер. И бумаги скорее смахивают на подделку с целью бросить тень на их владельца.

Еще Маврин сказал:

— А вы знаете, Алексей Николаевич, что губернатор Трепов послал на вас жалобу министру внутренних дел?

— Как жалобу? — удивился сыщик. — Перед его отъездом в отпуск мы с ним все обсудили. Он согласился, что дознание необходимо продолжить.

— Мне сейчас Драгомиров подтвердил. Трепов сначала явился к нему и попросил подписать отношение к Сипягину. Что надворный советник Лыков зарвался, интригует против видных деятелей общества... Командующий отказался подписывать.

— Почему?

— Он не любит шайку Меринга-Марголина. И считает, что будет полезно, если приехавший из столицы сыщик ее переворошит.

Лыков вздохнул:

— Ну хотя бы генерал-губернатор на моей стороне.

— Зря радуетесь, Алексей Николаевич. Трепов подписал ябеду на вас самолично и отослал в Петербург. Еще они подрядили Гудим-Левковича. Который генерал и хорошо знаком государю.

— Павла Константиновича? Бывшего управляющего Кабинетом Его Величества?

— Его, — подтвердил Маврин. — Так что ваш министр получит жалобы на вас сразу с двух сторон.

— А Меринг укатил в столицу, чтобы лично оболгать меня перед Витте, — продолжил сыщик. — Третья жалоба. Это согласованный план. Ишь как они боятся моего дознания... Значит, есть что скрывать.

— Будьте осторожны. Самый влиятельный кружок в Киеве как раз кружок Анатолия Викторовича Гудим-Левковича.

— Председателя правления нескольких банков сразу?

— Да. Сам он пустое место. Обычный поиздержавшийся барин, противник всяких демократий и ретроград. Не очень умный. Женился на богачке, с целью поправить дела. Но Гудимы все заодно, и в строительном деле у них свои интересы. Вас решили дискредитировать.

Новость была не из приятных. Губернатор с полицмейстером уехали отдыхать. Перед этим нажаловавшись на Лыкова министру. Причем атака шла по нескольким направлениям. Сипягин в первую очередь барин и царедворец и лишь потом министр. Он не захочет ссориться с такими же, как он, аристократами из-за какого-то там надворного советника. Проще отозвать его обратно в Петербург.

Сыщик поблагодарил дежурного генерала и за экспертизу, и за сведения об интригах. И поехал на полицейский телеграф.

Как и следовало ожидать, там лежала адресованная ему телеграмма Зволянского. Лыков расшифровал ее. Оказалось, что директора вызвал министр и потребовал прекратить дознание. Немедленно. Ссылался он при этом на просьбу Витте. Не на Трепова с Гудимой, а на Витте. Похоже, что Михаил Меринг вновь одурачил своего высокопоставленного тестя. Зволянский писал, что ему удалось пока отложить крайние меры. Он обещал Сипягину запросить Лыкова, что у него происходит. Кому он в Киеве наступил на ногу? Теперь директор требовал объяснений.

Алексей Николаевич воспрянул духом. Если для Сипягина главное — это мнение Витте, у сыщика есть шанс. Он составил ответ. В нем было

сказано, что дела Меринга плохи и его банкротство неизбежно. И у Лыкова на руках имеются доказательства. Акты сверки по задолженностям, письма подрядчиков и поставщиков — все говорит об этом. Зять дискредитирует родственника своей авантюрной деятельностью. Он на каждом углу козыряет именем Витте, врет, что имеет от него поддержку. И набирает все больше и больше долгов. Будет скандал, и тень падет на Сергея Юльевича. Ведь Меринг прямо заявляет, что министр финансов покроет все долги зятя. Обязанность Сипягина — помочь приятелю защитить свое имя. Для этого дознание надворного советника Лыкова надо продолжить.

Зашифровав ответ и отослав его, Алексей Николаевич вновь явился к жандармам. Новицкий уже откуда-то знал, что Витте просил Сипягина отозвать командированного чиновника. И повел себя нагло. Сказал, что дела сыщику не отдаст и вообще, его дознание вот-вот прекратят сверху. Пора, мол, покупать обратный билет...

Лыков молча выложил на стол заключение военных. Новицкий прочитал его и побагровел:

— Но ваш же министр больше не хочет дознания.

— Как только я получу официальный приказ, то немедленно вернусь в Петербург.

— Да всем уже известно, что ваши интриги разочаровали Сипягина. Вы, господин надворный советник, проглотили кусок не по горлу.

— Не к лицу генерал-майору и начальнику ГЖУ повторять сплетни.

— Что? — привстал Новицкий.

— То, что слышали, ваше превосходительство. Министр внутренних дел — высшее начальство и для меня, и для вас. Мне он дал полномочия вести дознание. Открытый лист видели? Видели. Там стоит его подпись. Что, она уже отозвана?

— Скоро будет отозвана, уверяю вас.

— Вы тут отвыкли от настоящей службы, — с презрением сказал Лыков. — Банкротство Меринга неизбежно, как наступление зимы. Начнутся суды, на них будут полоскать имя Витте. Он, конечно, устоит. Но надолго запомнит, кто в Киеве помешал Лыкову предотвратить скандал. Вам десять тысяч-то уже не нужны, что ли? Так и скажите. Я передам Сергею Юльевичу.

Жандарм был ошарашен тоном петербургского чиновника. Тот буквально цедил сквозь зубы, словно говорил с лакеем. Есть такой тип самодуров на местах: вдали от начальства они теряют чувство меры, поскольку не встречают отпора. Если их осадить, самодуры пугаются и отступают. Лыков — человек вроде бы маленький, но так себя ведет.

Видать, право имеет. Да еще знает про деньги на слежку за студентами. Вдруг действительно пожалуется Витте? Лучше смолчать.

— Генерал-губернатор, если слышали, отказался назвать мои действия интригами, — добил жандарма Лыков. — Телеграмму Сипягину не подписал, а вот это заключение одобрил. Так что дознание я вам не отдаю. Шиш вам, а не дознание. Честь имею!

Повернулся и вышел.

Желязовский был поражен, когда питерец явился к нему со знакомым конвертом и сказал:

— Продолжаем вести это дело.

— Но жандармы...

— Вернули его мне.

— На каком основании? — вскинулся поляк.

— Военные подтвердили мою догадку. Бумаги, найденные у вдовы, шпионскими не являются. Кто-то хотел ловко прекратить поиск убийцы оценщика. Да вот не вышло.

После этих слов питерец порвал конверт в клочья и выбросил его в мусорную корзину.

Коллежский ассессор хотел возразить, но передумал. А Лыков отправился в общую комнату, искать Асланова.

Околоточный тоже изумился новости.

— Ну вы даете, Алексей Николаевич, — уважительно сказал он. — У самого Новицкого кусок изо рта вырвать! Он вам никогда не простит.

— Черт с ним, давайте продолжим дознание. Я хочу повидаться с замечательной вдовой. Кто она и где живет?

Татарин причмокнул:

— Женщина и впрямь замечательная. Зовут Антуанетта Константиновна Биркина. В соку баба! Адрес — улица Рогнединская, дом два. Вам ее сюда доставить или сами к ней поедете?

— Сам поеду. Погляжу, как живет сочная женщина. И выясню, откуда у нее такие странные бумаги.

В последней фразе был скрытый смысл. Конверт обнаружил на квартире Биркиной Спиридон Федорович. Теперь выяснилось, что это был отвлекающий ход преступников. Не Асланов ли подбросил «кроки» крепости? Второпях нарисовав их на коленке. Надзиратель понял подтекст и усмехнулся:

— Желаю успеха. Другие приказания будут?

— Приказывать вам, Спиридон Федорович, я не имею права, — серьезно ответил питерец. — А просьба есть.

— Слушаю.

— Меня интересуют все случаи гибели людей, занимающихся строительными подрядами. Скажем, за последние пять лет.

— Что значит все случаи?

— То и значит. Выпал из окна, завалило обрушившейся стеной, убили грабители, повесился с горя...

— Жертвы преступлений тоже? — уточнил надзиратель.

— Да.

Киевлянин почесал в затылке:

— Долго придется в архиве сидеть.

— Уж будьте добры.

— Ладно, — вздохнул Асланов. — Но я правильно вас понял? Несчастные случаи с каменщиками или кровельщиками вас не интересуют?

— Нет. Только с хозяевами дела: владельцами земельного участка, решившими построить на нем дом, или подрядчиками, или поставщиками кирпича, леса, цемента, извести. Или с главой крупной влиятельной артели. А еще с банковскими служащими, занятыми ипотекой. Такими, как Афонасопуло.

Околоточный отправился выполнять просьбу-приказ. А Лыков поехал на Рогнединскую.

Антуанетта Биркина, судя по всему, была во вкусе таких людей, как Асланов. Смуглая, с большой грудью и чувственным ртом, немного вульгарная. Вдове на вид было лет тридцать. Большое количество косметики мешало определить возраст точнее.

— Антуанетта Константиновна, скажите, откуда в вашем доме взялся тот конверт?

— Оставил мой друг.

— Афонасопуло?

— Да.

Барыня ненатурально всхлипнула и сделала жест, будто смахивает слезу.

— Он часто у вас бумаги оставлял?

— Трудно сказать...

— Но вы подумайте и ответьте.

— По правде говоря, господин Лыков...

— Алексей Николаевич, к вашим услугам.

— ...Алексей Николаевич, я не смотрела. У вас, мужчин, такие скучные бумаги всегда. Журналы мод со шляпками — другое дело. А у Платона Ивановича все акты, счета и эти... где земля нарисована.

— Географические карты? — удивился сыщик.

— Ах, нет. Чертежи.

— Планы земельных участков?

— Может, и так они называются. Я женщина неопытная, и притом беззащитная вдова.

Лыков понял, что имеет дело с хитрой бестией, которая ловко прикидывается дурачком. И он ничего от нее не узнает.

— А точно конверт с бумагами оставил ваш друг? Не мог его кто-то подбросить? Или вложить туда несколько листов?

Биркина захлопала глазами:

— Кто?

— Вам виднее, Антуанетта Константиновна. Сюда много людей приходит?

— Какие же у меня могут быть люди? Вы на что намекаете? Что я неразборчивая и принимаю мужчин?

Сыщику пришлось откланяться.

Глава 11. Братья Корба

Питерец прогулялся по береговым террасам. Лето — не лучшее время для Киева. На Днепре проступают отмели, портящие всю картину. В аллеях городских садов скашивают траву для лошадей пожарных обозов. Пыль, духота, а когда проливаются дожди, делается неимоверно грязно.

Лыков не замечал этого, он думал. Хорошо, что удалось вернуть себе дознание. Но как его вести? Идей было немного. С исчезновением Бурвасера прервалась линия николевских головорезов. Есть два взаимоисключающих протокола, и оба подписаны покойным Созонтом Безшкурным. Для себя надворный советник решил, что правдив его протокол и николевские не убивали оценщика. Тогда кто?

Проделка с кроками Печерской крепости преступникам не удалась. Военные подняли на смех «шпионские» бумаги. Похоже, их сочиняли второпях и не успели придумать ничего получше. Когда состряпали? Как только поняли, что питерец не отступит от своей версии. И решили его оттереть, передав дознание глуповатому Новицкому. Асланов нарочно послал сыщика кататься на пароходе, чтобы к его возвращению дело уже оказалось у жандармов.

Два раза всплывали сомнительные документы. В первый раз это был паспорт убитого, найденный у «ивана». Во второй — конверт с подделкой. В обоих случаях находки сделал все тот же Спиридон Федорович. Очевидно, он их подбросил. Но доказать это невозможно. Ловкий надзиратель, у которого весь преступный Киев в кармане, играет против Лыкова. Значит, и вся сыскная часть тоже. Кроме честного Красовского, но его сослали куда подальше за помощь питерцу.

Как же тогда вести дознание? Полиция сует палки в колеса. Губернатор пишет на сыщика доносы. И дело не в начальстве, бог бы с ним. Поиском преступника занимаются Желязовский и Асланов, они-то и решают. Те люди, которые должны ловить убийцу, делают все наоборот.

Это, как сказали бы бухгалтеры, пассив. Что есть у надворного советника в активе? Загадочный арендатор кирпичного завода, у которого в казарме живут лихие ребята. Очень лихие, самые настоящие уголовные. Ну и что? Какая тут связь с погибшим оценщиком? Арешникова с последним объединяет лишь одно: оба участвовали в строительных делах. Но в них замешаны тысячи людей...

Так, начнем сначала. Авантюрист Меринг заигрался и близок к

банкротству. Он вытянул из Городского кредитного общества кучу денег и вряд ли их вернет. Помогал ему в этом председатель правления банка Шлейфер, партнер Меринга по строительным проектам. Заодно Михаил Федорович опустошил и свой банк — Киевский частный коммерческий. Ну, некрасиво... Такие вещи кончаются судом и продажей имущества на торгах. В КАДО все к этому и идет. При чем тут смерть Афонасопуло? Стал писать письма с разоблачением махинаций Михаила Меринга? Пустяки. За такое не убивают, даже морду не бьют. Обычный коммерческий конфликт, каких в стране ежедневно происходят сотни. Особенно во время кризиса.

Тем не менее оценщика убили. И начальство сыскной полиции лезет из кожи вон, чтобы сбить Лыкова с правильного следа. Зачем? По каким-то причинам киевским сыщикам не хочется, чтобы убийца Афонасопуло был пойман. И пока Лыков не поймет этих причин, он продолжит шарить наобум.

Минуту, одернул сам себя Алексей Николаевич. В противниках у него не только мелкие фигуры: коллежский асессор Желязовский и околоточный Асланов. Задействованы силы более мощные. Губернатор Трепов просит министра внутренних дел отозвать сыщика Лыкова. Поступает при этом трусливо: шлет жалобу и отбывает в отпуск. Вроде бы как умывает руки, не борется до конца. Но все же бумагу он подписал. А влиятельный киевский род Гудим-Левковичей попросил о том же своего столичного родственника, лично известного государю. Гудимам-то что за дело до убийства Афонасопуло? Ну завязаны в строительных делишках Меринга. Самое время отойти в сторону, пока не грянул скандал. А они горой за него, пытаются выжить ревизора, посланного двумя важнейшими министрами империи. Еще одна загадка.

Ясно лишь то, что клубок интриг, мошенничеств и прямых преступлений связан с домостроительным кризисом. И смерть оценщика, которая вроде бы стоит особняком (за такое не убивают!), тоже.

Вечером Лыков опять наведлся на полицейский телеграф. Как он и ожидал, Сипягин сдался. Он узнал от Зволянского, что киевские дела плохи и у чиновника особых поручений на руках имеются доказательства близкого краха Меринга. Наверняка Дмитрий Сергеевич вызвал Сергея Юльевича и показал телеграмму Лыкова. Витте помнил сыщика и сообразил, что тот зря говорить не станет. Зять приехал, чтобы солгать тестю прямо в глаза. Витте обиделся и просил приятеля продолжить дознание.

Алексей Николаевич немедленно отбил ответную депешу. В ней он

просил Зволянского сообщить все то же самое, но открытым текстом. Пусть киевские полицианты поймут: дознание продолжается.

И оно действительно продолжилось, да так, что Лыкова едва не убили.

Все началось с очередного совещания в кабинете Гуковского. Врид полицмейстера прочитал утреннюю сводку происшествий и укоризненно сказал сыщикам:

— Когда же вы это прекратите?

В сводке сообщалось о новом убийстве. Напротив бань Бугаева на Подоле течение выбросило труп неизвестного мужчины. О несчастном случае речь не шла: мужчина был заколот длинным и узким клинком. Били в спину сверху вниз, между ключицей и лопаткой.

Асланов помрачнел.

— Знакомый удар? — догадался Лыков.

— Увы. Это почерк Ефима Корбы.

— Но как можно так ударить?

— Если рост почти с сажень, то можно.

— И вы до сих пор не поймали эту орясину? Человека огромного роста за версту видать. Абсолютная примета.

Гуковский вступился за подчиненных:

— Легко вам поучать, Алексей Николаевич. Не вам их ловить. А тут хитрые злочинцы: в городе днем не бывают, да и ночью на освещенные улицы не суются. И что нам тогда с огромного роста?

— На что же тогда банда живет? — возразил питерец. — Если и днем и ночью из притона не выходит...

— Я не говорил, что не выходит, я говорил, что они осторожные. Шакалят по окраинам, где полицейский надзор слаб.

— Расскажите про банду, — попросил Лыков Асланова. — Вы тогда упомянули, что вся троица два года в розыске. Как киевская полиция их ищет? И почему агентура не помогает?

Надзиратель хмыкнул:

— Помните мои слова про Ефима? Злой, очень злой. Самый опасный на сегодня во всем крае. В прошлый раз его арестовали по доносу известного вора Халимона, маза шайки, что квартировала на Константиновской улице. Я взял парня с поличным, на малине отыскиались странные вещи: мундир сапера и ранец. Чую, не его кле^[44], не воровской товар. Стал колоть. И Халимон сознался, что их оставил Корба. В этом наряде он ходил ночью по городу и высматривал добычу. Ну и... указал нам маз адресок в Саперной слободке, где убийца прячется. Так вот. Когда Корбу арестовали, то посадили в Лукьяновскую тюрьму. И он там сразу

отличился. Подловил в бане доносчика и зарезал у всех на глазах.

— Публично пошел на мокрое дело? — не поверил Лыков. — При свидетелях?

— Точно так.

— Отчаянный...

— Огонь, не человек, — согласился Спиридон Федорович. — Теперь понимаете? Никто ничего нам больше про Корбу не скажет. Никакая агентура. Жить всем охота.

— Как же он сбежал из тюрьмы? Такого зверя и не укараулили?

— Ефим схитрил, прикинулся сумасшедшим.

— Пошел по восьмому отделению?^[45] — желчно спросил надворный советник. — И ему поверили?

— Прокурорский надзор распорядился, — буркнул Асланов. — Что мы могли сделать?

Полицейские помолчали. Поимка опасной шайки — дело местных сил, столичного командированного это не касается. Но тут вдруг Желязовский произнес с важным видом:

— Не совсем так.

— В каком смысле? — уточнил у начальства околоточный.

— Кое-что агентура сообщила.

— Неужели, Северин Янович? — обрадовался Гуковский. — Так не тяните, поделитесь сведениями.

— Мой освед служит старшим официантом в «Босфоре»...

— Это третье злачное место в Киеве, после «Шато-де-Флер» и «Эльдорадо», — пояснил Лыкову врид полицмейстера. — Находится на Трухановом острове.

— Помню, мы проплывали мимо, когда выдвигались в Никольскую слободу.

— Точно так, — подтвердил Асланов, не сводя удивленных глаз с пристава. — Но, Северин Янович... Что сказал Мар... ой! Ваш освед?

Коллежский асессор продолжил, как ни в чем не бывало:

— Это особо законспирированный агент, из моего личного секретного списка. И сообщил он следующее. Уже неделю, как в гирле залива Старик дежурит незнакомая лодка. В ней сидит человек, весьма высокорослый, свирепой наружности и два пассажира. Эти двое играют в зале по маленькой. Так это по-русски?

— Так, — хором сказали остальные. — Но продолжайте!

— Официант никогда прежде троицу не видел: новенькие. Приплывают вечером, отчаливают под утро, когда игра заканчивается.

— Что же показалось вам подозрительным? — не понял коллежский советник. — Все в «Босфоре» так поступают: к одиннадцати ночи полный зал сидит. А потом расходятся.

Но Асланов смело возразил Гуковскому:

— А я согласен с Северином Яновичем. Их трое, и братьев Корба трое. Один высокого роста, и он в зал не суется, сидит в лодке. Почему? Да потому, что он и есть наш Ефим. Наружность у него самая приметная. Надо засаду ставить в «Босфоре».

— Думаете, там братья-акробаты этого несчастного закололи? — уточнил Гуковский.

— Полагаю, да, Петр Петрович. Двое в зале не просто так болтались, а следили, кто выигрывает. Третий, главный, ждал на пристани. Когда клуб закрылся и все стали разъезжаться, им осталось лишь заманить игрока к себе в лодку.

— Я бы не сел к трем таким громилам, — усомнился надворный советник.

Асланов опять возразил, теперь уже ему:

— Вы бы не сели, а этот сел. Выиграл кучу денег, веселый, все у него отлично. Вина выпил на радостях. Как стали отбывать с острова, кругом лодки, множество людей садятся в них, чтобы плыть на правый берег. Он тоже сел. Безопасно: всюду глаза и уши, делов-то речку пересечь. Двое, что с ним были, — знакомые, играли за одним столом. Несчастной жертве и невдомек. Но, когда флотилия отчалила, все изменилось. Ночь вокруг, на реке ни зги не видать. Соседние посудины куда-то делись, рассыпались в темноте по плесу. И стало возможно достать кинжал. Ефим заранее устроился позади пассажира. Бац! И готово...

Надзиратель резко и сильно взмахнул рукой, изображая смертельный удар. Все поежились.

— Так ведь и было, — пробормотал Лыков. — Вот сволочи...

— Надо их к ногтю, — мрачно продолжил Гуковский. — Давно пора.

— Легко сказать, да трудно сделать, — осадил начальство Желязовский. — Где искать троицу? Если покойник — их рук дело, теперь Корбы надолго спрячутся.

Это звучало убедительно. Вообще, начальник сыскного отделения оказался не таким дилетантом, каким изначально выглядел. Лыкову даже стало неловко за свои прежние мысли о поляке.

— Северин Янович, Спиридон Федорович, — обратился он к киевским сыщикам. — Дело вроде бы не мое, но вдруг? Может банда Ефима иметь отношение к убийству Афонасопуло? Тогда бы я смог помочь, чем сумею.

— Спиридон в тот раз сказал, что это маловероятно, — напомнил Желязовский. — И потом, был же разговор. Запоминали? Что оценщик не вовремя отдавал долги и его перестали пускать в «Босфор».

— Теперь я думаю иначе, — нахмурился Асланов. — Афонасопуло выиграл на скачках три тысячи. Кто его с такой суммой да не пустит играть? В клубе дураков нет. Что же касается помощи Алексея Николаевича... Посмотрел я на него в деле. Сильный сыщик, опытный человек. Уж извините, господин Лыков, что говорю прямо. Но ваша помощь была бы нелишней.

Однако Гуковский считал иначе.

— Я не могу впутывать в дознание постороннее лицо, — объявил он безапелляционно. — Полицмейстер вернется, он мне голову оторвет. Господин Лыков прибыл сюда по делу об оценщике, при чем тут братья Корба?

— Давайте искать связь, — настойчиво потребовал питерец.

— Как?

— Надо начать с установления личности убитого.

— Верно, — поддержал надворного советника пристав. — Спиридон, пошли людей во все участки, узнать, есть ли заявления о пропавших. Кто ночью домой не вернулся, тот и наш.

Киевская полиция сработала быстро. Уже к обеду выяснилось, что жертвой грабителей стал некий Диамандиди, владелец депо фортепьян и фисгармоний на Козьеболотской улице. А вечером Асланов установил, что Диамандиди и Афонасопуло — родственники. Более того, будучи оба заядлыми картежниками, они часто играли вместе. Вот и связь!

Алексей Николаевич пошел к Гуковскому. Коллежский советник думал недолго.

— Валяйте, — разрешил он. — Помогите нашим, чего уж.

Так питерец расширил свое дознание, включив в него и дело братьев Корба.

Сыскари устроили военный совет. Главный вопрос был: где искать гайменников. Желязовский опять напомнил важный факт:

— Спиридон, ты говорил, что Ефим, возможно, является тайным владельцем публичного дома. Было такое?

— Было, Северин Янович. Получил я такие непроверенные сведения. Будто бы где-то за Глубочицей, а содержит его маруха Корбы.

— У тебя там агентура есть?

— Настасья Федоровна Спульник, видная бендерша. Вот только...

— Что «только»?

— Сами знаете, как неохотно рассказывают про этих ребят. После истории с Халимоном все как воды в рот набрали.

Пристав стукнул кулаком по столу:

— Передай Спульник, что я у нее патент отберу. Повод всегда найдется.

Асланов покачал головой:

— Патент — вещь важная, спору нет. Вот только жизнь еще важнее.

— А ты что предлагаешь?

— Надо по уму действовать, вот что.

— Уточни.

Надзиратель посмотрел на Лыкова и сказал:

— Тут Алексей Николаич может удружить.

— Я всей душой, — воодушевился питерец, — но что делать-то?

— Мы придем к бендерше вместе. Вы будто бы покупатель.

— Покупатель кого, проституток?

— Нет, — отмахнулся околоточный, — берите выше. Вы обдумываете прикупить публичный дом. К примеру, бывший полицейский чиновник, вышли в отставку, капитал скопили. И теперь ищете, куда вложить. Чем не легенда?

— Но хозяйкой борделя может быть лишь женщина, — возразил Лыков.

— Формально да. Ну так на супругу оформите. А реально владеть будете вы — деньги-то ваши.

— М-м... Интересно, интересно...

— Так, и что нам даст твоя легенда? — вступил в разговор пристав.

— А то, что Настасья Федоровна такой разговор охотно поддержит, — пояснил надзиратель. — Это не грантовщика заложить, знаменитого своей свирепостью. Тут профессиональная оценка нужна. И Спульник ее даст. Мы поинтересуемся, сколько борделей в округе, какой доход дает средний дом. Есть ли желающие продать дело и сколько за это попросят. Дотошно так, с деталями. Главный вопрос спрячем среди множества других: кто хозяева? И о каком доме баба отзовется наиболее скупно, тот и есть нужный нам.

Мысль околоточного надзирателя казалась верной. Полицейские власти Киева в последние годы перевели публичные дома на несколько окраинных улиц. Появились своего рода оазисы платной любви. В Лыбедском участке это были Ямки, в Печерском — местность за базаром, в Дворцовом — улица Бассейная, а в Старокиевском было всех строже: там бордели запретили вообще. В Лукьяновке гнезда порока сгущались в одном

месте, вокруг Глубочицкого шоссе, ближе к Подолу. Их хозяева и работницы по-соседски варились в одном котле и хорошо знали дела друг друга.

— Сколько там публичных домов? — спросил Лыков.

— Официально с десяток.

— А на самом деле?

Асланов развел руками:

— Знает только околоточный, а он не скажет.

— Так может, с него начать?

— Нет. Моя идея лучше. Спульник любит потрепаться о чужих делах. Язык как помело. Про свои смолчит, а насчет соседей наболтает целый короб. И тут надо нам с вами, Алексей Николаевич, держать ухо востро и заметить тот момент, когда баба замкнется и заявит что-то подозрительное. Навроде того, что хозяин — человек новый и сообщить о нем нечего.

Так и решили. Лыков постоял перед зеркалом, поискал нужное выражение лица, чтобы походить на держиморду в отставке. С трудом, но ему это удалось. Вечером в веселых домах начинается бурная жизнь. Поэтому полицейские решили навестить «тетку» днем, до разгула.

Заведение Спульник стояло на пересечении Подвального и Косогорного переулков. Место было запущенное и какое-то облезлое. Извозчика решили не отпускать, а то его потом здесь не сыщешь... Асланов пошел к своей агентке, а Лыкова попросил немного обождать. Тот прогуливался вдоль забора, ожидая, когда его пригласят. Вдруг из-за поворота, за которым скрылся надзиратель, послышались свистки: один длинный и один короткий. Питерец насторожился: этот сигнал в полиции означал «берегитесь!». Следом раздались крики и топот ног. Через секунду в переулок выбежало несколько человек. Впереди несясь Асланов со штатным свистком в кулаке и кричал во все горло:

— Стеляйте, Алексей Николаевич! Стеляйте!

За ним гнался верзила с кинжалом в руке, а следом — еще двое. Братья Корба!

— Стеляйте вы уже... — просипел околоточный, видимо теряя силы. Лыков похолодел: он забыл револьвер в гостинице. Черт! Что же делать? Бандиты быстро приближались.

Надворный советник повернулся и кинулся к извозчику. Прыгнул в коляску и крикнул:

— Берем второго — и ходу! Плачу вдвое!

На рысях Асланов поравнялся с экипажем и ввалился внутрь. Щелчок кнута — и пролетка рванула.

— Гони!!! — заорал Лыков диким голосом. Оборачиваться было страшно, но он обернулся. Огромными шагами, с нечеловечески искаженным лицом, убийца настигал их. Глаза бешеные, а клинок сверкает на солнце... Неужто догонит? Лошадь медленно набирала ход; как назло, дорога шла в гору.

Сыщик уже примерялся пнуть Ефима каблуком в челюсть. Сбить с ног, отнять кинжал... Шансов мало, но вдруг повезет? Братья атамана отстали саженой на десять. Если сблизятся, то конец — обоих сыщиков вмиг зарежут. Но кнут все же сделал свое дело. Кобыла рванула, как скакун-чемпион на круге, и разрыв с убийцами начал увеличиваться. Еще немного, и стало ясно: полицейские спасены.

Тяжело дыша, Асланов вытаращился на питерца:

— Что, вы тоже без оружия?

— А вы, Спиридон Федорыч, хороши! Как маленький. Пошли в притон с пустыми руками...

— Уф... Ведь чуть не зарезал, черт бешеный. Никакой французский бокс не помог бы. Едва подошел к дверям, а они оттуда выходят. Сразу Ефим меня и узнал. Как только спаслись?

Действительно, атаман гнался за пролеткой до последнего.

Сыщики примчались на Львовскую, 89. Ввалились в Лукьяновский участок и переполошили всех. Надзиратель собрал полдюжины городских, велел вооружиться, как на войну, и повел обратно в Глубочицу. Но там, конечно, гайменников уже не было: они сбежали.

В кабинете полицмейстера опять состоялось совещание. Храбрец Асланов быстро пришел в себя и даже пошутил над приключением. Лыкову было не до смеха. Если бы они отпустили извозчика, то оба были бы уже мертвы... Три головореза с ножами легко расправились бы с безоружными противниками.

Гуковский вызвал к себе околоточного надзирателя Мурашко и потребовал от него объяснений. Как в его околотке завелась банда, а он об этом не знает? Гиганта Ефима Корбу с того берега Днепра видать. А страж порядка не разглядел у себя под носом. Или тут измена?

Мурашко мямлил что-то несуразное. Гуковский нажимал и грозил выгнать околоточного без прощения.

— Вы понимаете, что после этого вас уже никогда не возьмут на государственную службу? Я вам на всю жизнь формуляр испорчу! Говорите, где искать злочинцев?

Коллежский советник ничего не добился. Да и не мог он надавить как следует. Помощник полицмейстера, временно исполняющий его

обязанности. Все в городе знали, что Петр Петрович не фигура, а так, затычка. Поорет и перестанет, без Цихоцкого ни на что не решится.

Понимала это и Спудльник. Гуковский на нее тоже топал ногами и грозил отобрать патент. Бендерша играла дурочку и залила платок фальшивыми слезами. Так все и кончилось ничем.

Однако, как выяснилось, коллежский советник не успокоился. Видимо, ему очень хотелось отличиться в отсутствие начальства. Явятся из отпуска губернатор с полицмейстером, а самая страшная банда Киева обезврежена. Кто сумел, кто тут герой? Гуковский герой! Поэтому сыскное отделение получило приказ рыть землю двадцать четыре часа в сутки. Северин Янович, как всегда, скрылся в неизвестном направлении, тщательно нафабрив усы. А чудом спасшиеся сыщики остались думать.

В первом часу ночи Асланову принесли записку. Тот пробежал ее глазами и радостно воскликнул:

— Есть!

— Хорошие новости?

— Еще какие! Браты-акробаты нашлись. Не желаете, Алексей Николаевич, отомстить за пережитый страх? Как мы с вами от них улепетывали... Умирать буду — не забуду. Или набегались на сегодня? Скажите честно, и без вас возьмем стервецов.

Лыкову вовсе не хотелось второй раз за день встречаться с бешеным дезертиром. Но как бросить коллегу одного? Стыдно. И он заявил, стараясь выглядеть невозмутимым:

— Нет, я с вами. Так где отыскиались наши утрешные обидчики?

Околоточный пояснил:

— Я разослал сыскных городских по слободкам, рассудив, что в самом городе или близко к нему Корбы спрятаться побоятся. И угадал. Калайда сообщает: бандиты поселились в Голосеевском лесу.

— Неужто прямо в лесу? — удивился питерец.

— Это местность южнее Демиевки. Лес там действительно есть, и принадлежит он Лавре. А кроме леса, еще монастырь, при нем слободка, а в слободке постоялый двор. Темное место, давно я держу его на примете.

— Поехали туда! — загорелся Лыков и первым делом проверил, при нем ли револьвер.

— Сейчас рано, — остудил его пыл надзиратель. — В темноте разбегутся. Надо, как тогда в Никольской, поутру.

Ситуация повторилась. Надворный советник опять не сомкнул глаз, дожидаясь команды выезжать. Теперь, правда, он знал, к чему готовиться. Три негодяя, которым терять нечего, — это опаснее всей банды

Безшкурного, вместе взятой.

Отряд сыскарей выдвинулся еще в темноте. Асланов предупредил своих людей, что дело особенное. Надо держаться вместе и страховать друг друга. И патроны жалеть не стоит.

Калайда встретил товарищей на подъезде к монастырю. Смелый парень всю ночь провел в кустах, наблюдая за противником. Постоялый двор стоял на отшибе, близко к лесу. Не иначе для того, чтобы его жильцам было легче удирать при облаве...

— Тихо? — шепотом спросил подчиненного Асланов.

— Тихо, Спиридон Федорович. Там они...

Городовые рассыпались цепью и пошли. Все держали оружие наготове. Во двор проникли без помех, но дальше случилось непредвиденное. Огромный детина в одном исподнем выскочил наружу и с рыком попер прямо на револьверы. Тускло блеснул клинок в его руке. Думать было некогда. Раздались два выстрела. Пуля Лыкова угодила атаману в ляжку, а пуля Асланова — точно в лоб. Ефим покачулся. Татарин выстрелил еще раз, опять в голову, и бандит рухнул навзничь.

— Зачем же, Спиридон Федорович?! — воскликнул питерец.

Тот зло огрызнулся:

— А вы что, жить не хотите?

— Хочу. Но куда бы он от нас делся? Ранить да связать.

— Сейчас никуда бы не делся, — согласился Асланов. — А потом? Вы уедете, а я тут останусь. Ефим в тюрьме сидеть не приучен. Сбежит — и ко мне, счета сводить. Нет уж, мне такой должник не нужен!

И Лыков промолчал.

Городовые скрутили оставшихся братьев. Те не сопротивлялись. Похоже, старший был заводилой. Увидев его с простреленной головой, братья скисли.

Обыск на постоялом дворе выявил много барахла. По всему следовало, что тут у бандитов давнишний притон. Ловкий надзиратель опять отличился: он разыскал в вещах серебряный порт-папирос с монограммой «А.П.».

— Смотрите, Алексей Николаевич, интересная вещь. Не нашего ли оценщика?

— А Пэ? — усомнился Лыков. — Афонасопуло Платон? Сомневаюсь. Не по-русски как-то.

— А как по-русски?

— Пэ А. Сначала имя, потом фамилия.

Асланов взял пленных за ворота.

— Эй, звери. Чья скуржа?^[46]

Но Корбы лишь пожали плечами. Мало ли добра прошло через их руки? Всего не упомнишь.

— Ладно, утро вечера мудренее, — решил надзиратель. — Дадим порт-папирос на опознание.

Лишь к трем часам питерец с киевлянином снова встретились в комнатах сыскного отделения. Их сразу вызвали к Гуковскому. Там уже сидел пристав Желязовский. Причем с таким видом, будто лично переловил страшную банду.

— Поздравляю, господа! — встал коллежский советник и с чувством пожал обоим сыщикам руки. — Я уже известил начальника края. Генерал-адъютант Драгомиров велел передать вам благодарность. Такую язву с Киева устранили. Рассказывайте, как все было.

Асланов доложил, ничего не приукрашивая. Притом честно сознался, что не собирался брать главаря живым. На этом месте ему пришлось объясниться с питерцем.

— Поймите, Алексей Николаевич, Ефим не просто атаман уголовной шайки, он абрек. Знаете, кто это?

— Отчаянный, — подал реплику Желязовский.

— Нет, — возразил Асланов, — отчаянных много. Тут другое.

— Абрек — это отверженный, — сказал Лыков.

— Именно так, — поднял палец татарин. — Отверженный. Переставший быть человеком. Он не боится ни Бога, ни черта. Не имеет слабостей и привычек. Мать-отца не ставит ни во что, а братья ему только подручные. Взять хотя бы «ивана» Созонта Безшкурного. Милый шалун против Ефима. Людей он убил больше дезертира, но как убил? По необходимости, работа такая. Созонт жил по уголовным законам. Ему бы и в голову не пришло гоняться по улице с кинжалом за полицейским чиновником. Зачем? «Иван» при аресте сказался дома^[47], как принято у фартовых. Потом сбежал бы и опять принялся резать людей. А этот? Ему законы не писаны, ни уголовные, ни казенные. И зачем такому жить?

Гуковский окончательно добил питерца:

— Мы ведь от полицмейстера все про вас знаем, Алексей Николаевич. Вы сами-то сколько народу перебили при задержаниях? Человек пять? Или больше? Так вам ли осуждать Асланова?

После визита к начальству сыщики приступили к опознанию папиросника. Сначала Спиридон Федорович вызвал обладателя тройной фамилии. Финкель-Князин-Победоносцев долго вертел вещь в руках и

морщил лоб. Потом изрек:

— Ну не знаю... Вроде похож, а вроде и нет.

— Но буквы-то его, — ненавязчиво подсказал околоточный.

— Буквы его.

— Значит, и штука тоже его? Подпишите вот здесь.

Ктитор охотно подтвердил, что порт-папирос «чрезвычайно похож» на тот, что он видел у убитого оценщика.

Затем явилась Антуанетта Биркина. Увидев папиросник, она сразу принялась рыдать. А потом попросила оставить вещь ей, на память о любимом человеке... Асланов получил вторую подпись в протоколе опознания и повеселел.

— Вот видите, Алексей Николаевич, — сказал он, — дело идет!

Питерец сухо предложил ему прокатиться в банк. Там он собрал сослуживцев Афонасопуло и показал им папиросник. Сразу четверо определенно подтвердили, что такого у оценщика не было. Да, он курил. И порт-папирос имел, тоже серебряный. Но не с монограммой, а с цветной эмалью.

Надзиратель снова погрузился. А Лыков дал в газету «Киевлянин» срочное объявление. В нем указывалось, что полиция ликвидировала опасную банду и конфисковала много похищенных у жертв вещей. Среди них есть серебряный папиросник с монограммой из двух букв. Все желающие могут явиться в сыскное отделение и осмотреть его.

Уже следующим утром пришла пожилая женщина, одетая во все черное. Она спросила у сыщиков:

— Скажите, буквы не А Пэ?

— Точно так, — ответил Лыков, протягивая посетительнице папиросник. Она только взглянула на него и сразу же села.

Женщина не рыдала и не требовала себе ничего. Просто молча смотрела, гладила серебро, и лишь губы ее дрожали. Потом она встала и заявила твердым голосом:

— Да, это вещь моего сына. Его звали Андрей Пархоменков. Он пропал четыре месяца назад, тело так и не нашли.

— Вам придется подписать протокол опознания, — мягко сказал надворный советник.

— Где?

— Вот здесь. Укажите свой адрес, пожалуйста. После вынесения приговора и передачи дела в архив вы сможете забрать папиросник.

Когда женщина в черном ушла, околоточный довольно потер руки:

— Ну вот, еще преступление раскрыли. Надо в рапорте отразить.

Статистика — первое дело.

Лыкова покорила такая черствость. Но ничего не поделаешь: человек, долго служивший в полиции, неминуемо привыкал к людскому горю и отвыкал от сантиментов.

— Спиридон Федорович, пора продолжить дознание, — сказал надворный советник. — Хорошо, что мы раскассировали банду Корбы. Но к убийству оценщика она отношения не имеет.

— Какие будут дальнейшие указания, ваше высокоблагородие? — принял надзиратель официальный тон.

— Те, что я вам уже дал. Жду данных по несчастным случаям в строительном деле.

— Слушаюсь!

Глава 12. Происшествие в Зверинце

Асланов трудился над поручением питерца два дня. За это время с Лыковым произошел знаменательный случай. Сыщик получил записку от сочной вдовы. Биркина в вежливых выражениях просила чиновника зайти к ней на квартиру. Она хотела кое-что сообщить.

Заинтригованный питерец прибыл на Рогнединскую. Позвонил в дверь и услышал «входите». Он шагнул в прихожую, оттуда прошел в гостиную. В глубине комнаты на банкетке лежала совершенно голая Антуанетта Константиновна и призывно протягивала к гостю руки.

Не теряя ни секунды, сыщик развернулся и бросился наружу. У двери уже стояли двое мужчин с лицами профессиональных свидетелей. Чуть-чуть не успели! Мужчины смешались и не знали, как поступить. Лыков схватил обоих в охапку и вынес на подъезд, по пути сжав так, что те взвыли...

— Чтобы тихо у меня, — сказал он им строго.

Тут же от угла отъехала пролетка с поднятым верхом. Лыков не успел разглядеть седока, но ему показалось, что это был любимец Асланова городской Зелло.

Полдня командированный провел в картотеке сыскного отделения. У него появилась догадка: а нет ли там данных на коменданта Зверинца? Лука Емельянович был личностью приметной. Рост — два аршина девять вершков^[48], нос тонкий, крылья носа широкие, форма уха номер два, глаза серо-зеленые, слева вверху золотая фикса.

Лыкову повезло: он нашел своего знакомца. Уголовного звали Карп Притаманный. И он был убийца, с девяносто седьмого года находившийся в циркулярном розыске! Ай да кирпичники обитают под боком у Лавры... Открытие свое сыщик решил держать в тайне. Заведывающий картотекой старший городской Удод стоял у питерца над душой, пытаясь понять, что тот ищет. Не иначе как выполнял приказ Асланова. Поэтому Алексей Николаевич не подал виду. Пробурчал что-то и удалился будто бы разочарованный...

Теперь следовало придумать, как поступить с открытием. Формально Лыков обязан был известить пристава сыскного отделения и потребовать ареста преступника. В Зверинец отправилась бы толпа городских. А у семи нянек дитя без глазу. Большая слободка, с тайными тропами и притонами — как в ней найти опасного человека? И Лыков решил действовать один.

Арестовать убийцу, сдать в участок и тогда требовать поддержки. Факт задержания налицо, его уже не спрячешь. Если даже обыск и облава в Зверинце ничего не дадут, Притаманный будет у него в руках. И Алексей Николаевич попробует его разговорить. Только надо посадить его к военным, а то сбежит, как все предыдущие арестанты.

Так, отличный план. Явиться одному в бандитскую слободку и захватить матерого убийцу. У которого под рукой куча приятелей, таких же головорезов. Как бы самому сыщику купол не свинтили... Надо выманить Карпа из казармы. Хорошо бы оказаться с ним один на один где-нибудь в малолюдном месте. Но как это сделать?

Была и еще одна проблема. Надворный советник давно уже понял, что за ним неотступно следят. Филеры действовали грамотно, он их не видел, только чувствовал. Судя по навыкам, это не уголовные, а люди Желязовского. Но в Зверинце сыщику «хвост» ни к чему. Надо от него избавиться.

Весь вечер Лыков пытался уйти от слежки. Оказалось, что его наблюдают трое: два пеших филера и третий в пароконной пролетке. Ребята были тертые и хорошо знали город. В конце концов питерцу пришлось завести их в Царский сад и там перелезть через забор. В темноте, рискуя сломать себе шею, он долго скитался по откосам. Через Провалье и Козловскую улицу кое-как выбрался наверх. Там взял извозчика и велел доставить его к Ботаническому саду.

Дворник вспомнил сыщика и выдал ему ключ от явочной квартиры Красовского. Алексей Николаевич поужинал в знакомой кухмистерской и лег спать. Встал поздно, опять спустился вниз и не спеша позавтракал. Он хотел оказаться в слободе, когда откроются кабаки и в них набьется народ. Лыков загримировался тем же босовиком, взял вид на имя Малахия Сафронова. Прополоскал рот водкой, чтобы пахло подходяще. Спрятал в сапог полицейский билет, за пояс сзади сунул смит-вессон. Ну, с Богом...

Отставной солдат появился в питейном заведении в Церковном переулке около полудня. Сел в углу и потребовал «чаю-сахару покурить». Ему дали сотку^[49] водки и блюдец гороха. Денег у солдата, по всему, было мало, а гонору оказалось много. Гость быстро захмелел и начал дерзить публике. На увещевания ответил:

— Я солдат, имя знаменитое,^[50] я царю служил! А вы? Дьяволу? Ему, кому же еще.

Завсегдатаи не поняли, при чем тут дьявол, и пытались разобраться. Но служивый только кричал всякие глупости и мешал другим. Его

попробовали вывести вон. Однако не вышло. Солдат нагло заявил:

— Я всю роту сюда приведу. По бревну раскатаем ваш клоповник.

И тогда владелец заведения, степенный старовер, приказал половому:

— Сходи-ка за Лукой Емельяновичем. Хватит такое терпеть.

Вскоре нужный сыщику человек показался на пороге. Он сразу узнал служивого:

— Ты зачем явился, дурак? Я же наказывал не приходить.

— Иди прочь, галман. Всю роту... а то и баталион...

Лука Емельянович огляделся. Хозяин сказал ему:

— Не здесь бы, а? Выведи куда-нибудь.

Комендант Зверинца за ворот вытащил пьяного на улицу. Тот нетвердым шагом двинулся к ближайшим кустам.

— Эй, куда? Замри!

Солдат не останавливался. Уголовный двинулся следом, недобро ухмыляясь. Вдруг в зарослях босовик повернулся и сказал обычным голосом:

— А ведь я тебя знаю. Ты Карп Притаманный.

Фартовик дернулся, словно его ударили по лицу. Огляделся по сторонам и спросил:

— А ты кто? Я тебя не помню.

Сам же при этом сунул руку в карман.

— Я надворный советник Лыков из Департамента полиции.

Карп выдернул руку с ножом, но ударить не успел. Лыков махнул, как кошка лапой: вроде играючи, однако рослый детина отлетел на сажень. Пока он приходил в себя, Алексей Николаевич успел его обыскать. Выудил дешевый револьвер с полным барабаном, понюхал ствол. Никакого запаха — из оружия давно не стреляли.

Рывком подняв пленного, сыщик поставил его на ноги. Высунулся из кустов: кругом было тихо и безлюдно.

— Слушай внимательно, скот. Сейчас идем в участок. Рука у меня тяжелая. Дернешься — врежу сзади кулаком по почке. Она от этого разлетится на куски прямо внутри тебя. Сообразил?

Притаманный молча кивнул. Он стоял с затравленным видом, пытаясь понять, что случилось. Только что был кум королю, хозяин слободки. А сейчас без ножика, в голове шумит...

— На шаг впереди меня. Пшёл!

Они двинулись к плацу. Зверинец — тихое место, и прохожих почти не попадалось. Но уже через сотню шагов убийца попробовал улизнуть. Сыщик догнал его и приложился повыше поясницы. Вполсилы, чтобы не

калечить. Притаманный долго выл, пытался подняться, но не мог. В переулке замаячили люди. Питерец взял пленного под руку и потащил едва ли не на себе.

— Второй раз будет последним, — пригрозил он.

Но Карп не испугался. Как только они поравнялись с какой-то девочкой лет тринадцати, фартовый прохрипел ей:

— Скажи...

Закончить не успел — полетел кубарем на землю. Девчонка убежала прочь. Уже не скрываясь, сыщик повел Притаманного в полицию.

Печерский участок располагался в доме номер двадцать по Эспланадной улице. Лыков командовал стоявшему у входа городовому:

— Пристава сюда!

Тон был такой, что служивый повиновался без промедления. В участке надворный советник сдал арестованного, пояснив, что это скрывающийся от розыска опасный убийца. Прибыл вызванный курьером Асланов и сначала не узнал Лыкова в гриме. А когда понял, кто перед ним, восхитился.

Околоточный внимательно разглядел детину и подтвердил:

— Карп Притаманный. Вот стервец! Третий год мы его ищем, а поймали вы, приезжий. Как вам удалось?

— Он попался мне в казарме завода Арешникова.

— Того самого?

— Да.

— Вы решили загримироваться и разведать завод?

— Спиридон Федорович, теряем время, — остановил расспросы питерец. — Я вам потом все расскажу, а сейчас срочно идем облавой. Там их, может, целая шайка. Вызывайте подмогу.

Но Асланов ловко протянул волынку. Киевская полиция по каким-то причинам обходилась без телефонов. Пока курьер добрался до Желязовского, пока тот прислал сыскных городских, прошло больше часа. Этого фартовым хватило. Когда облава ввалилась в казармы, там уже было подчищено. Все рабочие с паспортами, никаких уголовных рож. На вопрос о Луке Емельяновиче конторщик только развел руками. Знать не знает этого человека! На заводе он не числится, живет где-то в слободке. Кто такой, бог его ведает...

Питерец взялся за рабочих, но не преуспел. Отдыхавшая смена вся состояла из жителей Могилевской губернии, пришедших в Киев на заработки. Люди больше всего боялись потерять место и не сказали ничего важного.

Сыскные перевернули Зверинец вверх дном. Квартира Притаманного обнаружилась в Караваевских дачах, что возле Верхней Телички. Там нашли вещи, явно краденые: трое мужских часов, отрез дорогого драпа. Но никаких подсказок относительно занятий бандита. Сам он молчал, на вопросы отвечать отказался. А еще мочился кровью и время от времени впадал в забытие. Побившись с ним немного, Лыков заявил:

— Я помещу арестанта к военным.

— К каким еще военным? — удивился Желязовский.

— В крепость. А то из вашей тюрьмы все бегут, и этот убежит.

— Я протестую, оно затруднит дознание, — попытался спорить коллежский асессор. Но питерец был неумолим. Он съездил к дежурному генералу и попросил содействия в размещении арестанта. Маврин связался с комендантом Печерской крепости Немировичем-Данченко. В результате Карп Притаманный был посажен на крепостную гауптвахту. Военный врач осмотрел его и сказал, что арестант в госпитализации не нуждается, отлежится здесь.

В итоге подвиг Лыкова завершился пшиком. Он поймал опасного злодея, которого долго и безуспешно разыскивала местная полиция. Молодец, слов нет. Но какая от этого польза дознанию?

Арендатора во время облавы в казарме, разумеется, не было. Он явился в управление полиции уже к вечеру. Алексей Николаевич впервые увидел человека, который его давно интересовал.

Арешников оказался солидным мужчиной лет сорока, седым, сухощавым, с тщательно расчесанной бородой. Взгляд умный, спокойный. И что-то волчье внутри, глубоко спрятанное, но заметное опытному взору. Рассмотрев посетителя внимательно, Лыков уже не сомневался: перед ним уголовный преступник.

Разговор не сложился. Арендатор упирал на то, что является известным предпринимателем и трудится по благословению владыки, на Божье дело. Кто такой Карп Притаманный, он не знает. В заводе все чисто, а за слободку пусть отвечает полиция, ей за это жалование платят. Быстро ответив на вопросы, кирпичник откланялся.

В десятом часу ночи, когда Желязовский давно покинул присутствие, два сыщика уселись за самоваром. Спиридон Федорович был весел и оживлен, будто и не провел целый день на ногах. Алексей Николаевич устало щурился. Задержание в одиночку опасного бандита далось ему нелегко, хотелось спать или выпить.

— Вы подготовили, что я просил?

— Вот, извольте.

Асланов протянул надворному советнику лист с записями:

— Здесь все за последние пять лет.

Лыков стал просматривать бумагу. Строительный подрядчик Шнарбаховский вывалился из окна в прошлом октябре. Это о нем рассказывал дядька с тюремного завода... Годованик, владелец земельного участка внизу Круглого университетского спуска, убит и ограблен неизвестными в девяносто пятом, преступники не найдены. Шабашенко, частный кредитор, давал займы под залог земли, сгорел вместе с дачей в прошлом году. И хозяин кирпичного завода в Шулявке Трофимов-Синопийский. Этот по ошибке вместо валерьяновых капель выпил карболовую кислоту и скончался месяц назад.

— Четверо?

— Ну, ваш Афонасопуло пятый, — напомнил околоточный.

— Опасная профессия у вас в Киеве — строитель.

— Да. Я сам об этом подумал, когда список составлял.

— А еще о чем подумали, Спиридон Федорович?

— Пять человек за пять лет. Не много, но и не мало. Вы считаете, Алексей Николаевич, кто-то себе рынок расчищает?

— Допускаю.

— И на кого грешите? На Арешникова?

— Какое он произвел на вас впечатление? — вопросом на вопрос ответил питерец.

— Основательный.

— И все?

Асланов задумался.

— Ну, взгляд у него жесткий, но это ни о чем не говорит. В коммерции без жесткости прогоришь.

— То, что именно в его казарме прятался Притаманый, вас не смущает?

— Так ведь не доказано. Карп жил поблизости, да. Может, и в казарму заходил. Но были ли они вообще знакомы с арендатором?

— В разговоре местные называли Карпа комендантом Зверинца, — напомнил Лыков.

— Пускай. Что с того? Слобода дрянная, не спору. Живет в ней всякий сброд. Вот и Притаманый. Три года мы его искали, а он вон где укрывался. И каждый сморчок, поди, знал, что это злочинец. Знал и молчал. Но при чем тут кирпичный завод? Да еще какой — Лаврский! Только тронь Якова Ильича, попы такой крик поднимут...

Разговор закончился ничем. Асланов пытался обелить

подозрительного деловика, который больше смахивал на главаря разбойников. Еще он упрекнул питерца в неискренности. Вот, мол, опять ничего не сказали. Определили убийцу по картотеке и в одиночку пошли брать, полицию с собой не позвали. Лыков лишь отмахнулся:

— Скажите лучше, кто за мной следит с утра до ночи? Не по вашему ли приказу?

— Нет, такой приказ мог дать только Желязовский.

— Надоел мне этот «хвост». Завтра пожалуйся исправляющему должность полицмейстера.

— Бесполезно, Гуковский на себя ничего не возьмет, — отсоветовал надзиратель.

— И как тогда быть? Шагу ступить не дают. Лучше бы ваши филеры делом занимались, жуликов ловили.

— Полагаю, Северьяныч выполнял приказ Трепова, — предположил татарин. — Тогда ничего не попишешь, придется терпеть.

— А Трепову это зачем?

— Вы же ревизор, приехали в его вотчину. Желает знать ваши открытия.

— Полиция следит за полицией... — вздохнул Лыков. Но вспомнил, что такое с ним уже было — два года назад, в Риге. — А, ладно! Как дальше жуликов искать будем, Спиридон Федорович?

— На распоряжение начальства! — рявкнул околоточный и довольно загоготал. — Сегодня ловить уже поздно, идемте спать.

Однако день для питерца еще не кончился. В номерах Гладинюка его ожидала незнакомая женщина.

— Здравствуйте, я к вам от Николая Александровича. Он просил передать, что в городе.

Красовский в Киеве! Очень кстати. Лыков нарочно попросил нечестного надзирателя составить реестр происшествий в строительном деле, чтобы потом проверить его у надзирателя честного. И вот теперь честный вернулся.

— Что еще он передал?

Женщина беспокойно оглянулась. Сыщик понял ее:

— Где нам лучше поговорить? Может быть, поднимемся в номер?

— Давайте.

Когда они зашли внутрь, Лыков не сдержал удивления:

— Смелая вы женщина. Так безбоязненно прийти в комнату к незнакомому мужчине...

— Николай Александрович мне о вас рассказал, вот я и не боюсь.

— Что же он такого рассказал?

— Вы порядочный и умный.

Сыщик удивился:

— Вроде мы с ним общались всего ничего...

— А он сам такой. В смысле умный и порядочный. За это и страдает.

— Как вас зовут?

— Ангелина Васильевна Выверцева.

Они сели в кресла, и сыщик смог рассмотреть женщину поближе. Весьма миниатюрная, лет тридцати пяти, одета просто, никаких украшений. Красавицей не назовешь, но вид располагающий.

— Вы похожи на работающую женщину, — сказал Лыков. — Из тех, которые сами себя содержат и для которых это важно.

— Так и есть.

— Трудно приходится?

— Честный заработок всегда труден, — ответила Выверцева. Таким тоном, что все двусмысленности в ее отношении разом отпали. Стало ясно, что с ней можно говорить обо всем, только не о грязном.

— А кем вы работаете?

— Кассирша-конторщица, с залогом и рекомендациями.

Лыков понял. Не всякий мужчина, ищущий места, может представить рекомендации. А залог сейчас достигает нескольких сотен рублей. Эта маленькая женщина имела и то, и другое.

— А где служите?

Ангелина Васильевна впервые улыбнулась, едва заметно:

— Мы продаем колбасу для крыс. Производства Гаммершлендта. Видели в газетах нашу рекламу? Это такой яд против грызунов, а фабрикуется в виде колбасы.

— Кажется, читал... — Тут питерец спохватился: — Простите! Уже поздно, вы пришли по делу, а я у вас пустяки выпытываю. Что еще просил передать Николай Александрович? Он закончил дело в Ходоркове?

— Да. Его отпустили в Киев и дали три дня, чтобы написать акт дознания.

— Так он нашел убийцу?

— Разумеется, — удивилась вопросу женщина. — Чтобы Николай Александрович и не нашел?

Э-э, да тут любовь, догадался сыщик. Выверцева между тем продолжила:

— Писать бумагу он будет у себя на квартире. На службе появляться необходимости нет, да и Цихоцкий в отпуску. Поэтому он просит вас, если

есть время и желание, навестить его в эти три дня.

— Завтра же и заеду, — обрадовался надворный советник. — Где проживает Николай Александрович?

— Волчий яр, дом Саламахи. Это в Татарке.

— Так далеко?

— Там квартиры дешевле. Он же взятка не берет, — пояснила Ангелина Васильевна.

— Понятно, — вздохнул Лыков и встал: — Позвольте вас проводить?

Но женщина жестом пригласила его сесть:

— У меня есть еще разговор к вам. Не уверена, Алексей Николаевич, что вы его одобрите, но...

— Слушаю вас внимательно.

К удивлению Лыкова, гостя заговорила о своих отношениях с Красовским:

— Николай Александрович очень вас хвалил. Я уже говорила это, но сейчас не лишнее повторить. Он редко кого хвалит. А для него вы авторитет, человек выдающийся в той профессии, которую он себе избрал. Я имею в виду профессию сыщика.

Женщина замолчала, глядя на питерца.

— Я понял, продолжайте. Что вы желаете от меня?

— Ах, ну ясно же! Чтобы вы поговорили с ним. Он вас уважает и наверняка прислушается.

— О чем мы должны поговорить?

— О наших с ним отношениях.

Только теперь до Лыкова дошло:

— Вы хотите за него замуж, а он отказывается?

— Да.

— Что же ему мешает?

— Материальная неустроенность.

— Лишь это? Простите... Он вас любит?

— Да. А я его. Но щепетильность и честность Николая Александровича мешают ему сделать мне предложение. Поскольку он-де не сумеет обеспечить жене достойную жизнь. Он рассказывал вам историю про надзирателя, который застрелился от безденежья?

— Рассказывал.

— Это его больное место.

Лыкову на миг показалось, что его собеседница сейчас расплачется. Однако она и не думала этого делать.

— Я говорю ему, говорю: главное, что мы нашли друг друга. Все

остальное ерунда, и деньги в том числе. Кроме того, мой заработок тоже пойдет в семейный бюджет. Это его почему-то особенно злит... Почему, вот объясните мне? Почему женщина должна сидеть на шее у мужа? Почему служба ее унижает?

Сыщик только диву давался. Пришла в номер к незнакомому мужчине, выполнила поручение и сразу принялась решать свои дела. С бухты-барахты первому встречному выложила сокровенные тайны, да еще требует содействия.

А впрочем, что такого? Женщина хочет семейного счастья. Красовский — штучный человек, честен, умен, на своем месте. А его излишняя щепетильность лишь вредит возможному счастью...

— Я вас понял, Ангелина Васильевна. Сделаю, что смогу. Только надо придумать как. В этих тонких материях легко и навредить. Начну я Николаю Александровичу советовать, а он скажет: зачем лезете в чужую жизнь?

Они помолчали. Выверцева была довольна: собеседник понял ее и не сконфузился, не стал читать нравоучения. Ясно, что настоящие дамы себя так не ведут. Но меньше всего эта маленькая решительная женщина желала походить на настоящую даму.

— Как же мне вас проводить? — спохватился сыщик.

Кассирша-конторщица сразу его поняла:

— Николай Александрович предупредил меня, что за вами будут обязательно следить.

— Так и есть.

— Если вы сейчас меня проводите, филеры установят самоличность. Соединят с Николаем Александровичем, догадаются, что это он меня к вам послал. И проследят уже его квартиру.

— Как же быть?

— Я все придумала. Даже чулки фильдекосовые надела, — засмеялась Выверцева. — Мы сделаем вид, что я гулящая.

— Как это?

— Очень просто. Пришла к вам в номер, и мы тут... Ну, понятно. А потом, часа через два, вы меня отпустите. Я сама найму извозчика до дома. Тогда никто не свяжет меня с околоточным надзирателем Красовским. Он не из тех, что имеют дело с гулящими.

— И вы не боитесь? — ошарашенно спросил Лыков.

— Чего? Людской молвы?

— Хотя бы ее.

— Нет, не боюсь. Вот потерять Николая Александровича боюсь. И на

все готова, чтобы он был со мною. А молва...

— Вы суффражистка?

— Кто? Ах, эти... Нет, глупости мне не интересны. Я семью хочу и знаю, с кем.

Сыщик спохватился:

— Ой, чего же я сию! Сейчас вызову коридорного и велю принести, что полагается в таких случаях. Вы какое шампанское любите?

— Да и цимлянское сойдет, зачем вам так тратиться? — озабоченно сказала Ангелина Васильевна.

— Нет уж, все должно быть правдоподобно. Иначе могут не поверить.

Лыкову захотелось угостить эту необычную славную женщину. А тут такой повод. И он закатил настоящий пир. Скоро в номер принесли фрукты, бутылку «Вдовы Клико», шоколад и клюкву в сахаре — ее особо попросила гостя. Вечер удался.

— Я буду вас соблазнять, — смеялся надворный советник, подливая шампанское в бокал Ангелине Васильевне. Та смеялась и охотно пила. Ни у нее, ни у него и в мыслях не было ничего скабрезного. Хотя Лыков давно жил без жены и заглядывался на дам, однако к Выверцевой никакая грязь не липла, и они веселились, как хорошие друзья.

Уже во втором часу ночи кассирша-конторщица уехала на извозчике домой. И не позволила Лыкову проводить ее даже до двери, сыграла роль до конца.

Перед расставанием питерец не удержался и сказал:

— Как же вы будете жить с Николаем Александровичем? Если все сложится.

— В каком смысле? — не поняла Выверцева.

— Он такой правильный, такой... занудный. Жизнь по часам, от сих до сих.

— Ну и пусть.

— Но вы же совсем другая. В вас, Ангелина Васильевна, извините, бес живет. Трудно ему будет.

Выверцева не обиделась:

— Потерпит мой бес. Зато муж из Красовского получится что надо.

Уснул Лыков в хорошем настроении. Он твердо решил помочь Ангелине Васильевне устроить свою судьбу.

Глава 13. Ангел смерти

Утром встала задача избавиться от слезки. Лыков припас одну идею, пришло время ее испытать. Он спустился на извозчике на Подол и облазил Братский монастырь. Потом осмотрел неподалеку Притиско-Никольскую церковь. Этот маленький храм давно интересовал сыщика. Согласно предания, однажды туда залез вор. А когда начал выбираться с добычей в окно, стена сдвинулась и придавила его. И удерживала до прихода людей... Всегда бы их так!

Закончив с туризмом, Алексей Николаевич вышел к Контрактовому дому и огляделся. Вон его извозчик, стоит, дожидается. А вон «хвост» — двое пеших в толпе. Ага... Сыщик сел в экипаж и велел подняться по Александровской улице. Но вдруг возле станции железной дороги соскочил, бросил извозчику рубль и шмыгнул в вагон. Трамвай рванул так, что никакая лошадь не догонит. Даже пароконная пролетка филеров отстала — экая круча! Действительно, горбатый город... На Царской площади Лыков пересел опять в экипаж и поехал в Татарку.

Дорога оказалась тяжелой. Татарка очень неровная и застроена весьма хаотично. Фурман весь извелся. С трудом, то подымаясь в гору, то спускаясь в овраг, они отыскиали дом Саламахи. Унылое строение не первой молодости, во дворе колодец, все замусорено. Вид, правда, хороший — на Никольский монастырь.

Красовский снимал половину дома. Внутри у него был образцовый порядок старого холостяка. Много книг — сыщик оказался книгочеем. И вкусно пахло кофеем.

Николай Александрович обрадовался гостю и сразу угостил его. Сказал:

— Без кофе не могу. Первым делом, как просыпаюсь, выпиваю чашку, а следом вторую.

— Какую вы себе глушь для жилья выбрали, — подивился питерец.

— Зато полдома мои. В центре за эти деньги и конуру не снимешь.

— А как до службы добираетесь?

— Дохожу до Львовской, там сажусь на трамвай. У меня полицейский проездной билет.

За кофеем Лыков показал Красовскому выписки, сделанные его коллегой Аслановым. Пояснил:

— Хочу проверить, не упустил ли чего Спиридон Федорович. Если

забыл какой-то случай, значит, там и надо копать.

— Хм... Вы полагаете, смерть Афонасопуло связана с его профессией?

— Строительное дело в вашем городе, оказывается, весьма опасное занятие. Все тропки ведут туда.

Красовский внимательно изучил бумагу и сказал:

— Трех дел тут нет. Причем свежих.

— Ну-ка, ну-ка! По памяти назовете?

Сыщик откинулся на спинку стула и даже закрыл глаза.

— Сейчас...

Он молчал, наверное, минуту. Потом стал загибать пальцы:

— Шишко Маврикий Земович — раз. Зайцев Исаак Ицкович — два. И Тупчий Никифор Саввич — это три.

— Кто они?

— Шишко затеял стройку на Лыбедской площади, возле Троицкой церкви. Хорошее место, много на него охотников было. Зайцев учредил завод по изготовлению силикатного кирпича. Слышали про такой? Он крепче и дешевле глиняного. А Тупчий служил присяжным ценовщиком при управе. Говорили, что он принципиальный и часто у владельцев домов с ним возникали споры насчет оценки.

— Что, Асланов скрыл от меня сразу трех покойников? — возмутился питерец. — Неосторожно. Думал, его проверить нельзя? Вы в отъезде, а другие не посмеют спорить?

— Тут нет ни одного явного покойника, — пояснил Красовский. — Все трое бесследно исчезли. Шишко в декабре прошлого года, Зайцев в марте этого, а Тупчий в апреле.

— Та-а-ак... Вы лично дознавали какое-то из исчезновений?

— Когда люди пропадают, Алексей Николаевич, дознание, как правило, не ведется. Если только родственники не потребуют.

— И тут не велось? Во всех трех случаях?

— Жена и дети Тупчего потребовали. Дознавал сыскной городской Шандурипа из моего отряда. У нас, у околоточных, по восемь человек в подчинении. Мои все приличные, я их сам отбирал. А у Спиридона такие абреки! Первый среди них — Серега Зелло. Обыватели уж не знают, кого им больше бояться: бандитов или тех городских.

— И как начальство делит между вами город?

— Раньше было по участкам. Но пришел Желязовский и поменял. Теперь мне поручают дела, где с потерпевших нечего взять. А где можно заработать или отобрать у скачков со шниферами^[51], там Спиридон.

— Но Шандурипа — ваш человек. Он ответит на мои вопросы?

— Я напишу ему записку, тогда ответит.

— Пишите. Сейчас же еду в сыскное. Тут пахнет жареным, чует мое сердце.

— Я вот что помню... — задумчиво сказал Красовский. — Родня Зайцева расследовать его пропажу не просила. Но я все-таки заехал к ним домой, для очистки совести...

— И как?

— Напуганные они были, вот что бросилось в глаза.

— Напуганность — постоянное еврейское состояние, — возразил Лыков. — Что-то важные родственники сказали?

— Нет.

— Тогда я поехал. А к вам, Николай Александрович, такая просьба. Можете выяснить, кто получил участок после исчезновения Шишко? Вы сказали: место было хорошее.

— Ищи, кому выгодно?

— Точно так.

— Хорошо, я узнаю в управе, — кивнул Красовский. — Давайте в обед встретимся, обменяемся сведениями.

— Где?

— Да хоть в кухмистерской напротив Ботанического сада. Помните ее?

— Даже угощался в ней на днях. Но место известное, там ваша конспиративная квартира. Могут взять под наблюдение.

— Могут, — согласился околоточный. — Тогда где?

— Ваш город, вы и решайте.

— По улице Кожемяцкой есть тихая такая чайная...

— Кожемяцкая?

— Над Фроловским женским монастырем, по Замковой горе. Я там жил раньше. Хозяин — честный человек, молчаливый.

— Найду. Вот только боюсь, что буду уже с «хвостом». Ведь придется появиться в сыском, там мне его и приставят.

— Не беда, — усмехнулся Николай Александрович. — В чайной есть другой выход. Сядем в чистой половине, попросим хозяина никого не впускать. А как закончим, я нырну в проулок и был таков.

— Отлично. Значит, в той чайной ровно в двенадцать?

— Договорились.

Лыков отправился на Большую Житомирскую. Отыскал там городского Тараса Шандурипу, вывел в коридор и предъявил записку. Тот прочитал и стал во фрунт:

— Что изволите?

— Вы вели дознание по факту пропажи Тупчего? В апреле этого года.

— Так точно.

— Расскажите мне об этом деле все, что помните.

Городовой наморщил лоб:

— Звали его Никифор Саввич. Лет около тридцати. Задиристый был человек...

— Что значит задиристый?

— Ну скипидаристый. Ценовщики все продажные, а этот был не такой. Отказывался с домовладельцами ладить. Чтобы они ему, значит, барашка в бумажке, а он им налог уменьшил.

— Понятно. Многие, наверное, обрадовались, что такой человек исчез?

— Да уж. Он один всего и был неподкупный. Извели...

— Что показало дознание?

— А ничего не показало, — развел руками городовой. — Вышел Тупчий из присутствия по квартирному налогу и не вернулся.

— А подробнее?

Городовой опять наморщил лоб:

— Явился за ним какой-то молодой человек. И увел.

— Что за молодой человек? Куда увел?

— Дознанием этого установить не удалось. Да мало ли их там по городской управе ходит? Тут и связи-то, может, никакой нет.

— Может, и нет. А вдруг есть? Как незнакомец выглядел?

— Приличный, воспитанный. Лицо... чистое. Располагающее лицо.

— Возраст?

— Лет двадцать, не больше. Нет, он ни при чем, порядочного человека сразу видать.

Других важных сведений Шандурипа вспомнить не сумел и был отпущен. До полудня еще оставалось время, и Лыков потратил его на изучение журнала происшествий. Пропали три человека... По каждому нашлось несколько строк. И все. Никаких протоколов, актов дознания, показаний свидетелей. Киевская полиция не считала эти случаи преступлениями и не тратила на них время.

Надворный советник потребовал статистику. Найдено за прошлый год двадцать три мертвых тела — в основном бродяги и богомольцы. Немного для такого города... И двадцать человек записаны в безвестной отлучке. Этими занимаются нотариусы, поскольку вступление в права наследства откладывается на пять лет. И жены пропавших не могут вторично выйти замуж: то ли вдовы, то ли семейные. Если кому-то надо ускорить дело, он

обращается в полицию. Та запрашивает власти ниже по Днепру — нет ли утопленника, схожего по приметам.

Лыков всегда считал, что безвестная пропажа человека чаще всего означает преступление. Убили, а труп спрятали, чтобы не будить полицию. Но высокое начальство противилось такому толкованию. Зачем портить отчетность? Вот когда найдете покойника, будет разговор. А иначе нет. Мало ли причин? Надоело мужчине семью кормить, лямку тянуть, вот и убежал на вольные хлеба. Или сошелся с какой женщиной, а развод получить трудно, они и подались прочь.

Ровно в двенадцать сыщик входил в маленький одноэтажный домик в полугоре над Подолом. Хозяин чайной провел его в дальнюю комнату и вышел.

— Ну, что узнали? — спросил питерец у киевлянина.

— Участок на Лыбедской площади обнесен забором. Сначала его продали одному мазурику, гешефтеру. У него и денег-то сроду не было. А тот спустя месяц уступил землю Боруху Капусте.

— Капуста и есть подлинный застройщик?

— Да, этот при деньгах, — подтвердил Красовский. — Он занимается доходными домами всерьез. Такой потайной делец, мутный, нечистоплотный. А у вас что? Отыскали моего городского?

— Отыскал. Но он рассказал немного. Вышел ценовщик из присутственных мест, и больше его никто не видел...

— Так вот взял и вышел в никуда?

— Не совсем. Его увел молодой человек располагающей наружности.

Вдруг у Красовского сделалось растерянное лицо.

— Лет двадцати, вежливый?

— Да.

Плечи надзирателя опустились, как будто в нем что-то надломилось.

— Что такое, Николай Александрович?

— Зайцева тоже увел молодой парень. Я не придавал значения. Уж очень положительно его описывали... Явно человек из общества, какое он может иметь отношение к бандитам?

Сыщики долго молчали, потом Лыков вздохнул:

— Ангел смерти с чистым лицом. Такой мне еще не встречался.

— А в третьем случае его не было? — задался вопросом надзиратель. — Надо срочно отыскать семью Шишко. В адресном столе возьмем адрес и...

— Я не могу, — отказался питерец, — за мной же следят. Выдадим все наши открытия. Черт возьми, что это такое! В русском городе русский

сыщик прячется от русской полиции!

— Вы правы, поеду я один, — согласился киевлянин. — Встречаемся в шесть пополудни на явке, если сумеете избавиться от «хвоста». А не сумеете, пошлю вам записку в гостиницу, курьером.

— Договорились, Николай Александрович. А теперь давайте чаю попьем. С пирогами. Тут вкусные пироги?

— Особенно с рыбой. Но и с печенкой хороши.

— Годится. Зовите хозяина.

За чаем Лыков начал свободный разговор и быстро вывел его на тему женитьбы. Рассказал, как три года боялся сделать предложение богачке. А когда решился, выяснилось, что та давно его ждала и страдала.

— Представляете, Николай Александрович? Все было просто: я люблю ее, а она меня. Но эти проклятые деньги... Три года скитался по холостяцким квартирам, питался чем попало, чуть желудок себе не испортил. А мог жить все это время счастливым семьянином. Не в деньгах счастье.

— Вы думаете?

— Не думаю, а знаю. Если есть у вас на примете хорошая женщина, не тяните время.

— Это не Ангелина ли вам внушила? — заподозрил неладное опытный сыщик.

— Ангелина Васильевна — женщина серьезная, с кем попало на такие темы вряд ли говорит. Но вчера она показалась мне достойной особой. Разве не так?

— Да, так. Но... — Красовский подпер голову кулаком и, помолчав, спросил: — Так вы считаете, не в деньгах счастье?

— Убежден. Их всегда не хватает. Ждать, когда средств станет достаточно, — глупое занятие. Надо жить, ничего не откладывая на завтра.

Лыков промолчал, что является опекуном имения, обеспечивающего сто тысяч годового дохода. Не стал он рассказывать и о том, как вчера серьезная женщина увлеченно играла роль проститутки в гостях у незнакомого мужчины. Даже потребовала в номер гитару и спела цыганский романс. Порочным натурам так хочется иногда побыть порядочными — и наоборот...

На этом полицейские расстались. Алексей Николаевич вернулся в сыскное отделение и засел за журналы происшествий прошлых лет. Когда стукнуло три пополудни, отправился обедать. Он присмотрел симпатичный ресторанчик на Рейтарской, но войти не успел. У входа его окликнули:

— Господин Лыков!

Сыщик обернулся — и с трудом сохранил невозмутимость. Перед ним стоял молодой человек с пушком на щеках, симпатичный, вызывающий безотчетное доверие. Светлые волосы, голубые глаза и немного сконфуженная открытая улыбка. Одет скромно, но аккуратно. Неужели «ангел смерти»?

— Слушаю вас.

Незнакомец снял шляпу:

— У меня к вам письмо от Михаила Федоровича Меринга. Вот.

Лыков развернул бумагу. На бланке КАДО было написано косым почерком приглашение вместе отобедать, для того чтобы «объясниться и помириться».

— Что ж, помириться давно пора. Когда и где?

— Да прямо сейчас, ежели вам угодно. Я вот и экипаж арендовал. А после мы доставим вас, куда прикажете.

Молодой человек улыбался так располагающе, что отказать ему было трудно.

— Я как раз собирался перекусить, — сказал сыщик, оглядывая экипаж. Хорошая коляска, запряжена парой гнедых, кучер в пелерине. Тоже их человек? Скорее всего.

— Так и поедemте, — радостно предложил парень. — Дозвольте представиться: Степан Михайлович Племянников. Я служу в домостроительном обществе на посылках, но надеюсь на карьеру.

— Пожалуй... А где намечен обед?

— В Пуще-Водице, в летнем ресторане.

— Что так далеко? — удивился Лыков. — Туда ехать полдня.

— Зато тихо и вкусно, — улыбнулся посыльный. — Говорю же, мы отвезем вас обратно.

— Ну поехали.

Сыщик сел на заднюю скамейку, Племянников устроился напротив. Коляска тронулась.

Как они напугались, думал Алексей Николаевич, сохраняя беззаботный вид. Боятся, что я все узнаю. Решили опередить и зарезать. Арест Карпа заставил их ускорить мое устранение. Интересно, если бы нынче утром мы не выяснили про «ангела смерти», догадался бы я, что еду в ловушку? Парень хорош. Такого действительно не заподозришь. Мог бы и не сообразить...

Через Кирилловку и Куреневку коляска быстро катила на северо-запад. Сыщик хотел бы оглянуться, не едет ли кто за ними, но юноша не спускал с него глаз.

— Что же вы в посыльных? — заговорил с ним питерец. — Образование не позволяет?

— Я из семьи кожевников, — охотно пояснил Степан Михайлович. — Учился в коллегии Павла Галагана, слышали о такой? Мечтал и об университете. Отец мой владел кожевенным заводом на Оболони, в средствах мы не были стеснены. Но случился пожар. Сгорел завод, и батюшка вместе с ним.

— Как вместе с ним?

— Он ночевал в конторе и не сумел выбраться. Полыхнуло ночью, все спали. Жертв было много.

— И вам сделалось не до учебы, — продолжил сыщик.

— Увы, — вздохнул Племянников. — Остались матушка с сестрой, их надо кормить. Так я очутился в посыльных.

Лыков слушал, кивал, сочувствовал, а сам размышлял. Письмо за подписью Меринга, скорее всего, подделка. Бланк достать нетрудно. Его заманят в парк, подальше, где нет свидетелей. Нападут внезапно, пока этот заговаривает зубы. Сколько их будет? Трое или четверо. Плюс кучер. Мальчишка не боец, он сразу сбежит.

Вдруг Алексей Николаевич понял, что все будет не так. Казалось бы, рассуждал логично... Но интуиция — штука сложная, у бывалых людей она особенно развита. Без видимых на то причин сыщик догадался, что убивать его станет этот вот молодой человек с располагающей улыбкой. Причем довольно скоро.

Словно в подтверждение его мыслей, коляска выехала за город. Впереди темнела роща, справа блеснула водная гладь.

— Что это там?

— Урочище Выгода, — пояснил юноша, оборачиваясь на жест.

— А водоем?

— Синее озеро. Оттуда до Пущи-Водицы рукой подать.

Когда Племянников отвернулся, Лыков успел на мгновение оглянуться. Саженьях в трехстах позади них ехал знакомый фургон мясоторговца. Тот же, что выслеживал их с Красовским? Или другой, и тут случайное совпадение? Думать было некогда. Ясно, что в роще на сыщика нападут.

Экипаж въехал в урочище и спустился вниз. Мостик через ручей, тихо и безлюдно. Тут парень полез зачем-то в карман и ойкнул: выронил монету на дно коляски. Лыков нагнулся, чтобы посмотреть, куда она закатится. Но тут же выбросил вверх руку и перехватил запястье противника. Тот бил его сверху в шею ножом — и не преуспел.

Питерец сжал пальцы так, что убийца закричал и выпустил клинок.

Мгновенно во второй руке у него оказался револьвер. Кучер бросил вожжи и встал на козлах. Повернулся, увидел, что его сообщника держат, и полез в сапог. Но Алексей Николаевич уже отобрал револьвер у Племянникова и выстрелил с двух шагов. Пуля ударила возницу в лоб и опрокинула навзничь.

Однако парень не унимался. Как только Лыков отпустил его левую руку, чтобы выстрелить, в ней тут же появился второй нож. Сын кожевенника был напичкан оружием! Сыщику надоела эта возня, и он крепко врезал ему по затылку. Заломил руку за спину, прижал голову к переднему сиденью и уперся в шею коленом. Убийца попробовал вырваться — куда там. Лыков давил и давил.

— Сдаюсь... — прохрипел Племянников.

В этот момент питерцу очень хотелось сломать ему хребет. Вот ведь скотина с ангельским лицом! Скольких людей он погубил? Но парень был нужен живым, и сыщик ослабил хватку.

Алексей Николаевич быстро обыскал пленника. Во внутреннем кармане сюртука был спрятан целый арсенал из трех ножей различной длины, в специальных чехлах наподобие газырей. В другом кармане отыскался кастет, в брюках — петля-удавка, а в сапоге — еще один нож, шестой. Никогда прежде сыщик не отбирал столько оружия у одного человека.

— Все?

— Все.

Лыков быстро связал парню руки его же удавкой и положил его на дно коляски. Он все время держал в голове, что сейчас подъедет фургон. Только закончил, как наверху раздался стук копыт. Мясной торговец пытался понять, что произошло, и не торопился спускаться.

— У него винтовка? — спросил сыщик, пнув пленника в спину.

— Да...

Не мешкая, Лыков вскинул револьвер и трижды выстрелил. Расстояние было слишком большим, чтобы он попал в возницу. Расчет был — попасть в лошадь. Это удалось: та дернулась, стала разворачиваться и столкнула фургон в кювет. Возница прыгнул и побежал в кусты. Лыков успел разглядеть лишь его цыганскую бороду. Тот самый, что ехал за ними в Кинь-Грусть.

Все стихло. Кучер валяется с пулей в голове, симпатичный убийца связан, а мясник бежит что есть мочи прочь. Или не бежит? Оставив Племянникова, с револьвером наготове сыщик поднялся к фургону. Ага, вот и винтовка. Она оказалась в длинном ящике под сиденьем. Взяв чуть

оцарапанную пулей лошадь под уздцы, надворный советник спустился с ней к мостику. Степан Михайлович смирился, понял уже, что от такого не спасешься. И сыщик решил, что им самое время поговорить. За ворот он извлек парня из коляски, посадил на траву и сказал:

— Ну, излагай.

— Зачем? — спросил тот. — Вы же меня все равно потом убьете.

— Хотел убить, — признался питерец. — Да и есть за что. Но ты мне нужен живой. Правда, лишь в одном случае — если сдашь Арешникова. Если не сдашь, то, конечно, тебе не жить.

— Тогда меня убьет Яков Ильич.

— Так его я тоже в тюрьму засажу.

— Он все равно сумеет, уж я знаю.

— Значит, ты хочешь сдохнуть прямо сейчас? Это можно.

Сыщик навис над пленником, занес кулак.

— Нет, стойте!

— Береги мое время, мразь. Ну?

— Я все расскажу.

— Еще надо будет подписать.

— И подпишу.

Лыков сделал вид, что задумался. Степан смотрел на него снизу вверх и ждал решения своей участи.

— Эх! Надо бы тебя казнить, сволочь. Но для-ради дела пока оставляю жить. Рассказывай.

И сыщик услышал необычную историю.

Племянников действительно происходил из семьи почтенных купцов и получил хорошее образование. Его жизнь была расписана на годы вперед: коллегия Галагана, университет, помощь отцу на кожевенном заводе... Потом наследство, женитьба, дети и так далее. Но 21 сентября 1899 года на Оболони произошел страшный пожар. Сгорело множество складов, предприятий, мастерских, огонь уничтожил имущества на сотни тысяч рублей. Были и человеческие жертвы. В числе прочих погиб и Племянников-старший, не вовремя заночевавший на заводе. Превратился в пепел и сам завод.

Жизнь Степана в одночасье оказалась разбита. Нищета, сиротство... И тут его разыскал арендатор кирпичного завода Арешников и сообщил страшную весть. Пожар случился не просто так, это был поджог. Владелец керосинового склада Савлучинский застраховал его на крупную сумму, а затем сам же спалил, чтобы получить премию.

Далее арендатор сказал, что преступление не должно остаться

безнаказанным. Он поможет с оружием, даст помощника. Нельзя такое спускать, за родителей полагается мстить. Как же я убью, я же не умею, возразил юноша. А Яков Ильич ответил, что его научат.

— Что, у него в заводе была целая банда?

— Человек семь или восемь. Жуткие люди...

— Они тебя и натаскивали?

— Да. Как ножом бить, как душить.

— И ты оказался способным учеником, — констатировал сыщик.

— Вроде того.

— Отомстил керосинщику?

— Своей рукой зарезал.

— Почему я не помню этой истории в полицейских сводках?

— Так мы спрятали тело, — пояснил Степан.

— Мы — это кто? Ты и тот цыган, что будто бы развозит мясо?

— Он не цыган, а турок, зовут Аю-Качалов. И действительно развозит мясо с городских скотобоен. Ну еще иногда...

— Трупы.

— Да. Его фургон всегда в крови, очень удобно. Никто не докажет, что там мертвого человека везли, а не телятину.

— И куда он их сбрасывает? В ямы с нечистотами?

— Как вы догадались? — поразился Племянников.

— Если б скидывали в Днепр, кто-нибудь да всплыл бы. А тут четыре убийства и ни одного покойника.

— Все верно. В Плоском участке устроены канализационные луга. И особые станции: глубокие ямы с фекалиями. Место глухое, поля обконтурены высоким валом, а поверху посажены ивы. Никто ничего не увидит. А ям много, бросай в любую. До дна их никогда не вычерпать, потому что каждую ночь сжатый воздух гонит новые нечистоты. Хоть сто человек сбрось, вовек не сыщут.

— Но вас могли заметить золотари, — возразил сыщик.

«Ангел смерти» пояснил:

— С тех пор, как в Киеве завели шоновскую канализацию, золотари в полях почти не появляются. Конечно, их по-прежнему много. Но они вывозят дерьмо по оврагам и в другие места. А поля орошения снабжаются из трубы. Брось труп, и он сразу уйдет на дно. Надо только груз привесить.

— Валяй дальше. Зачем ты понадобился Арешникову? Такая морока: учить тебя, содержать, открыть тайну банды в Лаврском заводе.

— Яков Ильич берет заказы на устранение неугодных лиц.

— Батюшки святы! Как неаполитанская каморра? Заказные убийства?

— Про каморру я ничего не знаю. А в Киеве так.

— Но это не объясняет, для чего нужен ты.

— Как для чего? — обиделся Племянников. — Я вызываю у людей доверие. Они идут со мной спокойно, ни о чем не подозревая. Вот только вы один усомнились. А другие верили.

— Скольких людей ты зарезал, кроме керосинщика? Шишко, Зайцев, Тупчий — это трое. Кого еще?

Парень замаялся.

— Все равно же главарь расскажет. Как прижму его твоими показаниями.

— Вы его сначала поймайте. Аю-Качалов убежал, теперь вся банда спрячется.

— А кто убил оценщика Афонасопуло?

— Этого я не знаю. Без меня обошлись.

— Парни с завода?

— Ага. Там у них казарма была, туда никто посторонний входить не смел. Кроме хозяина. Жили, ели-пили, девок водили. И ждали заказа. Главным был Лука Емельянович, которого вы давеча заарестовали. Он страшный человек, народу погубил — не счесть.

— Самый страшный из всех — ты. Понимаешь, скотина? — рассердился сыщик. — Те просто гайменники, у них ремесло на лице написано. А у тебя какая пропись на лбу? Что порядочный человек?

Но пора было убираться из рощи. Вдали слышались голоса: со стороны Пущи-Водицы кто-то ехал в город. Лыков отогнал коляску в кусты. Потом погрузил в фургон труп кучера, занял облучок, рядом усадил пленника. Стегнул лошадь:

— Но! Поспешай! Так я с вами, убийцами, голодным и остался...

Они долго ехали, теперь в обратную сторону. Через Солдатскую слободу и Евбаз^[52] выбрались на Бибиковский бульвар, к Ботаническому саду. Лыков остановился у дома напротив, приказал дворнику:

— Позови Красовского.

Тот быстро явился и остолбенел:

— Кто с вами, Алексей Николаевич?

— Не узнали? «Ангел смерти»! Садитесь, пора в цитадель.

Пленника поместили в фургоне, рядом с трупом. Приехали в Печерскую крепость и вызвали дежурного по гауптвахте. Лыков сослался на генерала Маврина и попросил взять еще одного арестанта.

Дальше начался допрос. Сыщик пригласил на него следователя по важнейшим делам и пристава сыскного отделения. При них Степан

Племянников повторил свои показания. И подписал их. Городовые бросились в Зверинец и на правый берег Лыбеди, в заводскую контору. Но Арешникова и след простыл.

Глава 14. Конец дознания

Успех командированного чиновника стал неприятным сюрпризом для местной полиции. Приехал человек издалека, покрутился пару недель — и открыл банду. Да какую! Несколько лет в Киеве убивали людей. На задворках Лавры скрывался опаснейший притон. Рядовой фабрикант кирпича принимал заказы на убийства. Трупы прятали в ямах с нечистотами, на городской станции ассенизации. По городу разъезжал страшный фургон с головорезом на облучке. А местные сыщики ничего не замечали.

Асланову пришлось срочно поднять свои фонды. Он ловко раскрыл весьма кстати подвернувшееся убийство. Будто заранее его припас... Под Верхней Лукьяновкой есть Юрьевская канава — зловонное место, куда весной стекает талая вода. Обыватели стараются туда не соваться. Безлюдно: станут резать, и кричи не кричи — бесполезно... Там и обнаружили труп молодой женщины со следами насилия.

Первым делом Спиридон Федорович определил личность жертвы. Это оказалось непросто, но околоточный извернулся. Он вызвал в наблюдательную камеру более семидесяти дворников, и один из них узнал жиличку. Немка Анна Кулейн служила горничной в богатой семье и имела слабость к солдатам. Тут и протянулась ниточка. Убийца был схвачен в один день. Фейерверкер Отдельного конно-горного артиллерийского дивизиона, красивый малый с садистическими наклонностями, к вечеру сознался.

Желязовский с Аслановым повеселели. И они еще на что-то годятся. Но успех околоточного сыграл с ним злую шутку.

Девятого июня в почтовом поезде номер четыре Юго-Западных железных дорог нашли труп. Богатой землевладелице Подольской губернии Софье Володкевич проломили голову кастетом. Так, что теменная кость вошла в мозг... Преступник забрал деньги и скрылся. Кто-то спугнул его, и он оставил нетронутыми ценности на двадцать тысяч рублей.

Начальник края был возмущен. Для поиска убийцы создали летучий отряд, который возглавил лучший сыщик киевской полиции Асланов. Красовского срочно вернули из командировки. И на короткое время Лыков остался без надзора. В отсутствие Спиридона Федоровича слежка за ним ослабла, а потом вообще прекратилась. Красовский вполне официально помогал питерцу в его дознании. Вскоре он выяснил важные факты, по-

новому осветившие роль Меринга в махинациях. Стало понятно, и чем ему был опасен Афонасопуло, и что именно тот имел в виду, когда писал Витте про каторжные работы. Потом вдруг события закрутились с поразительной быстротой.

Сначала Алексей Николаевич получил еще одно приглашение пообедать. На этот раз настоящее. Богач Марголин прислал за ним собственный экипаж, который отвез сыщика на пристань. Там он пересел в моторную лодку, которая помчалась к Труханову острову. Алексей Николаевич впервые оказался на такой посудине и смотрел вокруг с интересом. Вот это скорость! Вмиг они долетели до самого злчного в Киеве места.

На острове Лыков тоже оказался впервые. Лодка высадила его на пристани яхт-клуба. Там гостя встретил малый, одетый в ливрею. Парень производил впечатление. Шеи у него не было, маленькая голова росла прямо из плеч. Зато эти плечи были необъятной ширины. Богатырь одним рывком извлек сыщика из лодки и ткнул пальцем в щегольской экипаж:

— Прошу!

Они сели и покатили вдоль берега. Труханов вблизи оказался таким же грязным, как и Никольская слобода. Несколько деревьев не спасали вид. А судоремонтные мастерские изрядно его портили.

Через десять минут гость уже подымался по лестнице в красивый белый особняк. Наверху ждал богато одетый господин.

Давид Симхович Марголин был приветливым мужчиной лет пятидесяти. Седой, с черными усами и бровями, с короткой бородкой и уютным животиком. Смотрел он внимательно и весь лучился радостью, словно визит сыщика стал самым приятным событием в его жизни...

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой Алексей Николаевич! Очень-очень рад познакомиться с вами. Спасибо, что приняли мое приглашение.

— И я рад познакомиться, Давид Симхович.

— Здесь меня перекрестили в Семеновича, я уж привык, хе-хе.

— Ну тогда и я вас буду так называть.

— Как вам мой геркулес? — спросил магнат, указывая на парня в ливрее.

— Славный. Подковы гнет?

— И не только.

Марголин порылся в кармане, извлек серебряный рубль и вручил слуге:

— Савелий, покажи себя.

И пояснил гостю:

— Это мой камердинер и одновременно телохранитель Савелий Драпогузов. Полагаю, что сильнее его нет в Киеве человека.

Савелий не заставил просить себя дважды. Он заурчал, как медведь, напрягся — и согнул целковый пополам.

— Вот! Видели такое когда-нибудь? — восхитился хозяин.

— Ловко, — одобрил сыщик. Потом взял из рук камердинера монету и легко сложил ее пирожком. Повернулся к пароходозаводчику и сказал:

— Давид Семенович, вы обед обещали. Есть охота.

Но тот ошарашенно смотрел на Лыкова. Савелий же крутил рубль в коротких пальцах и едва ли не поскуливал...

— А? Что? Да, пройдемте внутрь, стол уже накрыт. Но, Алексей Николаевич, как вы это сделали? И с какой легкостью... А мой так сумеет когда-нибудь?

— Навряд ли. Тут помимо силы нужна специальная гимнастика для мышц запястья. А он короткопалый, ему будет трудно. Я, к примеру, могу согнуть даже полтинник. Савелий ваш пусть лучше ломает подковы, а не рубли.

Внутри дача выглядела шикарно. И не менее шикарным был обед. Хозяин говорил о пустяках и все присматривался к гостю. Тот спокойно ждал, отдавая должное винам и закускам. Наконец они вышли на веранду и уселись в креслах. Драпогузов поднес им по рюмке ликера и отошел в сторону.

— Красиво... — сказал Лыков, любуясь панорамой Киева на высоком правом берегу. — Но, Давид Семенович, давайте уж перейдем к делу. Вы позвали меня сюда не для чревоугодия. Начинайте.

— Хорошо, — согласился Марголин. Голос его сразу стал жестким. Сыщик знал такой тип людей. Богатые, влиятельные, не привыкшие к отказу в своих желаниях, они подавляли окружающих. Запах громадных, не поддающихся подсчету денег исходил от них и кружил обывателям голову. Казалось, это не обычные смертные из крови и плоти, а какие-то небожители. Они спустились с облака и оказывают тебе честь, тратя на общение толику своего бесценного времени...

— Что вы намерены делать с Мерингом?

— Я все еще выясняю степень его вины в убийстве Афонасопуло.

— Он к этому причастен? — фыркнул магнат. — Не смешите меня.

— Пока выходит, что причастен. Оценщика убили люди Арешникова. Банду сейчас ищут. А когда найдут, я и выясню, что там было на самом деле.

— Господин Лыков! Вы действительно верите, что Михаил Меринг

заказал убийство этого ничтожества? Во-первых, это, уж извините, глупо. Где Меринг, и где убийцы. А во-вторых, зачем оно ему понадобилось?

— Вообще-то вы требуете выдать вам тайну дознания. С какой стати? В качестве благодарности за обед, что ли?

Марголин сбился с принятого тона. Сыщик вел себя странно. Он не поддавался запаху денег, не пытался услужить. И даже смотрел немного свысока. От этого магнат давно отвык и теперь смешался.

— Но Михаил Федорович — мой деловой партнер. Мы вместе состоим в правлении акционерного домостроительного общества. Поэтому мне вовсе не безразлично, что ему вменяет полиция. Мне кажется, что по своему положению, по весу в городских делах я имею право...

— На что вы имеете право в таком вопросе, решать мне. А свой вес засуньте знаете куда...

— Алексей Николаевич, зачем так грубо?! Что плохого я вам сделал?

Лыков с трудом унял злость. Все они на одну колодку, эти хозяева жизни. Но для дела придется потерпеть.

— Хорошо, вернемся к вашему вопросу. Поговорим о вещах, которые вам хорошо знакомы, в отличие от уголовного сыска. Как вы относитесь к онкольным кредитам?

— Плохо.

— Почему?

— Это же деньги до востребования. Займодавец в любой момент может потребовать их обратно. Через десять дней после требования их нужно отдать. Ни одно серьезное торговое предприятие не пользуется онкольными кредитами.

— А ваш партнер Меринг набрал их на огромные суммы.

Давид Симхович помолчал, обдумывая услышанное. Потом возразил:

— Не верю. У кого? Я знаю все, что творится в киевских банках. Там не было подобных операций.

— Деньги дал частный заемщик.

— Да кто же, черт возьми?

— Лев Бродский.

— Ну, это даже не смешно, — откинулся на спинку кресла миллионер. — Да, он мог бы кредитовать хоть царствующий дом. Лев Израилевич очень богат... Нет, не так. Он очень-очень-очень богат. Но в том числе и потому, что не раздает своих денег просто так, а ссужает лишь под надежное обеспечение.

— Бродский как раз поступил подобным образом. Случилось кое-что, чего вы не знаете. Я тут говорил с одним подрядчиком, и он сказал мне, что

строители стали занимать деньги у частных капиталистов.

— Это так, ну и что?

— Подрядчик, почтенный старец, объяснил выгоды такого займа. Банк возьмет в залог под свою ссуду и землю, и здание, а частный подрядчик — только вексель. Так вот, Бродский оказался хитрее. Ему было мало векселя: он заставил Меринга дать настоящий, первоклассный залог. А поскольку тому некуда было деваться, он согласился.

— Меринг заложил собственный дом?

— Он поступил хуже. Ваш партнер — авантюрист; странно, что вы этого до сих пор не поняли. В марте, как открылся сезон, Меринг начал много новыхстроек. Денег нет, спрос упал, а он с тупым упрямством расширял дело. Ему перестали давать в банках. А кредиторы требовали расчета. В итоге Михаил Федорович заложил Льву Израилевичу гостиницу «Континенталь» и театр Соловцова. Теперь тот — частный залогоприниматель указанных зданий.

— Этого не может быть! — воскликнул Марголин. — Совершенно очевидно, что вы сыщик, а не деловик. Стоимость и гостиницы, и театра такова, что их доля в активах общества значительна. И согласно устава, залог таких недвижимостей возможен лишь с разрешения собрания акционеров. А Михаил Федорович — председатель правления, он просто не имеет права это делать.

— Но сделал.

— Ха-ха! Тогда Бродский прогадал. Он взял обеспечение незаконно, мы у него легко отсудим.

— Вы полагаете, ваш главный конкурент настолько глуп? — вскинул брови сыщик. — На вашем месте я бы не обольщался, а проверил.

— Да вы просто не понимаете, о чем говорите!

— В связи с кризисом оценка предметов залога теперь делается раз в полгода, — начал пояснять сыщик. — Раньше было раз в год, а сейчас банки опасаются и стали переоценивать чаще.

— И что?

— Это важно. Меринг решил занижить оценку. С тем чтобы доля предлагаемых к залогy активов в сводном балансе КАДО уменьшилась и попала в пределы его полномочий. Сколько он может отчуждать своей властью? До пятидесяти процентов от всех активов?

— Да, — ответил магнат и побледнел: — Не может быть...

— Увы, Давид Семенович, может. Более того, это уже случилось.

— Но откуда вы знаете?

— Околоточный надзиратель Красовский вчера по моей просьбе

посетил управу. Там ведут учет стоимости всех недвижимостей в черте города, в целях налогообложения.

— Понятно, дальше!

— Последняя оценка гостиницы и театра вдруг резко снизилась. Более чем в два раза.

— Как так? Управа должна была это оспорить! Казне нанесен урон, ведь большая часть доходов городского бюджета — это оценочный сбор.

— Она не оспорила, — ответил сыщик. — Причины, думаю, называть не надо.

— Дали в лапу... — пробурчал Марголин. — Но как же так? Почему я ничего об этом не знаю?

— Подпись под заниженной оценкой зданий стоит его, Афонасопуло. Теперь поняли? Мавр сделал свое дело и, видимо, потребовал пересмотреть условия оплаты его услуг. А может, просто стал болтать лишнее. Письма писать, жаловаться губернатору и министру. Мерингу было на это наплевать, пока оценщик не обратился к Витте.

Миллионер сгорбился в кресле. А Лыков продолжил:

— Михаил Федорович подозревается мной еще в одном преступлении. Весной был убит некто Тупчий, присяжный ценовщик городской управы. Он славился своей неподкупностью и вряд ли позволил бы провернуть аферу с переоценкой залога. Смерть этого честного человека была на руку многим мошенникам. Но более всего Мерингу. Кроме того, очевидно, что он был связан с Арешниковым, они знали друг друга. Смерть Афонасопуло явно доказывает такую связь.

— Меринг — и убийство...

— Скорее даже два, Давид Семенович.

— Но ведь это лишь ваше предположение.

— Я не люблю бахвалиться, но тут все ясно. След взят, осталось загнать зверя. У меня, Давид Семенович, до сих пор не было ни одной неудачи. Все преступники, дознания по делам которых я вел, предстали перед судом. И поехали на каторгу. Меринг тоже поедет.

— Что вы сейчас намерены делать?

— Поймать Арешникова. Он где-то в Киеве. Деваться ему некуда: банда большая, теперь все известны поименно. Выдал «ангел смерти»...

— Какой еще ангел?

— Степан Племянников, наемный убийца. Третьего дня их чуть-чуть не захватили, ребята прятались на военной мукомольне возле Бактериологического института. Успели переехать в последний момент. Найдём, это вопрос времени. Как возьму банду, кто-то да расколется.

Лучше всего, чтобы сам атаман. Ну посмотрим.

— И что тогда?

— Тогда возьмусь за вашего партнера. Допускаю, что он не хотел убивать неугодного оценщика. Люди Арешникова были мастера на все руки: брали заказы на то, чтобы избить, покалечить, просто напугать... Они могли перегнуть палку и казнить жертву сгоряча. Перестарались. Но все равно это конец для Меринга. Если даже не каторга, то поселение в Сибирь.

— А мне что делать?

— Вам? Спасать в КАДО то, что осталось. Если что-то еще осталось. Смещайте Меринга, ему скоро на Сахалине звезды считать. Делайте ревизию. Ну, не мне вас учить... Кстати, могу сообщить вот что, в качестве благодарности за обед: катать тачку Меринг будет не один. Напарниками к нему суд определит некоторых чинов киевской сыскной полиции.

— Кого именно?

— Скоро узнаете.

— Но это точно, что полиция замешана в деле?

— Люди, которых я пока не хочу называть, безусловно замешаны. Они рьяно пытались сбить мое дознание с правильного следа. Не просто же так. Думаю, именно сыскные свели заказчика — Меринга — с исполнителем — Арешниковым. А потом помогали убийце заметать следы. У вас в Киеве, Давид Семенович, сыщики хуже бандитов!

— Да, я часто слышу такие слова, — подтвердил Марголин.

— Ну ничего, я выжгу этот гадюшник дотла.

Миллионер неожиданно разволновался:

— Но почему, почему я ничего об этом не знал? Вы, приезжий, в курсе махинаций Меринга. А я, кто его сделал, не в курсе. Как же так? Ведь это началось не вчера.

— Что вам сказать? — пожал плечами сыщик. — Муж всегда последним узнает об измене жены. Всем уже известно, лишь он, бедняга, остается в неведении...

— Но отчего Афонасопуло не написал мне? Витте, Трепову давал сигналы... Написал бы Марголину и был бы жив!

— Оценщик залез к вам в карман. Обворовал сообщая с Михаилом Федоровичем. В таких вещах добровольно не признаются.

После этих слов они расстались. Тем же путем, сперва на лодке, затем в коляске, Алексей Николаевич вернулся в отделение. И очень вовремя. Красовский заперся в комнате околоточных и кого-то допрашивал. Когда вошел надворный советник, он обрадовался:

— Вы послушайте, Алексей Николаевич, что человек рассказывает.
Со стула приподнялся толстяк в готовой паре, с румяным пухлым лицом:

— Мокий Харлампиевич Ладонка, к вашим услугам.

— Господин Ладонка — отставной унтер-офицер из железнодорожных жандармов, — пояснил Николай Александрович. — Глаз у него наметанный...

— Ага! Вы обнаружили, где прячется Арешников?

— Похоже на то.

Оказалось, Ладонка проживает на Сырце, вблизи военного лагеря. И по соседству с ним хозяин сдал внаем дачу неизвестным людям. Три дня назад. Их пятеро или шестеро. Днем они на улице не показываются, лишь вечером выходят в сад покурить. Фурман часто привозит им провизию, в том числе водку и пиво. Подозрительно.

— Ай да отставные жандармы! — обрадовался Лыков. — Вас, Мокий Харлампиевич, хоть сейчас в сыскное отделение. Не думали об этом?

— Нет, хватит, отдыхать пора, — польщенно улыбнулся отставник. — Только вы скорее. Сегодня им пива вдвое меньше привезли. Может, квартиру хотят поменять?

— Если и соберутся, то ночью, — успокоил старика Красовский. — Успеем.

И полез в стол за револьвером.

— Какой адрес? — поинтересовался Лыков, подходя к настенной карте Киева.

— Сырец, дом пятьдесят два, дача Ясногурского. Вот здесь примерно, — показал Ладонка.

— Зачем же они в такое людное место забрались? Кругом лагеря.

— А правильно рассудили, — возразил бывший жандарм. — Народу вроде тьма, но все солдаты. А им по сторонам смотреть некогда. В таком-то месте спрятаться лучше всего.

На Сырец отправился целый отряд под командой околоточного надзирателя. Лыков пошел с ними. Он надеялся, что бандиты сдадутся без боя. Чай, Киев не Варшава. Но все равно под ложечкой ныло.

Руководил арестом Николай Александрович. Надворный советник присматривался: волнуется человек или нет? Асланов держался орлом, когда штурмовал Никольскую слободу. Красовский выглядел спокойным, разве что лицо бледнее обычного. И жилка на виске пульсировала так, что становилось ясно: он весь на нервах.

Дача Ясногурского располагалась на пригорке. Подобраться к ней

втайне было невозможно. А ждать ночи сыщики побоялись. Там шайка головорезов — разбегутся, ищи их в темноте. Поэтому строение просто окружили и пошли в атаку.

Лыков все-таки успел в последний момент оттереть Красовского и ворвался первым. Но боя не случилось. Бандиты увидели полицейских из окна и сдались. Их быстро связали и вывели на двор. Арешников был хмур, но не подавлен, в глазах играла злость. Когда его людей стали рассаживать по экипажам, он зычно объявил:

— Ребята, помни уговор! А я возьму на себя.

Интересно, подумал надворный советник, сознаться он, что ли, хочет? Но надежды его угасли, стоило им приступить к допросу.

Беседовать они начали тотчас по приезде в сыскное.

— Будем признаваться? — спросил питерец, раскладывая на столе писчие принадлежности.

— А где Асланов? — поинтересовался в ответ главарь.

— Он в командировке, явится только завтра, — пояснил Красовский. — Так что время у нас есть.

Бандит лишь хмыкнул.

— Что, без приятеля не говорится? — сердито спросил Лыков. — Обещал ребятам взять на себя — вот и бери!

Арешников посмотрел на сыщика черными пронзительными глазами. Наверняка жертвы перед смертью ежились под таким взглядом, подумал Алексей Николаевич. От атамана исходила зловещая сила. Даже здесь, в сыском отделении, с наручниками на запястьях, он вызывал опасения.

— Вы мне не тыкайте, Лыков. Если хотите разговора, будьте вежливы.

Питерцу очень хотелось избить его до полусмерти. Но нельзя, не положено. Да и зачем, если «иван» готов говорить? Вот только готов ли?

— Хорошо, попробуем вежливо. Вы признаете, что являетесь главарем банды, повинной в смерти многих людей? В частности, оценщика Афонасопуло.

— Я признаю все, что натворил. Но подписывать ничего не буду.

— Однако нас с господином Красовским двое, а этого достаточно для суда и без вашей подписи.

— Второй пусть уйдет. Говорить буду только с вами.

Сыщики переглянулись, и Лыков ответил:

— Такое признание ничего не даст следствию. Зачем мне оно?

— Ну хоть правду узнаете.

— И куда я ее потом дену, эту правду?

— Мне все равно. Газетчикам продадите или в книжке пропишете. А

для суда ни слова не скажу.

— Почему?

— Потому что меня так и так убьют, — пояснил Арешников.

— Кто? Асланов с Желязовским?

Бандит молча смотрел на сыщика.

— Но если вы сейчас дадите показания на этих двоих, мы их арестуем, — горячо вмешался Красовский. — Вас поместим до суда в цитадели, там они не достанут.

— А потом мы с ними поедem на каторгу? — съязвил атаман.

— Ну, ee вам уж никак не избежать, — развел руками околоточный.

— Так об этом и речь, — рассердился вдруг Арешников. — В каторгу я не могу. Лучше смерть.

— Смерть — это раз и все, свет потух. Надо бороться до конца. И на Сахалине люди живут, — возразил Лыков.

— Только не я. Мне там останется лишь сгореть от тоски. Нет, пусть уж лучше меня здесь удавят в камере, меньше мучиться.

— Яков Ильич, одумайтесь. Облегчите душу, покайтесь в преступлениях и назовите сообщников из полиции. Мы их, стервецов, укатаем в самый ад.

— Я не Яков Ильич, и не Арешников, — устало ответил атаман. — Рассказать все могу. Но не под запись. И вам одному, второй пусть уйдет...

Красовский поднялся:

— Алексей Николаевич, я правда удалюсь. Хоть узнаем, как все было. А там, может, он и передумает.

— Не передумаю. Ну выйди, будь человеком! Я исповедаться хочу перед смертью. Все равно они меня до суда не допустят.

Надзиратель вышел. Лыков отодвинул перо и бумагу, снял с арестанта наручники и сел напротив.

— Я вас слушаю.

— По-настоящему меня зовут Петр Софроньевич Володимеров, — начал бандит. Но запнулся и вздохнул: — Эх... Уж и забыл, как звучит...

Сыщик не торопил, молча ждал.

— Отец мой был купец второй гильдии в Харькове, держал там лавку на хорошей улице. Жили в достатке, бед не знали... — продолжил арестованный. — Как стукнуло мне двадцать пять годов, отец помер. Лавку я стал вести. Ну, жениться надо, невесту уж сыскали. Да произошел тут случай.

Он снова запнулся, но сделал усилие, и речь его полилась ровно.

— Не знаю, что бы со мной было, если бы не пришел тогда в лавку тот

солдат. Женился бы я, капитал прибавлял. Был бы сейчас, наверное, мануфактур-советником. Но судьба рассудила иначе. В один недобрый день появился в лавке моей служивый. Слегка во хмелю, но все соображал. Дал он мне пятишницу одной бумажкой и попросил две пачки папирос. Я ему их вручил, одну он тут же разорвал и закурил штуку. Начал я шарить в кассе, а сдачи-то и нет. День только начался, еще не наторговали. Говорю солдатику: нечем тебе сдать, как быть? Позже зайди, все отсчитаю до копейки. А он сразу в крик. Знаю я, как вы отсчитываете! Верни мне мою деньгу, а папиросы свои обратно забери.

Тут и меня зло взяло. Он же пачку надорвал. Куда я ее теперь? Нет, отвечаю, я вскрытую обратно не возьму, ты ее купил. Целую, так и быть, приму, а эту шиш. И начался тут у нас скандал, с руганью и угрозами. Солдат быстро от слов перешел к делу и набросился на меня с кулаками. Это в моей же лавке! Такой скандалист попался, с одного слова огнем загорелся. Не сдержался тогда и я. Взял с весов пятифунтовую гирию да и ухнул ею со всей дури служивого по голове.

— Убили?

— Наповал.

— Что тогда испытывали?

— Ничего не испытывал, кроме злости. Надо же было этому дураку ко мне прийти. И так глупо себя повести, что до крови дошло. А главная злость у меня была на себя. Зачем, ну зачем я дал себя втянуть?! Выбежал бы на худой конец на улицу, позвал бы городского. Той пачке цена — двадцать копеек! Наш спор разбирал бы мировой судья. А вышло на итог смертоубийство.

— Так вы скрылись из-под стражи?

— Не было никакой стражи, — вздохнул бандит. — Испугался я. Свидетелей нет, как докажу, что тут несчастный случай и что я оборонялся? А еще в ту пору вышла у меня размолвка с полицмейстером. Он повадился товар в долг брать и не отдавать. На восемьдесят рублей взял: коньяки, закуски, сигары, — и все самое лучшее выбирал, собака. И в последний раз я ему отказал.

— Обиделся полицмейстер? — предположил сыщик.

— Словами не описать. Обещал мне устроить веселую жизнь. А тут как раз такое. И понял я, что буду во всем виноватым и поеду в Сибирь за пачку папирос. А вот не хочу! — выкрикнул Володимиров и опять замолчал.

— Есть такая болезнь, — осторожно заговорил Лыков. — При ней человек не может даже в закрытой квартире сидеть, не то что в

арестантской камере. Вы, случайно, ею не страдаете?

— Именно ей и страдаю. Только кому сейчас до этого есть дело? Ежели я убийца и должен получить свое. Сидеть-то могу, врать не стану. Неделью или две вытерплю. Потом с ума сойду. Уж знаю за собой, поэтому и сознаваться мне смысла нет никакого. Не выдержу тюрьмы, только муку лишнюю приму; лучше и не затягивать.

— Но почему? Вы ответите за содеянное, это правда. Более того, оно и справедливо. А то, что Асланов останется на воле, — тут где справедливость? — спросил сыщик. — Ему же место на Сахалине.

Но собеседник покачал головой:

— Какое мне дело до вашей справедливости?

— Ну раз умереть готовы, душу хорошо бы очистить.

— Нет ни Бога, ни души, ни справедливости, — отрезал бандит.

— Значит, пусть Спиридон и дальше лютует?

— Конечно. Мы с ним одного поля ягоды. Он мне всяко ближе вас, зачем стану я его губить?

— Так, я уже ничего не понимаю, — окончательно запутался Лыков. — Но давайте продолжим.

— Давайте. Мы прервались на том, как я солдата того бешеного убил?

— Да.

— Убежал я, значит, из города — вот что дальше было. Лавку с домом бросил, все имущество, и пропал. Деньги кое-какие у меня были, купил паспорт на фамилию Арешников. И начал, так сказать, новую жизнь.

— Не жалели о старой?

— А чего жалеть-то без толку? — скорбно ответил арестант. И стало понятно, что не рад он той перемене. Только старается не думать об этом.

Лыков испытал что-то вроде жалости к этому человеку. Был купец, стал бандит. Вовсе того не желая. Но, впрочем, уж очень вжился он в новую роль. Мог бы опять сделаться торговым человеком. Мало ли что вышло один раз и случайно.

Володимеров словно прочитал мысли сыщика.

— Сначала я был простой обыватель, — пояснил он. — Скитался по городам, да плохо выходило. Думалось мне, что полиция ищет и околоточные не просто смотрят, когда паспорт прописывают, а приглядываются. Потом понял: забыли все тот случай, никто бывшего купца не ловит. И семь лет назад приехал я в Киев. Взял в аренду Лаврский завод...

— Так вот приехали в чужой город и сразу получили лучший кирпичный завод?

— Я же коммерцию понимал, с детства был выучен. Ну, доверие завоевал, мне и предложили. У них там черт-те что творилось, убытки несли, вместо того чтоб прибыль получать. А я быстро наладил.

— Что ж не стали мирным обывателем? Если тогда был лишь случай...

— Есть тюремная поговорка: согнись дугой и станешь другой. Вот согнуться-то у меня и не получилось. Судьбу не обманешь. Я честно делал кирпич. Строили тогда в Киеве мало, обороты копеечные. Это лишь через два года началась горячка, и кирпича вдруг понадобилась прорва. А раньше едва хватало перезимовать. Тут еще сам завод. Он старый, древнее всех прочих, да и поставлен на плохом месте. Как протянули железку, вышло, что глинище по одну сторону рельсов, а печи по другую. Вozить неудобно. А печи изношенные, устарелого типа, напольные. Я завел гофмановские, которые дров в три раза меньше требуют да брака меньше дают. И жизнь вроде бы покатила...

— Что же сбило вас с трудовой дороги? — спросил питерец.

— Выставка, — ответил бандит.

— Какая? Девяносто седьмого года?

— Она, проклятая. Много тогда на ней люди денег потеряли, и я в их числе.

— Расскажите, как дело было.

— Выставка та была устроена через год после нижегородской. Но оказалась убыточной. Мы-то сдуру решили, раз в Нижнем получилось, то и у нас тоже будет доход. А не учли того, что Нижнему Новгороду дали на стройку огромные средства из казны. Киеву же почти ничего не досталось. Даже места хорошего не нашли.

— Я видел эти павильоны, — припомнил Лыков. — Так до сих пор и стоят, разваливаются. Только вид портят.

— Место отвели дрянь, — повторил бандит. — Там три участка было: склон по Черепановой горе, чуть-чуть Жилинской улицы (она хотя бы ровная) и кусок Троицкого базара. Пустырь получили безвозмездно, от военного ведомства. И два землевладельца поучаствовали. Тальберг передал всю усадьбу, а Зданович — часть. Учредили выставочный комитет во главе с самим князем Репниным, я тоже в него вошел. К тому времени имя Арешникова кое-что значило, и я рассчитывал озолотиться на поставках кирпича для выставки.

— Тайный завод в Ржищеве вы тогда уже имели?

— Только-только пустил. И возлагал на него надежды. Вот, начали господа выставку готовить. Вопрос, конечно, был в деньгах. Часть дало

Министерство земледелия и государственных имуществ, еще часть — городская Дума. Но не хватало по-прежнему очень много. И тогда Киевское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, главный устроитель выставки, внесло недостающую сумму. Для этого ему пришлось устроить паевые займы. На них-то я и попался.

— Займы не вернулись?

— Нет, не вернулись. Выставка вообще оказалась неудачной и вместо дохода дала одни убытки. Посетителей пришло впятеро меньше, чем в Нижнем Новгороде^[53]. Долги Киевского общества до сих пор составляют двести тысяч рублей. В том числе и по моему займу. Как оно будет их отдавать, непонятно. Выставочный участок в аренде от военных на двенадцать лет. Павильоны стоят пустые. Как ни пытались пустить их в коммерческий оборот, ничего не выходит. Склон крутой, неудобный, а сами домики чуть не из фанеры. Никто их использовать не хочет. Кончится, знать, тем, что продадут все на дрова.

— А кирпич? — поинтересовался Лыков. — Там хоть заработали?

— Нет, и там обмишурился. Черепанова гора — это часть эспланадной земли. Той, что вокруг Киевской крепости, потому и принадлежит она военным. Капитальных зданий, стало быть, строить там нельзя, по крепостным правилам не положено. Можно лишь временные. И кирпич мой никому не потребовался, павильоны сделали бутафорские.

— Что дальше было?

— Дальше еще хуже пошло. Деньги мне не возвращают, оборотных средств нету, даже глину купить не на что. Кто мне раньше авансом давал, теперь денег вперед требуют. Узнали люди про трудности и сразу вцепились в меня, как алчные волки! И тот, который позади был и кирпич хуже делает, вдруг стал первым. Особенно один все радовался, гадкий человек по имени Шнарбаховский. Он тоже кирпичом баловался и вдруг застройщика у меня перебил. Такая злость взяла, такая злость... Что делать? Как стерпеть? Эдак без покупателей останусь. И проснулось во мне что-то такое, темное-темное, чего и сам в себе не подозревал. Говорят, голодный и архиерей украдет. Голодным я, конечно, не был, но чувствовал себя несправедливо обиженным. И решил мстить, и не как обыватель, а как бандит. Короче, надумал хлюста кончить. А как это сделать? Самому нельзя, нужен сторонний. И отправился я в Кукушкину дачу.

— Это вниз к Днепру, на террасы? — вспомнил питерец.

— Туда.

— И не побоялись? Говорят, народ там злой, опасный.

— Нет, не побоялся. Да я сам такой, — усмехнулся атаман.

— Нашли, кого искали?

— Такого добра везде много. Но в Кукушкиной даче прямо склад негодяев. Любого выбирай, какой на тебя глядит. Я нашел там Карпа. Вижу — нужный мне человек. Он тогда в бегах числился, в землянке жил. На костре рыбу жарил и зимы с ужасом дожидался. Нанял я его. Говорю: чего тебе тут делать? По Днепру скоро лед пойдет. Ступай под мою руку, крыша над головой будет. И работа по специальности.

— Согласился Притаманный?

— Чего ж ему не соглашаться? Пришел. И привел с собой еще пять человек.

— И они выкинули Шнарбаховского в окно, — продолжил Лыков.

— Туда ему, гаду, и дорога. Однако сделали ребята нечисто, и очень быстро господин Асланов нас разыскал. Я сначала напугался, опять бежать решил. А Спиридон и говорит: останься. У меня на тебя виды есть.

— Какие?

— Людей за деньги убивать, вот какие, — пояснил бандит.

— Он что, вам заказы доставлял? — ужаснулся своей догадке надворный советник.

— Да, за комиссионный процент, — подтвердил арестованный. — Но и не только это. Асланов — самый опасный во всем Киеве человек. Почитай, все воры под ним ходят. Никольские вон не захотели — теперь Безшкурный в земле гниет...

— И воры под ним ходят? Под околоточным надзирателем сыскной полиции?

— Именно. Очень удобно, между прочим. Спиридон — умная голова. Кого надо — ловит, кого не надо — не ловит. Или поймает да отпустит.

Лыков вскочил:

— Петр Софроньевич, отдайте мне его! Подпишите протокол!

— Я же сказал, не буду.

— Но почему?

— И про это тоже сказал. Вы будете дальше слушать или уже неинтересно?

— Эх... Интересно вашего друга надзирателя в цитадель засадить. Но так и быть. Продолжайте.

— Дальше все пошло как по маслу. Лучшие подряды я стал обслуживать. Ежели кто противился, с ним приключалось несчастье. Все бы ничего, но появился в сыскной полиции второй надзиратель, Красовский. Выслужился из рядовых сыщиков за свои способности. И половину городских отдали ему. Я Спиридону говорю: что делать будем?

Красовский — урод, взятки не принимает. Тот сначала не поверил, сказал, таких нет на свете...

— По себе меряет, — вставил Лыков.

— Точно так. Попытался совратить напарника, да тот ни в какую. И пришлось нам тогда менять нашу манеру. Раньше мы всех в Днепр бросали. Ежели кто всплывет, Спиридон съездит в покойницкую, сунет доктору четвертную, тот напишет «несчастный случай», и готово. А теперь надо было аккуратно работать.

— Начали трупы прятать?

— Да, с Красовским связываться себе дороже. Лучше, когда покойника нет. Пропал человек, да и черт с ним. Может, он живой, да от жены стервы убег? Завел я турка с мясным фургоном. Крови там каждый день ведро, никто не отличит человечью от скотской. Ребята мои принимали Аю-Качалова на ассенизационной станции по вечерам, пока настоящие золотари еще не приехали. Кинут тело в яму, а ночью его так зальет, что сам черт не сыщет. Но потом опять осечка вышла. Красовский что-то почувствовал. Ребята в одном деле слабость допустили. Фартовых же за версту видать: работают без фантазии и следов много оставляют. Облава потом была лютая, и решил я стать осторожней. Надо такого исполнителя найти, чтобы никто не подозревал. Как раз об эту пору случился большой пожар на Оболони, много добра сгорело. И придумал я мальчишку, Степана Племянникова, заполучить. Отца его хорошо знал, он у меня кирпич заказывал. Ну и сына... того...

— В убийцы завербовал, — закончил сыщик.

— Можно и так сказать.

— И дело опять пошло?

— Вполне. Степан жертву уводил прямо у всех на виду. Ни разу не сорвалось, пока он на вас не попал.

— Значит, заказы на убийства вам искал Асланов?

— Со стороны — да. Такие, например, как Боруху Капусте землю чужую хапнуть. Свои интересы я сам обслуживал.

— А что же вышло с Афонасопуло? Почему его в яму с дерьмом не бросили?

Володимеров оживился:

— Да его убивать никто и не собирался. Там история такая вышла. Меринг задумал очередную аферу. То ли занизить ему требовалось оценку, то ли завесить, но нужен был оценщик.

— Занизить хотел, чтобы гостиницу «Континенталь» Бродскому заложить, — пояснил Алексей Николаевич.

— Да? Вот шельма. Но вышло у него с Афонасопуло недоразумение. Деньги, видать, не поделили. И решил директор своего оценщика пугануть, чтобы тот больше писем вредных не писал. А как пугануть? Спросил у Гудим-Левковича.

— Которого?

— Что у губернатора канцелярией заведует. Тот вызвал Желязовского, а поляк перепоручил Асланову. Сам-то пристав не знает ни черта, всю службу у него Спиридон ведет.

— Так. А Спиридон вам предложил.

— Точно. Мы за все беремся: хоть морду набить, хоть кровь пустить — на все есть такса. Меринг передал пятьсот рублей. Сказал: напугайте хорошенько, но без членовредительства.

— Вот даже как? — удивился сыщик. — Добрый оказался?

— Да чистоплюй он, Меринг. Даже украсть не может.

— Михаил Федорыч не вор?

— Не, он слаб на это дело. Боится всего на свете. Из-под него воруют, а он потом за это и в тюрьму пойдет. Но мне что, мне лишь бы платили... И поймали ребята того Афонасопуло. Ночью на пристани, когда он из Никольской слободы возвращался. Тут-то и вышла у них большая промашка. Короче, умер оценщик.

— Как это получилось?

— По глупости, конечно, — сердито пробурчал атаман. — Стали ему мозги вправлять, словесно, как подражались. А он вдруг из кармана револьвер достал. Что ребятам оставалось? Двинули кастетом в темечко... свою жизнь спасая.

— Пришлось в Днепр кидать?

— А куда еще? Убивать-то его не думали, потому мясной фургон и не припасли. Сначала я на парней осерчал: зачем мокрое дело развели? Но у покойника нашлось при себе почти три тысячи рублей, и это меня примирило. Ладно, думаю, авось обойдется, а деньги уже в кассе.

— Но тут приехал я, — усмехнулся надворный советник.

— Вот-вот. И началось. Что делать? Баре сразу от нас открестились. Меринг в панике: теперь все всплывет, что вы наделали! Гудима в панике: мы же совсем не это заказывали! Теперь расхлебывайте сами, а нас не впутывайте. И остались мы с Аслановым вдвоем. Сначала Спиридон надеялся на легкий исход. Давно уже он зуб точил на Созонта Безшкурного, «ивана» с левого берега. Тот надзирателя в грош не ставил, делиться добычей не хотел. За что и был назначен главным виновным. Свалили мы смерть оценщика на него, и все так ловко получилось: паспорт убитого у

Созонта отыскался, куча краденого в притоне, ешь не хочу. Но вы почему-то не клюнули. Более того, Асланов говорил, с самого начала на меня стали думать. Вот скажите, господин Лыков, где у меня вышла промашка? Почему именно я попал под подозрение? Откровенность за откровенность.

— Меня навел на вас старик Прозумент. Своим рассказом о том, как вы помогли ему избавиться от нечестного управляющего его доходного дома. Как бишь того звали? Мовша Ивантер?

— Ну...

— Потом мне опять попалась ваша фамилия. В связи с несчастным случаем, когда человек выпал из окна. Он тоже делал кирпич и перебивал ваши заказы. Тут уж все стало очень подозрительным, согласитесь.

— Иной бы и не заметил... — проворчал бандит. — Вот, значит, кто меня спалил? Прозумент, сволочь. Я ему помог, а он? Правду говорят, не делай людям добро, они отплатят злом.

— Петр Софроньевич, вернемся к разговору. Расскажите про пожар в «Шато-де-Флер». Это Бурвасер сгорел в восьмом кабинете вокзала?

— Да.

— А кто пожар устроил? Асланов?

— Нет, Карп, ближайший мой помощник по нехорошим делам. Яшка Гицель рыскал по городу, все думал, признаваться ему или нет. Совета спрашивал. И попал на аслановского осведа. Тот сообщил надзирателю, Спиридон — мне. Я велел Карпу убрать болтуна. Где он сейчас?

— Сидит по сию пору у военных. До суда и просидит, руки Асланова дотуда не дотянутся.

— На суде Карп рта не раскроет, — уверенно обещал атаман. — Зачем ему себе каторгу удлинять?

— А Степан? Он уже все рассказал и протокол допроса подписал.

— Ну и что с того? Меня он выдал, верно. Про другое мальчишка не знает. Вам ведь нужны Асланов с Желязовским? О них парень ничего не сумеет сообщить.

— А шпионаж с жандармами кто придумал?

— Спиридон. Когда понял, что вы дознание не прекратите.

— Он сам кроки рисовал? Что ж так плохо намазюкал?

— Времени мало было. Требовалось успеть, пока вы в Ржищев плаваете.

— Ну, картина ясна, — подытожил Лыков. — Я отстраню обоих от дел, временно, на период служебного расследования. И Асланова, и пана Желязовского. Вызову сюда подкрепление из Петербурга, и мы начнем копать. Глубоко копнем, обещаю. Что-нибудь точно нароем. Или каторга

этим господам, или, в лучшем для них случае, увольнение от службы. Продажной полиции в Киеве конец.

Бандит лишь улыбнулся.

— Что, не так?

— Совсем не так.

— А как?

— Да все останется по-прежнему, — объяснил Володимеров. — Пристав скоро уйдет. Женится на капиталах — и в отставку, деньги прожигать. А вот Спиридон никуда не денется. Он врос корнями, и всюду у него защитники. Даже Трепова обаял. Нужен он такой начальству, нужен и удобен. Дело раскрыть? Запросто. Когда оно не противоречит его интересам. Спиридон Федорович Асланов — первый человек в преступном мире Киева. Одной ногой он в полиции стоит, жуликов ловит. Второй — в фатовиках, и тоже на первом плане. Ничего вы с ним не сделаете. Скажу больше... — Тут бандит стал серьезен. — Я ведь вам не просто так свою жизнь изложил и в преступлениях сознался.

— А с какой целью? Если протокол не подпишете, признанию вашему грош цена.

— Бумагу я не подпишу, и к этому больше возвращаться не будем, — отрезал Володимеров. — Речь о другом. Вам, Алексей Николаевич, согласитесь, все же оказал я услугу. Разъяснил, как было дело. Сыщику всегда интересно знать, даже если он свое знание к делу не пришьет. Так или нет?

— Так, — нехотя подтвердил Лыков. Он до последнего надеялся убедить атамана, чтобы тот оформил свои показания.

— Вот! Мог вообще молчать, терять-то мне нечего. Понимаете вы это или нет?

— Ну понимаю. Дальше что?

— А то. Услуга за услугу.

Петр Софроньевич на этих словах вдруг полез за пазуху и вынул нательный крест. Золотой, старинной работы, на черном кожаном гайтане. Он снял его с себя и вручил сыщику.

— Крест семейный, от отца мне достался. Передайте его сестре, одна она мне родная душа во всем мире.

Лыков молчал, предчувствуя недоброе.

— Отдадите или нет? Я ведь вам все сказал, как на духу.

— А сами вы останетесь без креста?

— Обо мне не беспокойтесь, меня скоро удавят. Запишите адрес сестры: Харьков, Соборная улица, Прасковье Маникиной-Невструевой в

собственный дом. Она теперь вдова, это ее нынешняя фамилия.

— Но...

— Передайте также, что перед смертью я ее вспоминал.

— Да что вы себя раньше времени хороните! — взорвался Лыков.

— Слушайте меня внимательно, Алексей Николаевич, — продолжил бандит. — Услуга моя больше, чем может показаться. Берите свои манатки и бегите из Киева прочь, пока не поздно. Иначе они и вас прикончат.

— Кто, Асланов? Околоточный надзиратель в чине коллежского регистратора? Вы смеетесь. Я чиновник особых поручений Департамента полиции. Понимаете или нет? Если тут меня кто-то хоть пальцем тронет, весь Киев керосином зальют и спичку поднесут.

Но атаман лишь покачал головой:

— Бегите, послушайте доброго совета и бегите. Прямо сегодня, как можно быстрее. Вы слишком опасны для Асланова. И тех, кто стоит за ним.

— А кто стоит за ним? — насторожился сыщик.

— Не скажу.

— Да что они мне сделают? Убьют? Тогда здесь половина департамента окажется. Живого места не оставят ни на ком.

— Ну вам-то будет уже все равно, — поддел Лыкова арестованный. — А потом, смотря как повернуть. Вы можете утонуть во время купания. Или выпасть в окошко. Или вас лошадь собьет на улице. А то и вовсе пропадете бесследно.

Сыщик задумался. Мысль о том, что жалкий надзиратель сыскного отделения может быть настолько опасен, не укладывалась в его голове.

— Поймите, — настойчиво продолжал Петр Софроньевич, — все уехали. Нет ни губернатора, ни полицмейстера. Сейчас Асланов и Желязовский в городе высшая полицейская власть. Очень удобно, чтобы от вас избавиться. А Гудимы с Мерингом потом вас оговорят. Подбросят какую-нибудь дрянь, оклеветают, лжесвидетелей предоставят. Очернят, одним словом. Так, что и искать ваших убийц никто не станет.

Лыков молчал, обдумывая услышанное.

— Бегите. Что вам еще осталось в Киеве? Засадить их в тюрьму не получится: я протокол не подпишу. Других улик у вас нет. Поручение министра вы, считай, исполнили. Меринг к убийству Афонасопуло прямого отношения не имеет, он его не заказывал. Бумаги, подтверждающие его скорое банкротство, у вас на руках, их и отдайте Витте. Все, дело сделано. И вы целый.

— Зачем же Асланову меня убивать? — оживился надворный советник. — Сами себе противоречите.

— Ничуть. Лыков все равно опасен. Вдруг он неправильно рассчитает свои силы? Подумает, что справится с Аслановым, и объявит ему войну. Выиграть он ее не выиграет, но урон нанесет. Безопаснее Лыкова сложить. Как только Спиридон вернется из командировки, тут же примется за вас.

— А вы? Вы так спокойно приняли неизбежный конец? И бороться не станете?

Бандит развел руками:

— А как бороться? С моими-то грехами да после признания Степана Племянникова, каторги не миновать. Каторга для меня хуже смерти. Лучше уж сразу. Касьянов год... Касьян Немилостивый на тот свет зовет, надо собираться.

— Но почему, почему вы не отдадите мне Асланова?! — в последний раз попытался питерец. — Вам умирать, а этой сволочи жить? Где тут правда?

— Какая еще правда? Где вы ее видели на земле?

— Не понимаю я этого.

— Как угодно, — сухо ответил бандит. — Спиридон мне ближе всех сыщиков, он такой же, как и я. Брат не брат, друг не друг, но одного мы поля ягоды. Думал я и так решил. Тот солдат неслучайно в лавку явился. Дьявол его прислал. Давал мне сигнал, что пора к нему на службу переходить, а не табаком торговать.

— Но ведь вы могли быть честным человеком. Много лет пекли кирпич, обходились без черных дел.

— Обходилась, да не обошелся. Черного кобеля не отмоешь добела.

— Но еще не поздно помочь правде. Откреститься от аслановых и иже с ними.

Атаман помотал головой:

— Заканчивать свой век предателем? Сумел согрешить, умеи и ответ держать. Я отвечаю.

— А Спиридон нет?

— Судьбу не объедешь.

— Но он же вас и убьет.

— Обязательно убьет, — согласился Володимеров. — По тем же соображениям. Так ему безопасней, да и мне в казематах не мучиться...

— И вы согласны? Отомстить ему за это не хотите?

— Если уж мне кому и мстить, так это вам. Вы, господин Лыков, сгубили мою жизнь, а не Спиридон Асланов. Вот я и отомстил: все рассказал, а бумагу не подпишу.

— С трудом понимаю это...

— И не ломайте голову. Просьбу мою помните?

— Про крест? Так отдайте его сами Спиридону. Когда он явится вас убивать.

— Плохо сказали, — укорил сыщика атаман. — Зря. Над смертью не смеются.

— Вы тоже меня не щадите.

— Отдать Асланову эту вещь я не могу. Он золото из рук не выпустит, жадный.

Лыков смутился:

— Извините. Конечно, я перешлю крест вашей сестре.

— Спасибо. Но если не воспользуетесь моим советом, то все будет напрасно. Не успеете. Бегите из Киева, пока есть время. А теперь пусть меня оставят в покое, я устал. Да, и Красовскому лишнего не рассказывайте, а то и его погубите.

Глава 15. Охота на чиновника особых поручений

Это были последние слова атамана. Лыков вышел к ожидавшему его надзирателю в крайнем волнении.

— Что он вам сообщил? — накинулся на него Николай Александрович. — Сознался или нет?

— Сознался, но протокол подписать отказался наотрез.

— Почему?

— Чтобы не облегчать нам жизнь, видимо.

— Для чего же тогда рассказал? — опешил Красовский. — Да, и в чем именно сознался Арешников? Убийство оценщика он взял на себя?

Лыков никак не мог решить, что передать помощнику, а что скрыть от него. Вдруг атаман прав, и пора домой? Без подписанного им протокола делать питерцу в Киеве больше нечего...

Сбивчиво, на ходу выбирая, о чем лучше промолчать, Лыков изложил рассказ арестованного. С его слов выходило так. Арешников признал, что был главарем банды, которая брала заказы на разные темные дела. В том числе они подрядились запугать оценщика Афонасопуло. Попросил об этом Меринг и дал пятьсот рублей. Посредниками выступили Георгий Георгиевич Гудим-Левкович и пристав Желязовский. А также Асланов. Последний знал о тайном ремесле лаврского арендатора. Но по каким-то соображениям молчал.

— Знаю я эти соображения, — прокомментировал Красовский. — Пользовал он тех громил, как дойную коровушку. И держал про запас до того случая, когда начальство спохватится и прикажет банду предъявить.

Лыков не стал ни спорить, ни уточнять. А продолжил рассказ, состоявший из правды вперемешку с полуправдой. Он сообщил, что смерть оценщика была фактически несчастным случаем. Никто ее не заказывал. Меринг если в чем и виноват, то лишь в неразборчивости в приемах. Темные дела творили Арешников со своей шайкой, но эту сторону не дознаешь. Главарь молчит. Более того, утверждает, что у него болезнь замкнутого пространства.

— Вот на этом его и поймать, — предложил Николай Александрович. — Пусть сознается, а иначе...

— И что иначе? — остудил его пыл надворный советник. — За

признание мы отпустим его на свободу? Нет. Какой тогда ему смысл признаваться? Я боюсь, все выйдет проще. Возьмет наш главный злодей, да и повесится. Он прямо мне на это намекал.

— Тогда мы ничего не докажем, — расстроился околоточный.

— А мы и с ним ничего не докажем. Асланов, который покрывал атамана, никогда в том не сознается.

— А кто Бурвасера убил?

— Карп Притаманный. Этот тоже будет молчать. Улик против него никаких.

— И что делать?

— Не знаю, — честно признался питерец. — Надо подумать. Но боюсь, Николай Александрович, придется мне из Киева уезжать ни с чем.

— Почему ни с чем? Банду Арешникова вы открыли. А она много лет людей убивала, — возразил киевлянин.

— Я имел в виду, что Желязовский с Аслановым останутся безнаказанными.

К удивлению Лыкова, его помощник отнесся к этой новости спокойно.

— Я знал, что так и будет, — сказал он. — У нас все настолько запущено, что ничего уж не переменить.

— И вы продолжите служить с потатчиками воров?

— А куда прикажете деваться? Уходить из полиции? Нет, не дождутся!

Эти слова несколько успокоили чиновника особых поручений. Видимо, и впрямь пора собирать манатки. И для Красовского такой исход не станет трагедией...

Вечером Лыков пригласил помощника в ресторан, и не одного. Так и сказал: приходите с невестой. Николай Александрович смутился, но возражать против именованья не стал. Питерец угощал своих друзей в ресторане гостиницы «Гранд-Отель», лучшем в городе. Ужин, весьма вкусный и более чем дорогой, завершился прогулкой. Куда еще идти, как не на Днепр? Двое мужчин и серьезная женщина гуляли допоздна. «Шато-де-Флер» работал, как ни в чем не бывало, только пепелище обнесли забором. Лыков ненавязчиво, щадя самолюбие надзирателя, за все платил. Он сразу объяснил, что днями уедет и хочет отблагодарить помощника за оказанное содействие. О делах сыщики не сказали ни слова.

Утром следующего дня питерца вызвали к коллежскому советнику Гуковскому. Помимо врид полицмейстера, там были пристав Желязовский и надзиратель Асланов.

— Спиридон Федорович, уже приехали! — воскликнул Лыков, как ни в чем не бывало протягивая ему руку. Тот пожал ее, но смотрел

испытующе.

— Мы заменили лиц, ведущих дознание убийства Володкевич, — сообщил Гуковский. — Господин Асланов нужен в городе.

— Заменили? Значит, преступление в поезде пока не раскрыто?

— Это трудное дело, — пояснил коллежский советник. — С кондачка не взять.

— И кто сейчас занимается им вместо Спиридона Федоровича?

— Второй надзиратель сыскного отделения Красовский.

— Понятно.

— Мне недавно телефонировал комендант крепости Немирович-Данченко, — продолжил Гуковский. — Арешников повесился в камере.

— Когда? — воскликнул сыщик.

— Под утро. Недоглядели за ним военные. С самого начала мы были против того, чтобы помещать арестованных в цитадель. Но вы, господин Лыков, поступили по-своему. В Лукьяновской тюрьме убийца был бы жив и предстал бы перед судом. А теперь что? Все концы оборваны.

Лыков покосился на Асланова. Тот глаз с него не сводил! Видимо, хотел понять, что теперь известно питерцу о деле.

— Вы успели допросить злочинца перед смертью, — заговорил пристав. — Что он вам рассказал? Или поехал на небо тайгою?^[54]

Лыков состроил унылую физиономию:

— Нет, он сознался. Но толку теперь от его рассказов... Подписывать Арешников ничего не стал, а слова есть слова, лишь сотрясение воздуха.

— И все-таки, — настоял Желязовский.

— Ну, он сообщил свое настоящее имя. Оказывается, атамана звали Петр Володимеров. Он бывший харьковский купец. Много лет назад в случайной ссоре убил человека и скрылся. С тех пор жил под чужим именем. Устроился в Киеве арендатором Лаврского завода, но преступное нутро взяло свое. Арешников-Володимеров сколотил банду. Сначала лихие парни просто расчищали главарию дорогу, устраняли неудобных...

— Каких еще неудобных? — перебил сыщика Гуковский. — В кирпичном деле разве могут быть криминальные мотивы?

— Да они везде могут быть. Арешников с помощью своих головорезов перебивал выгодные заказы, убирал конкурентов. Если интересно, поговорите с подрядчиком Прозументом. Он вам расскажет, как фабрикант кирпича помог ему избавиться от жулика-управляющего.

Гуковский немедленно записал фамилию.

— Но что с убийством Афонасопуло? — впервые заговорил Асланов. — Сознался в нем покойный?

— Да. Тут, господа, имела место случайность. Оценщика намеревались просто побить, а тот достал револьвер. И громилы сгоряча ухайдакали беднягу.

— Минуту. С какой стати Афонасопуло хотели побить? — удивился Желязовский.

— Меринг заказал, чтобы тот не писал скандальных писем, — пояснил сыщик.

Трое киевлян загалдели одновременно. Питерец остановил их жестом:

— Успокойтесь. Это невозможно доказать, тайна ушла в могилу вместе с атаманом. Я не стану, разумеется, обвинять Меринга ни в чем. Так, сообщил для вашего сведения. Это должно остаться здесь, в кабинете.

Опять заговорил Асланов:

— Алексей Николаевич, как мог домостроительный делец Меринг поручить заказ Арешникову? Тот объявлений в газете не давал. Каким образом эти двое нашли друг друга?

— Я задал этот вопрос. Но Яков Ильич, а вернее Петр Софроньевич отказался на него отвечать.

— Не пойму: что-то он рассказал, а что-то нет, — нахмурился околоточный. — Где логика? Для чего преступник открыл вам некоторые факты? Обычно если уж злодеи молчат, то молчат во всем.

— Вот объяснение, — сыщик выложил на стол крест. — Это Володимеров снял с себя и просил передать его сестре в Харьков. Я еще тогда подумал: словно с жизнью прощается. А так оно и было.

Киевляне осмотрели крест и вернули его питерцу.

— Так выходит, Созонт Безшкурный не убивал Афонасопуло? — спросил врид полицмейстера. — Никольские бандиты тут ни при чем?

— Да.

— Но как же тогда в вещах Безшкурного оказался паспорт оценщика?

Питерец пожал плечами:

— Этого мы уже никогда не узнаем.

— А гицель, что назначил вам встречу в «Шато-де-Флер»? — вспомнил околоточный. — С ним что?

— Понятия не имею. Арешников открестился, сказал, это не их рук дело.

Все помолчали, потом командированный объявил:

— Все, дело раскрыто. Я уезжаю домой.

— Когда? — встрепнулся Желязовский. Ждет не дождется, подумал Лыков...

— Сегодня же. Того, что я узнал, достаточно для доклада Сипягину и

Витте.

— Вы скажете тестю про зятя? — удивился Гуковский. — В смысле, про наем громил с целью унять писарский зуд Афонасопуло.

— Я что, похож на идиота? — обиделся сыщик. — Сообщить министру финансов такое про его родственника, не имея на руках доказательств. Мне еще моя служба не надоела.

На этом совещание закончилось. Лыков отправился в гостиницу собирать вещи. Заодно он послал служителя на вокзал купить билет. Сыщик хотел ехать курьерским, так быстрее. Поезд отходил в шесть вечера. Оставалось еще время. Он повидался с Прозументом, взял у него обещанные документы и копии писем Меринга. Вроде бы все, можно домой...

Алексей Николаевич сидел в буфете и читал газету. Мир, как всегда, истекал кровью. В Китае войска Большого кулака гонялись за иностранцами. Отряд генерала Тунг-Фусианга бился с русскими, и неудачно. Осажденные в Пекине посольства надеются на помощь... В Африке своя заварушка, англо-трансваальская война. Боэры^[55] бьют британцев, как хотят. Сыщик перешел к другим новостям. В Париже очередная Всемирная выставка. Воздушный корабль Цеппелина пролетел над Боденским озером. Ведется расследование покушения на принца Вельского. Автомат-фотограф «Боско» дает готовую карточку за три минуты.

Особенно внимательно Лыков изучил судебную хронику. Дело братьев Скитских не сходило с газетных полос. Еще много писали о процессе над Саввой Мамонтовым. Вот где аферы так аферы, не то что в Киеве. Сыщик нашел также статью, касающуюся лично его. В ней сообщалось о суде над убийцами читинского полицмейстера Сомова. Преступников поймал Алексей Николаевич и сдал следователю. Теперь суд закончился. Приговор оказался жестоким: шестеро были приговорены к повешению. Но государь только что смягчил его. Он оставил смертную казнь лишь для троих непосредственных убийц, а остальным соучастникам заменил на пожизненную каторгу. Что ж, кровь за кровь. Полицмейстера тяжело ранили выстрелом через окно, а потом безжалостно добили. Пусть теперь убийцы горят в аду.

А что делается в Киеве? Так... Прошли рысистые состязания на Эспланадном плацу за гитовый приз в четыреста рублей для лошадей третьего класса. Победил скакун Вихрь-Богатырь завода наследников Давыдова. Известный сутенер и подкальыватель Петр Кулаков по кличке Петька Красавчик нанес несколько ножевых ран сутенеру Панько, прямо на

Крещатике. Ну, теперь сыщика это не волнует, он едет домой. Против бань Бугаева на Подоле всплыл утопленник... Асланов спишет на несчастный случай, да и черт с ним. В Саперной слободке трое напали на городского, сорвали с него свисток и принялись душить. Это уж чересчур!

В этот момент Лыкова позвали к телефону. Звонил Изя Прозумент. По поручению отца он хотел передать сыщику бумаги товарищества цементных заводов «Фор». Там за Мерингом числились значительные долги. Сгодится в копилку, подумал Алексей Николаевич и спросил, куда ему подъехать. Изя почему-то назвал Загородный проулок возле городской скотобойни. Делать нечего, питерец взял извозчика и покатил. Время до поезда все равно надо было чем-то занять.

Вдруг на Бессарабской площади он увидел старика Прозумента, выходящего из почтовой конторы.

— Лев Моисеевич!

— Ой! Опять вы, Алексей Николаевич. Еще не уехали?

— Нет. Вот, спешу к вашему Изе, забрать бумаги, что вы приготовили.

— Какие бумаги? Я все вам отдал.

— А от цементного товарищества. Изя телефоновал мне сейчас в гостиницу и сказал, что вы поручили передать их мне. Почему-то возле боен...

Прозумент отступил на шаг и сказал срывающимся голосом:

— Я ничего Изе не поручал. И вообще, молод он еще общаться с чиновниками Департамента полиции. Если было бы нужно, я сам бы вам телефоновал.

Лыков вдруг почувствовал, как у него тяжелеют ноги. Вот отчего Загородный проулок...

Подрядчик стал белее мела:

— Мой мальчик! Что с ним сделали?

— Успокойтесь, это был не он.

— Как не он? Вы сказали — Изя!

— Я с вашим сыном и двумя фразами не обменялся, — пояснил сыщик. — И конечно, когда услышал в телефон молодой голос, сразу поверил. А это была ловушка. Кто-то выдал себя за него.

Прозумент постоял несколько секунд, а потом закричал диким голосом:

— Фурман! Фурман!

— Садитесь на моего, — предложил питерец.

— А вы?

— Так до гостиницы рукой подать. Я возвращаюсь.

— Благодарю!

Лев Моисеевич уселся в экипаж и велел мчать его на Подол как можно быстрее. А Лыков отправился назад в номера. На душе у него было мутно.

Значит, Спиридон не поверил. Удавил Арешникова и решил избавиться заодно и от сыщика. Ловко он придумал с бумагами цементного завода. Очевидно, что за питерцем следят. И сейчас к надзирателю летит гонец с сообщением, что ловушка не сработала. Надо срочно убираться.

Алексей Николаевич торопливо поднялся в номер. Он еще не до конца сложил вещи и теперь принялся лихорадочно их укладывать. Первым делом ордена! Затем бумаги для Витте с доказательствами предстоящего банкротства его зятя. Лыкову попались еще какие-то листки. Что это? Машинописный документ со множеством цифр... Он поднес его к свету и стал разбирать. «...Выходит 1 околоточный на 5,2 городских и на 2500 жителей. Между тем в Риге 1 околоточный приходится на 6,7 городских и на 4286 жителей. Поэтому предлагаемое вами увеличение является чрезмерным». Что за чушь?

— Тьфу!

Сыщик бросил листки на пол и даже брезгливо вытер руку о брючину. Он вспомнил, откуда взялись странные бумаги. По приезде в Киев полицмейстер Цихоцкий вербовал его в сторонники увеличения штатов местной полиции. И вручил возражения Министерства финансов на проект Трепова. А теперь околоточный надзиратель этой полиции гоняется за сыщиком, чтобы его убить! Пусть сами тогда и защищают свои штаты, а на помощь надворного советника не рассчитывают.

Уложив имущество в чемодан, Лыков высунулся в коридор. Пусто. До поезда еще три часа, но лучше провести их на вокзале. Там, по крайней мере, безопаснее. Он вышел из номера, подошел к лестнице — и замер. Снизу поднимались несколько человек. Не успел...

На цыпочках питерец отбежал в конец коридора и спрятался в гладильной комнатке. Оставил щелку, чтобы наблюдать. Четыре молодца в одинаковых черных костюмах направились в номер. Они ступали тихо, руки держали в карманах. К своему удивлению, сыщик разглядел, что руководит убийцами «морж», Аким Дудка! Хозяин трактира «Веники» и секретный осведомитель полиции вел отряд уголовных. Ай да осведомитель...

Трактирщик шевельнул пальцем, и бандиты ворвались внутрь. Немедленно сыщик перебежал коридор и выскочил на лестницу. Спуститься вниз? Там наверняка ждут. Поэтому он дошел только до

второго этажа, распахнул боковое окно и высунулся наружу. Гостиничный двор был пуст. До земли две сажени. Высоковато, но деваться некуда. Счет шел на секунды. Не застав питерца в номере, люди Дудки примутся искать его.

Сначала Лыков выбросил на двор чемодан, а потом выпрыгнул сам. Повис на руках, чтобы уменьшить высоту, и разжал пальцы. Пролетая мимо первого этажа, он решил в последний момент ухватиться за подоконник, чтобы смягчить падение. Это оказалось ошибкой. Ничего он не смягчил, а сделал только хуже: сыщика закрутило, и он упал не на ноги, а на спину. Несколько секунд лежал, оглушенный, пытаясь понять, что он себе сломал. Потом кое-как поднялся, подобрал багаж и выскользнул на улицу.

У входа в номера Гладынюка стояли две пролетки. Возле них сбились в кружок несколько здоровяков. Ого... Спиридон Асланов в знак уважения к Лыкову послал для его убийства чуть не десяток гайменников. Стараясь не хромать (левая нога сильно болела), сыщик доковылял до угла. Сел в экипаж и приказал ехать на вокзал.

Однако бандиты нашли его и там. Через полчаса Дудка с четырьмя громилами вошли в зал ожидания первого класса и нагло уселись напротив сыщика. На глазах у всех его, конечно, не зарежут и даже дадут сесть в вагон. Но потом все будет плохо. Если убийц впустили сюда, значит, у них билеты в первый класс. Они расположатся рядом с Лыковым и ночью пойдут на штурм. Или дождутся, когда станет неважно и питерец сунется в туалет. Прикончат на унитаза — вот достойная смерть... Что же делать?

Надворного советника особенно бесил идиотизм ситуации. Раз он уже бегал так от полиции, но то было в маленьком городке Варнавине, где сыщик схлестнулся с местными властями^[56]. А тут? Столица края, вокруг полно городских. Но стоит питерцу зайти хоть за тумбу, его сразу зарежут. Надо держаться на виду. И все равно рано или поздно ребята улучат момент и нападут. Влип, однако.

Как насмешку, вспоминал сейчас Лыков свои слова о том, что уголовные не посмеют его и пальцем тронуть. В Киеве зальют все керосином и поднесут спичку... Самодовольный бахвал! Тебя же предупредили. Что с того, что ты чиновник особых поручений Департамента полиции? Паршивый околоточный в жалком чине коллежского регистратора вполне распорядился твоей участью. Невероятно, но факт.

Однако жалеть себя было некогда. И надворный советник принял решение. Он поманил к себе через окно станционного жандарма:

— Унтер-офицер, ко мне!

Тот подошел и козырнул. Лыков показал ему полицейский билет и приказал:

— Отведи вот этих пятерых к начальнику пункта, установи самоличности, и пусть мне письменно их доложат.

Жандарм недоуменно спросил:

— А за что я их задержу, ваше высокоблагородие? Они же ничего противозаконного не делают.

— Я не сказал задержать, я сказал установить самоличность. Живо выполнять!

Служивый подошел к бандитам и сконфуженно предложил им следовать в жандармский пункт. Дудка подумал секунду и велел своим бугаям подчиниться. Как только они ушли, Лыков выскочил на площадь перед вокзалом, прыгнул в извозчика и приказал:

— В штаб военного округа.

Он ехал и думал об одном: только бы Дикая Мавра оказался на месте. Объясняться с другими бесполезно. Кто поверит, что чиновнику всемогущего Департамента полиции в столице края нужна защита?

К счастью для Лыкова, дежурный генерал был у себя и принял гостя сразу.

— Алексей Николаевич, как ваше дознание? И почему вы с чемоданом?

— Здравствуйте, Алексей Алексеевич. Вот, решил у вас переночевать.

— Простите, не понял...

— Мне надо выбраться из Киева. А меня преследуют уголовные и хотят убить. Нужно пересидеть где-то до утра, а потом исхитриться сесть в поезд.

— Опять не понял, — еще более удивился Маврин. — Вас преследуют, хотят убить... Почему бы вам не обратиться в полицию?

— Долго объяснять, Алексей Алексеевич. Коротко говоря, полиция с ними заодно.

— Вот это да! Но кто эти люди?

— Убийцы, а во главе их околоточный надзиратель сыскного отделения Асланов.

— Асланов? Лучший сыщик Юго-Западного края? — Маврин ткнул в лежавшие перед ним газеты: — Любимый герой наших уголовных хроникеров, они очень его хвалят.

— И есть за что. Но я своим дознанием сильно его стеснил. Спиридон Федорович держит в руках весь криминальный Киев. А начальник

отделения Желязовский у него на подхвате.

— Но есть полицмейстер, черт возьми! И губернатор!

— Оба сейчас в отпуску. К тому времени, когда они вернутся, меня уже похоронят. И девять дней отметят.

Генерал смотрел на сыщика и растерянно хлопал глазами. В голове у военного человека не укладывалась мысль, что чиновника МВД могут зарезать в столице края средь бела дня...

— И как быть?

— Ну, Алексей Алексеевич, я добрался до вас живой, а дальше все просто, — весело пояснил сыщик. — Армия разве мне не поможет?

— Конечно, поможет! — гаркнул генерал-майор. — Да мы их в муку изотрем! Сейчас же доложу Драгомирову, он камня на камне от полиции не оставит.

— Не надо.

— Но почему? Вы столичный чиновник, приехали с ответственным поручением. Михаил Иванович лично вас видел и один раз уже посодействовал.

— Не надо, — повторил сыщик. — Доказать я ничего не могу, ребята хитрые, уничтожили все улики. Официально делу ход давать нельзя. То, что я сказал, — исключительно для вашего личного сведения. Лучше помогите мне убраться из города. Под охраной солдат сесть в поезд где-нибудь на ближней станции. Но перед этим избавиться от «хвоста».

— Гхм... А нельзя в муку?

— Увы, нет. Просто спасите мне жизнь.

Маврин встал, одернул мундир:

— Что я должен сделать?

Лыков подошел к окну, выглянул на улицу. За углом стояла пролетка с одиноким пассажиром.

— Вон их наблюдатель. От вокзала меня вели двое, один отлучился подать сигнал. Скоро появятся остальные.

— Мы их отгоним.

— Будет лишь хуже. Бандиты затаятся где-нибудь не на виду.

— И как быть?

Сыщик сел, выдохнул. Стало ясно, что он весь на нервах.

— Давайте условимся так. Я у вас переночую. Можно?

— Здесь неудобно, — возразил генерал. — В здании есть жилые помещения, но лишь в квартире начальника окружного штаба. А она не предназначена для посторонних лиц.

— А в казарме где-нибудь?

— Найдём место получше казармы. Приглашаю вас к себе. Вера Васильевна, моя супруга, будет рада такому гостю.

— А где вы живёте?

— На Левашовской. Есть свободная комната, вы никого не стесните.

Лыков задумался. В генеральскую квартиру гайменники лезть, скорее всего, не посмеют. Но вдруг?

— А дети у вас имеются?

— Две дочки, — с гордостью заявил Алексей Алексеевич.

— Нет, это может быть опасно. Дети... Нет, лучше поместите меня туда, где детей нет.

Генерал фыркнул:

— Чего вы боитесь, право слово? Кто посмеет атаковать мою квартиру?

Но сыщик упорствовал, и Маврин в конце концов согласился:

— Пусть будет по-вашему, хоть мне это и непонятно. В офицерских домах в Военно-Соборном переулке отыщется свободная комната. Я сейчас распоряжусь.

— А там безопасно?

Маврин усмехнулся:

— Три десятка офицеров, и при них денщики.

— Но при офицерах ещё и семьи?

— Да, там отведено жильё лишь для семейных.

— Повторю, я опасюсь не за себя, а за женщин и детей, — пояснил сыщик. — Люди, что гонятся за мной, отчаянные. Могут ночью сунуться. Лучше бы мне ночевать там, где только военные.

— Да будет вам, — махнул рукой генерал. — Вообще уж... Военно-Соборный переулок весь наш, там кругом погоны. Никто не сунется.

— Ну хорошо. А утром? Как мне попасть на пригородную станцию?

Маврин задумался, потом стал искать на столе какие-то бумаги.

— Ага, вот. Завтра Пятый понтонный батальон совместно с Третьим полевым инженерным парком выдвигаются на учения в район Феофаниевской пустыни.

— Это где?

— Двенадцать верст от Киева и семь от Демиевки, на юго-восток, — ответил генерал. — Так-то рядовые маневры, но будет много солдат, больше тысячи штыков. Среди них мы вас и спрячем.

— Переоденете в солдатскую форму? — высказал догадку сыщик.

— Понадобится — переоденем. Но кто посмеет напасть на вас при такой силе?

— Понятно, — сообразил Лыков. — Мы выдвигаемся поутру, удаляемся от людных мест. Бандиты следуют за нами в отдалении. Так-так... — Он хищно ухмыльнулся: — Запомнит меня Аким до новых веников.

— Какой Аким?

— Хозяин трактира «Веники» и одновременно подручный Асланова, он командует уголовными. В пролетке их будет четверо или пятеро. Вы позволите проучить стервецов?

— Налететь ни с того ни с сего на мирных людей? — смутился генерал. — Я, конечно, понимаю, что вы вряд ли ошибаетесь на их счет... Но как-то неловко.

— Минуту назад вы предлагали мне истереть негодяев в муку.

Алексей Алексеевич замялся:

— Я и сейчас готов... Если Михаил Иванович разрешит...

— Не будем впутывать Драгомирова в наши дела. Поступим так. Мы перехватим бандитов на дороге и предложим им показать содержимое карманов. Уверен, вы увидите много интересного. И когда сомнения в образе жизни этих «мирных людей» исчезнут, тогда и решите. Годится?

— Годится. Какие еще есть просьбы, Алексей Николаевич? Я скоро уйду на совещание. Поесть не хотите? Мой денщик принесет вам обед из кухмистерской.

— Поесть хочу, спасибо. А можно позвать фельдшера?

— Что случилось? — встревожился Маврин.

— Прыгал из окна второго этажа, когда спасался. Содрал кожу на спине, болит. Хорошо бы йодом помазать. И вывихнутую ногу чем-нибудь замотать...

— Это мигом.

Алексей Николаевич пообедал вполне сносно, потом ему оказали медицинскую помощь. Через полтора часа Маврин вернулся с совещания. Посмотрел на умиротворенного гостя и сказал:

— Поедемте.

— Заселяться?

— Точно так.

Они вышли из здания окружного штаба и уселись в коляску. Через Институтскую, Левашовскую и Александровскую добрались до Печерска и свернули к Большому Николаю.

— Глядите, Алексей Алексеевич: нас сопровождают, — сказал сыщик генералу, когда они катили мимо Дворцового парка. Тот вывернул шею, присмотрелся и выругался.

— Ну ничего, в офицерских домах надежно, — успокоил он надворного советника.

Дом в Военно-Соборном переулке выглядел неброско. Два этажа, два подъезда, позади сараи и летние кухни. Перед домом гуляли бонны с мальпостами^[57] и бегали собаки в ошейниках. Генерал лично поместил гостя в свободную комнату в квартире бездетного подполковника Семушкина. Сам подполковник был на службе. Его жена выделила нежданному соседу постельное белье. Все было как-то по-семейному. Чувствовалось, что тут коммуна и военные живут дружно, без церемоний.

Вечером Алексей Алексеевич появился опять — провести сыщика. Он был не один, с генералом приехала его супруга. Вера Васильевна оказалась веселой и приветливой дамой без всякой фанаберии. Маврины, как выяснилось, решили-таки уговорить сыщика остановиться у них на квартире. Тот с трудом отбилсЯ от их дружественного натиска.

Убедившись, что гость неприступен, Маврин заговорил о другом:

— А давайте мы вашего недруга изничтожим.

— Асланова? Но как?

— Я уже придумал. Все-таки скажем Драгомирову. Вы опишете, как было дело. Его высокопревосходительство — человек вспыльчивый. Даст команду, и негодяя выкинут со службы в два счета, без прощения. Никто не станет разбираться, есть доказательства вины или нет. Раз начальник края приказал, значит, виноват.

Лыков подумал и отверг идею.

— Не стоит, — сказал он. — Только кажется, что за Спиридона некому заступиться. Я убежден, что он осведомитель генерала Новицкого в полиции. Поэтому так быстро передали жандармам дело Афонасопуло. Надо ли сталкивать Михаила Ивановича с этим кретином?

Дикая Мавра загрустил:

— Тогда действительно не стоит. У Драгомирова с Новицким и без того плохие отношения. У меня нет права осложнять командующему жизнь.

— Вот и не будем.

— Что, спустите главарю бандитов?

— Увы, Алексей Алексеевич. Придется. И вообще, я сейчас думаю не о мести Асланову.

— А о чем же?

— О том, как ночь пережить. Все-таки мамыши с детьми меня смущают. Вдруг бандиты попытаются взять меня в ножи?

— Ах, вы об этом? Сейчас поправим!

Генерал подозвал чьего-то денщика и велел передать приказ дежурному офицеру крепости: выставить возле дома вооруженный караул. Только на одну ночь. Вскоре прибежали часовой с подчаском и встали под окнами.

— Вот за это спасибо, — расчувствовался сыщик. — Теперь спать я буду крепко.

Но он ошибся. Хотя вечер прошел тихо и уютно: явился Семушкин и пригласил гостя к ужину. Гость в качестве ответной любезности послал все того же денщика за пивом, и солдатик притащил целую корзину. А ночью в комнату Лыкова с улицы кинули бутылку с керосином. Она была заткнута тряпкой, которую предусмотрительно подожгли. Алексей Николаевич не растерялся и накрыл очаг пламени матрасом. На шум прибежал хозяин в лиловых подштанниках. Сыщик велел ему раздобыть воды. Пожар быстро потушили, но настроение жильцам подпортили сильно. Жена Семушкина перепугалась, сам офицер молчал, но смотрел волком. Зачем им такой постоялец?

Утром прибыл полувзвод драгун и сопровождал Лыкова до окружного штаба. Маврин уже знал о ночном происшествии.

— Никак не предполагал такой наглости, — сказал он сконфуженно. — Вы опасались, а я не верил. Считал вас паникером.

— Они надеялись, что я выбегу из дома, — пояснил надворный советник. — Сидели, сволочи, напротив и ждали.

— Но опять просчитались.

— Так неловко перед хозяевами, — признался Лыков. — Явился к ним гость... Чуть из-за меня не сгорели.

— Надо было обыскать округу. Найти их и переколоть штыками!

— Не до того пришлось. Женщин и детей успокаивали.

— Да... Однако вы живучи. Лексей був парубок моторний...

— Что? — не понял сыщик.

— Это из «Энеиды» Котляревского, — пояснил генерал. — Для малороссов она как «Илиада» Гомера.

Кое-как питерец дотерпел до начала учений. Неумытый, голодный, он довольствовался лишь чаем со стола генерала Сухомлинова. Спасибо и на этом. В десять часов утра плотные колонны саперов выступили на маневры.

Маврин отпросился у командующего проинспектировать их, не сообщив ни слова о столичном чиновнике, которого надо было вывести из города. Дежурный генерал трусил на крепком гнедом жеребце. Лыкову тоже дали лошадь. Алексей Алексеевич присмотрелся к сыщику и одобрил:

— Для клеенки^[58] вы неплохо держитесь в седле.

— Я не совсем штатский. Анну с мечами второй степени кому попало не дают.

— У вас шейная Анна с мечами?! Но за что? Я хоть и генерал-майор, но такой не имею.

— Мы с Виктором участвовали в секретной экспедиции Военного министерства в труднодоступном районе Дагестана. Ловили турецких шпионов. В виде исключения меня наградили боевым орденом.

— Тогда извиняюсь за клеенку.

Колонна сначала шла вдоль Днепра. Миновала Китаевскую пустынь и повернула к югу. Через пять верст намечался привал. Сыщик гарцевал в группе офицеров. Время от времени он пропускал отряд мимо себя и всматривался назад. И вскоре заметил одинокий экипаж. Пароконные дрожки двигались на отдалении, стараясь не сближаться с военными. Сыщик выпросил у саперов бинокль и смог опознать преследователей. Это были те самые люди в черных костюмах, что приходили в гостиницу.

Алексей Николаевич прищпорил коня и нагнал Маврина. Тот живо поинтересовался:

— Ну, есть?

— Есть, Алексей Алексеевич. Плетутся в трехстах саженях позади. Их сразу не видно из-за пыли.

— Точно ваши приятели?

— Точно. Я узнал трактирщика Дудку.

— Что ж, тем хуже для них. Действуем по плану. Поручик Шелофостов, ко мне!

Подлетел смуглый ловкий офицер, начальник охотничьей команды^[59] саперной бригады.

— Рассыпьте ваших людей. Мы с надворным советником встанем вон за теми кустами.

Два десятка разведчиков укрылись в зарослях по обеим сторонам дороги. Через четверть часа дрожки с бандитами поравнялись с засадой. Свисток — и экипаж был захвачен.

Когда сыщик подошел к пленным, трактирщик спорил с офицером. Но увидел Лыкова и сразу замолчал.

— Что, Аким, не ждал? Здорово. Ты ловил меня, а поймал я тебя.

— Не збагну, про що ви, ваше високоблагородіє, — спокойно ответил маз. — Ми їдемо у торгових справах, поспішаємо. Нікого не кривдили, тут солдати налетіли. В чому справа?

— Всем выйти и встать в ряд, — скомандовал сыщик. Кто-то из блатных замешкался и тут же получил банку в спину.

Надворный советник всмотрелся в извозчика, и присоединил его к бандитам. Явно поздник!^[60] Потом прошелся вдоль шеренги. Остановился возле белобрысого верзилы, приняухался.

— Алексей Алексеевич, у этого руки пахнут керосином. Фуфер!^[61] Он и кинул ту бутылку, сволочь.

Подскочил Маврин, наклонился, втянул носом воздух и матерно выругался.

— И детей не пожалел, тварь!

Он наотмашь ударил фартового по лицу. Тот даже не покачнулся.

— Ну-ка вывернули карманы, — приказал сыщик.

Уголовные покосились на окруживших их солдат. Те только ждали повода, чтобы пустить в ход приклады... Пришлось бандитам подчиниться.

Револьвер оказался лишь у Дудки. Зато на компанию насчитали четыре ножа, кистень и два кастета. Отыскались также «выдры» — маленькие щипцы, которыми воры поворачивают снаружи ключ, вставленный изнутри в замок.

— А это что такое, Алексей Николаевич? — удивился генерал, разглядывая узкий ремешок с петлей на одном конце и деревянной чуркой на другом.

— Это удавка. Работает она так...

Питерец продел чурку в петлю, накинул ремень на шею белобрысому и чуть-чуть затянул. Тот сразу схватился руками за горло и захрипел.

— Ах вы... — ошалел Маврин. — Да я! Да мы...

— Страшно даже подумать, сколько людей могли задавить этим ремешком, — сказал из-за плеча Лыков. — Помните наш разговор? Убедились, какие это мирные жители?

По бледному лицу Алексея Алексеевича ходили тени. С трудом уняв злость, он ответил:

— Помню. Убедился.

Сыщик встал перед Дудкой:

— Ну, сочтемся, Аким Харитоныч?

— Бийте, пане Лыков, — ответил тот, не моргнув глазом. — Ваша влада.

Лыков ударил так, чтобы сломать мазу челюсть сразу в четырех местах. Врезал и отошел. Трактирщик распластался по земле. Фартовые смешались.

— Поручик, распорядитесь дальнейшим, — приказал Дикая Мавра. Шелофостов тут же обратился к своим людям:

— Видели, ребята, что у них в карманах лежит?

— Так точно!

— Это горлорезы. Преподайте им урок. Убивать нельзя, но проучить следует. Приступайте.

Лыков с Мавриным не стали наблюдать за расправой. Они отошли к своим коням, постояли, поговорили о каких-то пустяках. С дороги доносились звуки ударов и стоны. Потом все кончилось.

— Ну, прощайте, — сыщик протянул генералу руку. — Спасибо вам, Алексей Алексеевич. Вы мне, весьма вероятно, жизнь спасли.

— Однако, скажу я, служба у вас опаснее военной.

— Что поделать? Кто-то должен грязь вычищать.

На всякий случай Маврин приставил к Лыкову двух разведчиков. Сыщик подстраховался и решил ехать не в Москву, а в Одессу. Верховые сделали крюк и вышли к станции Боярка. Здесь питерец сдал солдатам казенного коня и вручил по трешнице. Перекрестился и вошел в вагон.

Погони за ним, разумеется, не было. Через три дня Лыков прибыл в Петербург. С вокзала явился на службу и сделал доклад директору Департамента полиции.

Зволянский слушал и с каждой минутой мрачнел. Когда надворный советник закончил, Сергей Эрастович спросил:

— Значит, доказательств вины Асланова у тебя нет?

— Ни малейших.

— Что намерен делать?

— А что я могу сделать? — ответил Лыков. — На усмотрение начальства.

— Уж нет, я на себя не возьму! — воскликнул действительный статский советник. — Идем к министру.

Сипягин смог принять их только поздно вечером. Так же мрачно он выслушал доклад и задал тот же вопрос. Лыков ответил чуть более обстоятельно:

— Снять околоточного надзирателя вполне во власти вашего высокопревосходительства. И, сказать по правде, такому негодяю, как Асланов, не место в полиции.

— А если вы ошибаетесь на его счет? Мы уволим тогда честного и полезного человека.

— Я не ошибаюсь. У меня просто нет доказательств.

Тут встрял Зволянский:

— Дмитрий Сергеевич, я знаю Лыкова много лет. Он все свои дознания доводил до суда. Это первая осечка. Да и осечка ли? Я ему верю. Если Алексей Николаевич говорит, что надзиратель Асланов связан с преступниками, значит, так и есть.

Сипягин подумал-подумал и сказал:

— Поехали к Витте. Это ведь он кашу заварил. Пусть теперь хлебает ее с нами вместе.

Министр финансов принял полицейских у себя в гостиной. В комнатах мелькнула жена Витте Матильда и сразу исчезла... Лыков в третий раз за день изложил произошедшие в Киеве события.

Витте внимательно изучил бумаги Прозумента. Потом тоже задал вопрос, но другой:

— Значит, Михаил Меринг отношения к убийству не имеет?

— Не имеет. Он нанял уголовных... образумить Афонасопуло. А те перестарались. Убивать Меринг не хотел.

Сановник покосился на своего приятеля-министра. Сипягин кивнул:

— Разумеется, дальше нас не уйдет.

Витте чуть не плюнул с досады:

— Говорил мне Федор Федорович Меринг, что старший из его сыновей кончит дурно. И оказался прав...

Все молча ждали продолжения.

— Михаил — сильный математик, — опять заговорил после паузы министр финансов. — Из него вышел бы хороший ученый. Но, как сказал мне однажды старый доктор, у него характер игрока. Плохо, очень плохо.

— Что плохо? — спросил Сипягин. — Дела против него мы открывать не станем.

— Отвратительно!

— Но почему?

— Потому, — объяснил один министр другому, — что Меринг пятнает мое имя.

— Разорится и перестанет.

На этих словах Витте встал и протянул Лыкову руку:

— Алексей Николаевич, я весьма признателен вам за ваш рассказ. И за проделанную в Киеве работу.

Тут же обернулся к Сипягину:

— Поужинаешь с нами?

Зволянский с Лыковым тихо удалились. Сановники не обратили на их уход никакого внимания.

Утром следующего дня Лыков отправился на почту. Вложил в ценный

пакет золотой крест и короткую записку, в которой сообщал в Харьков сестре Володимерова о смерти брата. И о том, что тот в последние свои минуты вспоминал о ней. Еще указал, что Володимеров умер в Киевской тюрьме, находясь под следствием, и обвинялся в грабежах с убийствами.

Сыщик было не по себе. Он провалил дело, не смог довести его до суда. Это произошло бы рано или поздно, у всех случаются неудачи. Даже Благово однажды оказался бессилён, и убийца избежал каторги. Но тут злодей жив-здоров и при должности. Сколько ещё горя он принесет людям? Используя свою власть, Зволянский предложил Асланову добровольно подать в отставку, но киевский губернатор воспротивился. Сипягин отстранился от дела и отказался послать в столицу Юго-Западного края ревизию. Лыкову объяснили, что в город ожидается приезд государя. И Трепов заявил министру, что не может менять ключевые фигуры в полиции накануне августейшего визита из соображений безопасности. Сыщик понял, что это отговорка, которая всех устраивала. На самом деле, конечно, Сипягин пошел на поводу у Витте. А тот был против ревизии из шкурных соображений: мало ли что всплывет про его зятя? В результате Асланов остался безнаказанным.

Наказать, и то с большим запозданием, удалось лишь Цихоцкого. Проступки по службе не прошли ему даром. Итоги ревизии киевской полиции могли бы затеряться в недрах Департамента, но благодаря Зволянскому всплыли-таки наружу. Цихоцкий был отправлен в отставку два года спустя. Правда, при этом его произвели в генерал-майоры. И поехал его превосходительство управлять купленным на взятки имением...

Через месяц после возвращения из Киева Высочайшим указом по гражданскому ведомству Алексей Николаевич Лыков получил чин коллежского советника. Причем со старшинством с 1 января 1899 года. Видимо, это было своеобразное извинение Сипягина перед ним — за то, что втянул в неприятную историю...

Эпилог

С. Ю. Витте разорвал отношения с падчерицей и зятем. Те вскоре разошлись, и Михаил Меринг уехал во Францию. Там, по слухам, он вращался в социальных низах и занимался биржевыми спекуляциями. Следы его теряются в неизвестности.

До того как покинуть страну, несостоявшийся астроном лишился всего. По иску Льва Бродского Киевское акционерное домостроительное общество было ликвидировано, а его имущество продано с молотка. Рискованные авантюры председателя правления привели КАДО к банкротству. Бродский получил лучшие куски: гостиницу «Континенталь» и театр Соловцова. Гостиницу сахарозаводчик потом продал, а здание театра оставил себе и регулярно получал за него высокую арендную плату. Земля, на которой стояла бывшая усадьба Меринга, перешла к городу в 1902 году.

Крах КАДО создал большие проблемы его главному инвестору — Киевскому частному коммерческому банку. Он остался без денег, с большим количеством начатых Мерингом и незаконченных строек. Объекты числились в залоге и были проданы в условиях кризиса со значительными потерями. Витте в своих воспоминаниях сообщает, что попавший в беду банк спасли частные инвесторы. Желавшие сделать приятное министру финансов.

Домовладельческий кризис конца XIX — начала XX века в Киеве принес много неприятностей строительным магнатам. Даже знаменитый Лев Гинсбург оказался неплатежеспособен, и над его делами была назначена временная администрация. Возглавил ее, кстати, все тот же Д. С. Марголин. Но в конце концов подрядчики и инвесторы выкарабкались. Они получили назад вместо своих денег дома (через систему залога). И даже остались в некоторой выгоде, потому что цена залога всегда ниже его реальной стоимости. В итоге Гинсбург достроил знаменитый шестиэтажный небоскреб на Николаевской площади. Подрядчики, кирпичники, частные кредиторы — все отыграли свои потери. А Киев получил новые здания, которые очень оживили и без того прекрасный город. В конечном счете надо сказать спасибо М. Мерингу и Г. Шлейферу за их труды.

Хуже было с криминальной обстановкой. Желязовский вскоре вышел в отставку. В 1901 году начальником сыскного отделения стал талантливый

сыщик Г. М. Рудой. Он добился того, что в штате отделения наконец-то появились четыре чиновника. Увеличилось и финансирование, позволившее нанять в помощь городovým сыскным агентам. Под руководством Рудого его подчиненные встретили самое трудное испытание — «генеральную репетицию». За два года количество убийств в Киеве выросло в пять раз! Среди сыщиков были погибшие и раненые, были и малодушные дезертиры. Так, осенью 1905 года четыре агента попытались арестовать опасного преступника. На шум явилась банда погромщиков, вооруженная ножами и дубинами. Двух сыщиков убили на месте, третьего покалечили. Последний сумел смешаться с толпой и лишь поэтому спасся. Когда он потом в суде указал на виновных, те нашли лжесвидетелей, обеспечивших убийцам алиби. Преступники остались на свободе. Легко представить, как это деморализовало сыщиков...

Еще хуже обстояли дела с внутренними болезнями сыскной полиции. Рудой не справился с развращенными уже подчиненными и вынужден был уйти. В 1909 году разразился громкий скандал. К тому времени помощником пристава Бульварного участка и заведующим сыскным отделением был С. Ф. Асланов. Он и развернулся во всю мощь своего черного таланта. Спиридон Федорович напрямую руководил бандой грабителей. А еще покрывал воров, уничтожал их учетные карточки в архиве отделения, присваивал себе вещдоки. В прессе скандал так и называли — асланиада. Состоялся суд над «демоном зла» и его правой рукой агентом Зелло. За преступления по должности Асланов был приговорен к трем годам и трем месяцам исправительных арестантских отделений. Но затем тихо амнистирован и уехал в Баку. В Киевской сыскной полиции пришлось провести чистку личного состава и почти полностью обновить ее штаты.

Н. А. Красовский сменил С. Ф. Асланова и с 1909-го по 1911 год исполнял обязанности главного киевского сыщика. Но не ужился с начальством и продолжил службу в должности пристава 3-го стана Сквирского уезда. Николай Александрович вел дело Бейлиса, не поддержал версию ритуального убийства и был за это уволен из полиции. Организовал потом частное расследование преступления и оказался в числе тех, кто не позволил осудить невиновного. Следы Красовского теряются во Франции, куда он эмигрировал после революции.

Через месяц после того, как Лыков едва унес ноги из Киева, там случилось очередное преступление. Воры залезли в марголинскую дачу — и налетели там на Савелия Драпогузова. Тот в одиночку схватил двоих и доставил в полицию. И вдруг, уже на пороге участка, получил от одного из

них удар ножом... Камердинер выкарабкался с того света и продолжил служить у магната.

М. И. Драгомиров в 1903 году получил назначение в Государственный совет, но ни разу там не появился. Он уехал в свое имение в Конотоп, где и умер спустя два года. На посту командующего Киевским военным округом его сменил печально знаменитый Сухомлинов. А Дикая Мавра продолжил служить. Алексей Алексеевич прижился в Киеве, выдал здесь замуж дочерей и даже стал домовладельцем. Генерал выстроил два доходных дома в очередной период строительной горячки 1910-х. Они были записаны на его жену, а средства предоставило то самое Городское кредитное общество... Дома стоят до сих пор, их можно узнать по родовому гербу Мавриных на фронте: олень и стрела. Когда началась Великая война, А. А. Маврин был уже генералом от инфантерии. Он стал главным начальником снабжений армий Юго-Западного фронта. За несколько дней до Февральской революции уволен по болезни с мундиром и пенсией. В октябре 1919 года определен из отставки на службу с зачислением в резерв чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР^[62]. Дата и обстоятельства смерти генерала до сих пор неизвестны. Вера Васильевна Маврина умерла в Париже в 1944 году.

notes

СНОСКИ

ВУК — Военно-ученый комитет, структура в составе Военного министерства, которая занималась в том числе вопросами разведки. *(Здесь и далее примеч. автора.)*

«*На гуся*» — наградные к Рождеству.

ГЖУ — губернское жандармское управление.

Николаевская академия — академия Генерального штаба.

Тогда Военное министерство финансировалось по так называемым предельным бюджетам — трехлетним планам; все сверхплановые траты защищались отдельно.

Открытый лист — документ, обязывающий местные власти оказывать содействие командированному чиновнику.

Река Фечка.

8

Почти 98 метров.

Вокзал — увеселительное место с буфетом (*устар.*).

Контракты — ярмарка в Киеве, самая большая в Юго-Западном крае, проходила ежегодно в феврале-марте и собирала огромное количество приезжих.

См. книгу «Дознание в Риге».

Грантовщик — то же, что и гайменник: разбойник.

КЧКБ — Киевский частный коммерческий банк; *ГКО* — Городское кредитное общество.

МСП — Московская сыскная полиция; *Мойсеенко* — действующее лицо из рассказа «Дело Безносого» (см. книгу «Удар в сердце»).

Пассер — то же, что и блатер-каин: барыга, скупщик краденого (жарг.).

Взаимные заклады — тотализатор.

Бесписьменный — человек без документов или с документами, но без прописки.

Хоровод — банда (жарг.).

Мокрый грант — ограбление с убийством (жарг.).

Басаманик — то же, что и бугайщик: вор, подбрасывающий жертве кошелек и потом обкрадывающий ее в момент обыска, якобы в поисках пропажи.

Столёвская часть — кражи со взломом (жарг.).

Малые ручные цепочки — наручники.

Согласно преданию, в этих местах была любимая охота князя Владимира.

Серый барин — околоточный надзиратель (жарг.).

Борзой — сыщик; *бирка* — паспорт, документ (жарг.).

«Красный» — вор (жарг.).

В коробке тогда насчитывалось 75 спичек, поэтому Лыкову и понадобилось их два.

Царева дача — тюрьма (жарг.).

Кишеня — карман.

Стоять на цинке — стоять на страже; *блатак* — барыга; *фикс* — золото; *наховирка* — драгоценные камни и жемчуг; *финаги* — деньги; *ветошный* — не блатной (жарг.).

Бить плесом — доносить (жарг.).

Артили полотеров, так же как и старьевщиков, часто вступали в сговор с квартирными ворами.

Письменные условия — договор найма.

Рештак — арестантские роты (*жарг.*).

Портяночник — мелкий грабитель (жарг.).

Форс — деньги (*жарг.*).

По сведениям газетчиков, черепаху оставили в бассейне.

Келарь — монах, ведающий монастырским хозяйством.

Новицкий имеет в виду поручика 47-го пехотного Украинского полка С. И. Квятковского.

Владимир Александрович Сухомлинов — начальник штаба округа.

Так в то время произносилось слово «сейф».

Ферейн — союз, клуб.

Винтить — играть в винт.

Кле — вещь (жарг.).

Идти по восьмому отделению — имитировать сумасшествие с целью попасть из тюрьмы в больницу на испытание (*жарг.*).

Скуржа — серебро (*жарг.*).

Сказаться дома — сдаться полиции без боя (жарг.).

182 cm.

Сотка — одна сотая ведра, 123 мл.

Искаженная цитата из «Книжки для молодых солдат», которую в армии заучивали наизусть: «Солдат есть имя общее, знаменитое, солдатом называется и первейший генерал, и последний рядовой».

Скачок — вор, проникающий в квартиры через подбор ключей;
шнифер — вор, занимающийся кражами со взломом.

Евбаз — Еврейский базар на Галицкой площади.

Число посетителей Киевской сельскохозяйственной и промышленной выставки 1897 года составило 202 268 человек, Нижегородской — 991 033 человека.

Ехать на небо тайгою — врать без конца (жарг.).

Так в то время произносилось слово «буры».

См. книгу «Дело Варнавинского маньяка».

Мальпост — детская коляска.

Клеенка (шпак, штафирка) — штатский (пренебр.).

Охотничья команда — конная разведка.

Поздник — извозчик, помогающий преступникам (*жарг.*).

Фуфер — поджигатель (*жарг.*).

ВСЮР — Вооруженные силы Юга России.